

ISSN 2587-6503

БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2025. №4

ISSN 2587-6503 (Print)

**Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**

2025. № 4

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2025. № 4

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социологии.

Журнал публикует статьи на русском, английском,
калмыцком и монгольском языках.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Подписной индекс в каталоге Агентства «Книга-Сервис»:

33086

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2025. No. 4

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, sociology.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Kniga-Servis Agency) — 33086

Главный редактор

канд. фил. наук
В. В. Куканова

Редколлегия:

Бакаева Э. П., д-р ист. наук; *Баянова А. Т.*, канд. фил. наук;
Ванчикова Ц. П., д-р ист. наук; *Голенкова З.Т.*, д-р филос. наук; *Дампилова Л. С.*, д-р фил. наук; *Денисова Г. С.*, д-р соц. наук;
Дулина Н. В., д-р соц. наук; *Жуковская Н. Л.*, д-р ист. наук;
Зайцев И. В., д-р ист. наук; *Иванова И. Н.*, д-р фил. наук;
Казиева А. М., д-р фил. наук; *Кляус В. Л.*, д-р фил. наук;
Кольцов П. М., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Лукьяшко С. И., д-р ист. наук; *Лушников Д. А.*, д-р соц. наук; *Манджиева Б. Б.*, д-р фил. наук;
Музраева Д. Н., канд. фил. наук, д-р ист. наук;
Очиров У. Б., д-р ист. наук; *Пюрбеев Г. Ц.*, д-р фил. наук;
Ринчинов О. С., канд. физ.-мат. наук, д-р ист. наук;
Ситдиков А. Г., д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., д-р фил. наук; *Ярмаркина Г. М.*, канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,
Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: publ.kscras@gmail.com

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Переводчик: Б. О. Номинханова

Дизайн: Д. В. Татнинов

Верстка: А. Н. Когданов

© КалмНЦ РАН, 2025

© Коллектив авторов, 2025

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bayanova A. T.,* Cand. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Golenkova Z. T.* Dr. Sc. (Philosophy)
Dampilova L. S., Dr. Sc. (Philology); *Denisova G. C.,* Dr. Sc. (Sociology); *Dulina N.*
V., Dr. Sc. (Sociology); *Zhukovskaya N. L.,* Dr. Sc. (History);
Zaytsev I. V., Dr. Sc. (History); *Ivanova I. N.,* Dr. Sc. (Philology);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Klyaus V. L.,* Dr. Sc. (Philology);
Koltsov P. M., Dr. Sc. (History); *Krinko E. F.,* Dr. Sc. (History);
Lukjashko S. I., Dr. Sc. (History); *Lushnikov D. A.,* Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Dr. Sc. (Philology);
Muzraeva D. N., Cand. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.,* Dr. Sc. (History); *Pyurbeev*
G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Rinchinov O. S.,* Cand. Sc. (Physics, Mathematics), Dr.
Sc. (History); *Sitdikov A. G.,* Dr. Sc. (History);
Fokin A. A., Dr. Sc. (Philology); *Khabunova E. E.,* Dr. Sc. (Philology); *Khaninova*
R. M., Dr. Sc. (Philology);
Yarmarkina G. M., Cand. Sc. (Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:
Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:
8, Ilishkin St., Elista 358000,
Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: publ.kscras@gmail.com
Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Traslator: B. O. Nominkhanova
Design: D. V. Tatninov
Page layout: A. N. Kogdanov

© KalmSC RAS, 2025
© Composite authors, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Археология

- Кекеев Э. А., Дарбаков Э. Х.** Археологические раскопки кургана 12 курганного могильника «Гашунский» на территории г. Элисты Республики Калмыкия 8
- Лиджикова Т. В.** Особенности морфологии посткраниального скелета населения катакомбной культуры волго-маньчских степей 31
- Ковалева К. С.** Цветной металл савромато-сарматского времени Нижнего Поволжья и Южного Урала: полвека аналитических исследований 57

Историография и источниковедение

- Кекеев Э. А.** Археологические предметы как источники в изучении древней и средневековой истории волго-маньчских степей 73
- Музраев Н. Л.** Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг.: историографический аспект 94
- Азванова Н. М.** Курсовые сочинения студентов миссионерского отделения Казанской духовной академии, посвященные истории калмыков: тематика и источниковедческий потенциал 106
- Мучаева И. И.** Предметы кочевого быта калмыков на выставочных мероприятиях Российской империи 121

Фольклористика

- Горяева Б. Б.** Мотив иного / подводного мира в калмыцкой волшебной сказке 135

Литературоведение

- Музраева Д. Н.** Легендарные повествования о бодхисаттве Авалоки-тешваре (К сравнению сюжетов 1-й части «Мани-камбума» и «Сутры о мудрости и глупости») 146

Социология

- Латыш Г. В.** Миграционные процессы на Дальнем Востоке на современном этапе 156
- Ковалев В. В., Дятлов А. В.** Профессиональное самочувствие учителей в условиях реализации менеджеристской политики 169
- Маркеев К. А.** О развитии добровольчества (волонтерства) в Республике Калмыкия 187

CONTENT

Archaeology

- Kekeev E. A., Darbakov E. Kh.** Archaeological Excavations of Mound 12 of the *Gashunsky Burial Ground* in Elista, Kalmykia 8
- Lidzhikova T. V.** Features of the Postcranial Skeleton Morphology of the Catacomb Culture Population from the Volgo-Manych Steppes 31
- Kovaleva K. S.** Non-Ferrous Metals of the Sauromat-Sarmatian Period in the Lower Volga and Southern Urals Region: a Half Century of Analytical Research 57

Historiography and source studies

- Kekeev E. A.** Archaeological Objects as Sources in the Study of Ancient and Medieval History of the Volga-Manych Steppes 73
- Muzraev N. L.** Participation of the Kalmyks in the Russo-Turkish War of 1735–1739: a Historiographical Aspect 94
- Azvanova N. M.** Term Papers by Students of the Missionary Department of the Kazan Theological Academy on the History of the Kalmyks: Subject Matter and Source Potential 106
- Muchaeva I. I.** Items of Kalmyk Nomadic Life at Exhibition Events of the Russian Empire 121

Folklore Studies

- Goryaeva B. B.** The Motif of the other World / Underwater World in a Kalmyk Fairy Tale 135

Literature Studies

- Muzraeva D. N.** Legendary Stories of the Bodhisattva Avalokiteshvara (On the comparison of the plots of Part 1 of “Mani-Kambum” and “The Sutra of the Wise and the Fool”) 146

Sociology

- Latish G. V.** Migration Processes in the Far East at the Present Stage 156
- Kovalev V. V., Dyatlov A. V.** Teachers’ Professional Well-Being in the context of Managerial Policy Implementation 169
- Markeev K. A.** On the Development of Volunteerism in the Republic of Kalmykia 187

УДК / UDC 902/904

Археологические раскопки кургана 12 курганного могильника «Гашунский» на территории г. Элисты Республики Калмыкия

Эрдни Анатольевич Кекеев¹, Энкир Хонгорович Дарбаков²

Archaeological Excavations of Mound 12 of the *Gashunsky Burial Ground* in Elista, Kalmykia

Erdni A. Kekeev¹, Enkir Kh. Darbakov²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) ¹ Kalmyk Scientific Centre of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev[at]yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) ² Kalmyk Scientific Centre of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0009-0007-3793-7162. E-mail: darbakovenkir[at]yandex.ru

Аннотация: *Введение.* В 2024–2025 гг. археологической экспедицией Калмыцкого научного центра РАН на северо-восточной окраине г. Элисты Республики Калмыкия были проведены археологические научно-исследовательские работы (раскопки кургана 12 в составе выявленного объекта археологического наследия «Курганный могильник „Гашунский“» (9 курганов)). *Целью* данной статьи является описание результатов археологических раскопок указанного выше памятника. *Результаты.* Было выявлено 6 погребений, относящихся к эпохе бронзы (погребения 1, 2, 4, 5, 6) и переходному периоду между эпохой бронзы и ранним железным веком (погребение

ние 3). Основным является погребение 6, отнесенное к раннекатакомбному горизонту бронзового века.

Ключевые слова: волго-маньчские степи, Республика Калмыкия, г. Элиста, курганный могильник «Гашунский», курган, погребение, ранний бронзовый век, раннекатакомбная культура, восточноманьчская катакомбная культура

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Кекеев Э. А., Дарбаков Э. Х. Археологические раскопки кургана 12 курганного могильника «Гашунский» на территории г. Элисты Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 8–30. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-8-30

Abstract. *Introduction.* In 2024–2025, the archaeological expedition of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences conducted archaeological research on the northeastern outskirts of the city of Elista in the Republic of Kalmykia (excavation of Mound 12 as part of the identified archaeological heritage site “Gashunsky Mound Cemetery” (9 mounds). The *purpose* of this article is to describe the results of archaeological excavations of the above mentioned monument. *Results.* Six burials were identified, belonging to different periods of the Bronze Age (burials 1, 2, 4, 5, 6) and the transitional period between the Bronze Age and the Early Iron Age (burial 3). The main burial is burial 6, which belongs to the Early Catacomb Horizon of the Bronze Age.

Keywords: Volga-Manych steppes, Republic of Kalmykia, Elista, Gashunsky burial mound, burial, Early Bronze Age, Early Catacomb Culture, East Manych Catacomb Culture

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Kekeev E. A., Darbakov E. Kh. Archaeological Excavations of Mound 12 of the *Gashunsky Burial Ground* in Elista, Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 4. Pp. 8–30. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-8-30

1. Введение

В 2024–2025 гг. археологической экспедицией Калмыцкого научного центра РАН (КалмНЦ РАН) были проведены археологические научно-исследовательские работы (раскопки) на территории кургана 12 в составе выявленного объекта археологического наследия «Курганный могильник „Гашунский“» (9 курганов), расположенного на северо-восточной окраине г. Элисты Республики Калмыкия.

Целью данной публикации является введение в научный оборот новой информации, полученной в результате археологических раскопок кургана 12 Гашунского курганного могильника.

2. Материалы и методы

Курган 12 являлся крайним западным курганом в цепочке сохранившихся курганов Гашунского могильника. Могильник находится на водоразделе, к северу расположена балка Гашун-Сала, а к югу — балка Элиста.

До начала раскопок проведено визуальное обследование и предварительная разметка памятника. Для снятия земляной насыпи и выемки грунта был привлечен экскаватор-погрузчик. Вскрытие насыпи производилось с оставлением трех бровок, размеченных по линии Запад – Восток. Зачистка стратиграфических разрезов, снос бровок и исследование выявленных погребений было проведено с помощью ручных инструментов. На всех этапах полевых работ применялась современная цифровая техника, в том числе GPS-приемник, электронный тахеометр, цифровая фотокамера и др. Все полевые работы были проведены в соответствии с принятой на сегодняшний день методикой изучения археологических памятников [[Положение 2023](#)].

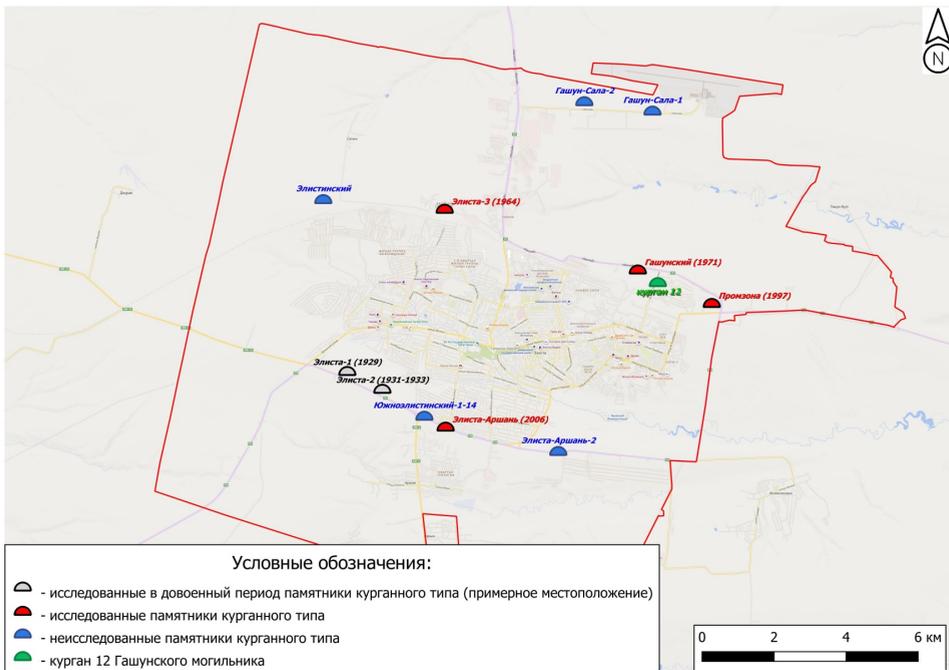
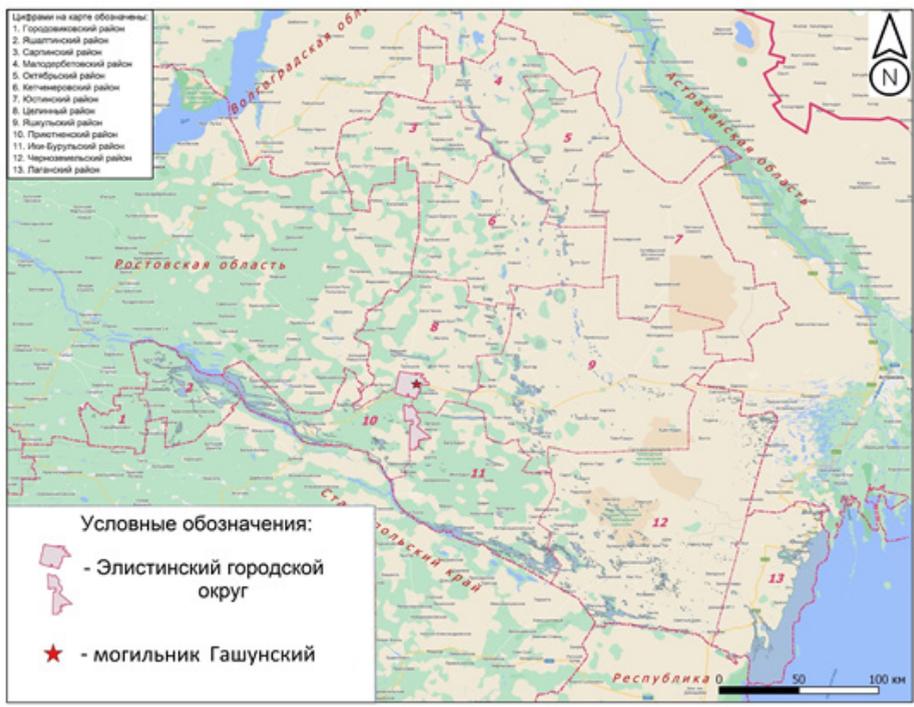
3. История исследования Гашунского курганного могильника

Курганный могильник «Гашунский» расположен на северо-восточной окраине г. Элисты (рис. 1, 2), в начале 1970-х гг. эта территория, скорее всего, была свободной от застройки. Цепь курганов расположена на линии водораздела и имела широтную ориентировку. Курганы имели небольшие и средние по размеру насыпи: высотой от 0,5 до 2,6 м и диаметром от 10 до 33 м.

В этот период территория, занимаемая западной частью могильника, была отведена под складские помещения железнодорожной станции. В ходе проведения спасательных работ в 1971 г. У.Э. Эрдниевым в составе курганного могильника «Гашунский» были раскопаны 8 курганов (№№ 2–5, 7, 8, 10, 11). Курганы № 1, 6, 9 остались не исследованными: курган № 1 находился в зоне разгруженных строительных материалов, курганы № 6 и № 9 были сильно повреждены, по-видимому, во время Великой Отечественной войны (глубокие ямы в центральной части). В восьми исследованных курганах было изучено 10 погребений, 3 из которых были отнесены к ямному времени, 2 — к катакомбной культуре, 3 — к сарматской культуре, 2 — к поздним кочевникам [[Эрдниев 1981: 70–77](#)].

В 1997 г. М. А. Очир-Горяевой на северо-восточной окраине Элисты был исследован курганный могильник «Промзона». По сути, эти курганы являлись крайними восточными в цепи курганов Гашунского могильника. В трех изученных курганах выявлены одно погребение раннего железного века и два погребения эпохи средневековья [[Очир-Горяева 2017: 201–223](#)].

В 2008 г. были проведены археологические разведки на территории г. Элисты, которые были направлены на дополнительное изучение, в том числе Гашунского могильника, так как в этих группах были раскопаны не все курганы. Было установлено, что в цепи курганов сохранилось 9 насыпей (курганы №№ 12–20) [[Буваев 2011: 75–80](#)] (рис. 3).

В 2016 г. данный памятник был повторно обследован В. В. Цыбрием, который также выявил 9 курганов (курганы №№ 12–20) и провел работу по определению границ территории данного объекта археологического наследия.

4. Результаты изучения насыпи кургана 12 курганного могильника «Гашунский» и прилегающей территории

4.1. Визуальное изучение кургана и прилегающей территории

Насыпь изучаемого кургана имела в плане округлую форму диаметром 25 м и высотой 0,8 м (рис. 4). Поверхность его была покрыта травянистой и кустарниковой степной растительностью. Через центр насыпи с северо-запада на юго-восток проходила грунтовая дорога с глубокой колеей (до 0,3 м). На поверхности кургана, в окружающих его углублениях и в округе зафиксированы мелкие и средние фрагменты строительного и бытового мусора. В результате визуального обследования насыпи кургана и прилегающей территории было установлено, что поверхность дороги на участке, проходящем через восточный край насыпи, имеет слабо читаемое углубление, а остальная часть края насыпи и прилегающей территории сильно повреждена жизнедеятельностью человека. По информации местных жителей, часть грунта забиралась для сооружения насыпи проходящих рядом дорог с твердым покрытием. Северный и юго-западный края насыпи и прилегающей территории сильно повреждены этими работами. Широкие и достаточно глубокие ямы имеют следы затекания, по видимому, часть ям создавалась для свалки мусора.

4.2. Стратиграфические данные, выявленные в результате раскопок

Первое, на что необходимо обратить внимание — это нарушение поверхности насыпи кургана проходящей через его центр проселочной дорогой, колея которой достигала глубины до 0,3 м. В связи с тем, что дорога проходит прямо через визуальный центр насыпи кургана, часть высот бровок имеет положительное значение относительно центрального репера, который находился в глубокой колее дороги. Так как бровки размечены по линии запад-восток, а дорога проходила по линии Северо-запад – Юго-восток, углубления от колеи дороги зафиксированы на разных участках стратиграфических разрезов (профилей). В месте прохождения дороги в профилях отсутствовал и без того слабовыраженный гумусный слой, а колея заметно углублялась в насыпь кургана.

Исследование стратиграфических данных в профилях оказалось затруднительным в связи с естественной промытостью насыпи атмосферными осадками до гомогенного состояния. В связи с этим достоверно удалось зафиксировать только уровень погребенной почвы и материковых пород. Судя по визуально слабо выраженным признакам в профилях бровок, можно предположить, что уровень материка находился на глубине около 0,9 м от 0 (рис. 4).

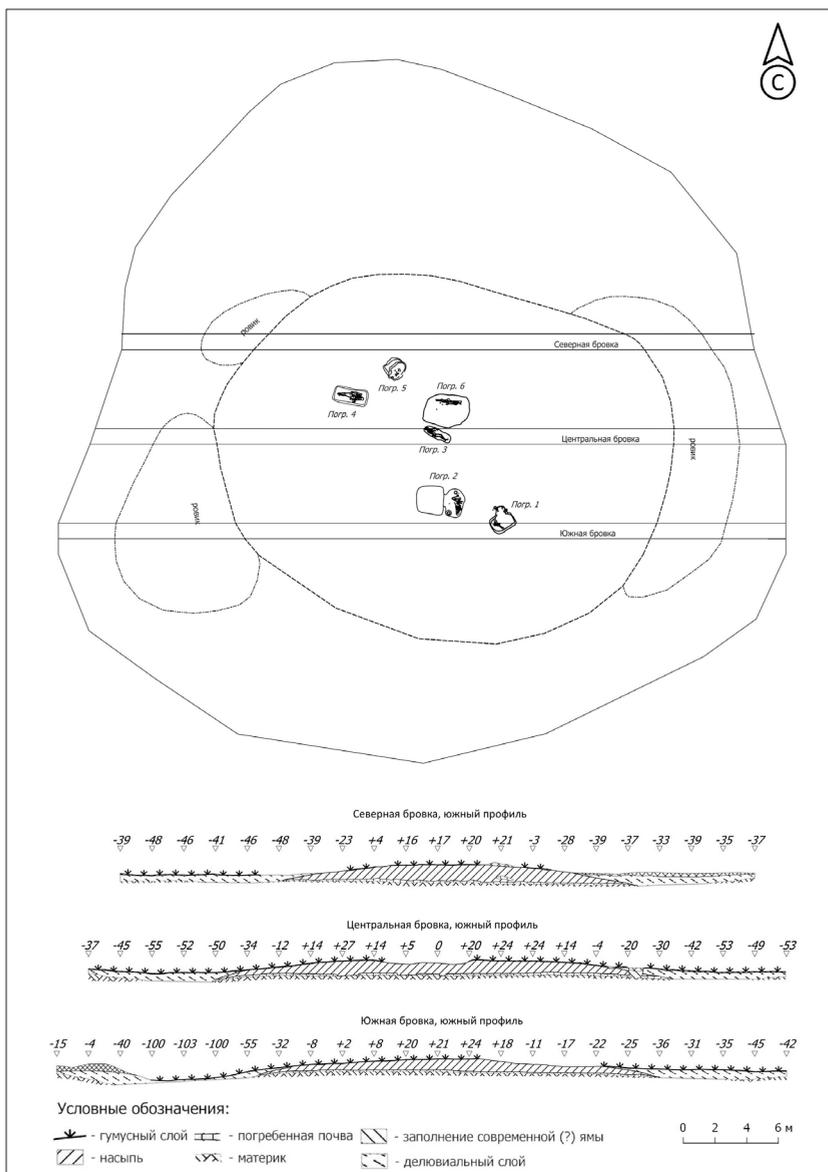

Рис. 4. Курганный могильник «Гашунский». Курган 12. План и разрезы кургана

5. Описание выявленных погребений

5.1. Погребение 1

Обнаружено на расстоянии 6,51 м к юго-юго-востоку от центрального репера. Первыми были обнаружены кости животных, в ходе дальнейшего изучения установлено, что это было скопление в заполнении входной ямы (рис. 5).

Конструкция погребения — катакомбная (входная яма с боковой камерой).

Входная яма была ориентирована длинной осью по линии Запад-юго-запад – Восток-северо-восток и имела общие размеры: длина 1,52 м, ши-

рина 1,1 м, глубина дна — 1,43 м от 0. В юго-западной части ямы, вдоль короткой юго-западной стенки, имелась ступенька шириной 0,85 м, глубиной 0,37 м и высотой 0,18 м от дна входной ямы.

Как указано выше, в заполнении входной ямы на глубине -0,91 м от 0 зафиксировано скопление костей животных. Большая часть скопления находилась над ступенькой, на высоте 0,3 м от нее и на высоте 0,48 м от уровня дна входной ямы. Скопление состояло из костей двух особей копытного животного: кости мелкого копытного (овца?) (фрагменты челюсти с зубами и кости конечностей) и кости крупного копытного (корова?) (плохо сохранившаяся нижняя челюсть с зубами) (рис. 5).

В северо-западной стенке входной ямы, непосредственно на уровне дна, устроен вход арочной формы в камеру: реконструируемая высота входа 0,43 м, ширина 0,87 м. Длинная ось камеры была параллельна длинной оси входной ямы. Камера имела в плане овальную форму, длиной 1,02 м, шириной 0,61 м.

Дно камеры имеет незначительный уклон от входа к задней стенке (перепад в 1 см). Глубина ямы у входного отверстия — -1,45 м от 0, глубина в центральной части камеры — -1,46 м от 0. Реконструируемая высота свода 0,45–0,47 м от дна камеры (рис. 5).

В камере были обнаружены разрозненные кости ребенка возрастом 2–3 лет. Кости были сильно смещены грызунами, однако кости черепа зафиксированы в центральной и восточной части катакомбы, что может указывать на то, что погребенный лежал головой на восток (рис. 5).

После фиксации всех костей и находок они были сняты, и произведено исследование заполнения всех выявленных нор землеройных животных. Каких-либо находок в этом заполнении обнаружено не было.

Находки

1. В восточной части камеры на дне стоял лепной светло-серо-коричневый глиняный сосуд с высокой шейкой, эллипсоидным туловом и плоским дном. Поверхность сосуда светло-серо-коричневого цвета с темными пятнами и подтеками, серого и черного цветов. На основании венчика и основании шейки имеется тонкий кольцевой орнамент в виде веревочного вдавливания. На венчике и шейке имеется отпечаток подпрямоугольной формы, вытянутый сверху вниз, размерами 1,6 x 3,6 см, по-видимому, это следы налепа (ручки?). Фрагменты налепа (ручки?) в погребении не обнаружены. Шейка сосуда высотой 5,3 см имеет цилиндрическую форму. Высота сосуда — 14,1 см, диаметр по внешнему верхнему краю венчика — 10,3 см, диаметр шейки у основания — 9,7 см, наибольший диаметр тулова — 14,5 см, диаметр дна — 6,8 см (рис. 6: 1).

2. Второй лепной светло-серо-коричневый глиняный сосуд стоял вплотную к первому, северо-восточнее, между ним и восточной стенкой камеры. Поверхность сосуда светло-серо-коричневого цвета с темными пятнами и подтеками, серого и черного цветов. На основании венчика имеется тонкий кольцевой орнамент в виде прочерченной, незамкнутой линии. Линия сделана тонким, твердым предметом (палочкой?) с шири-

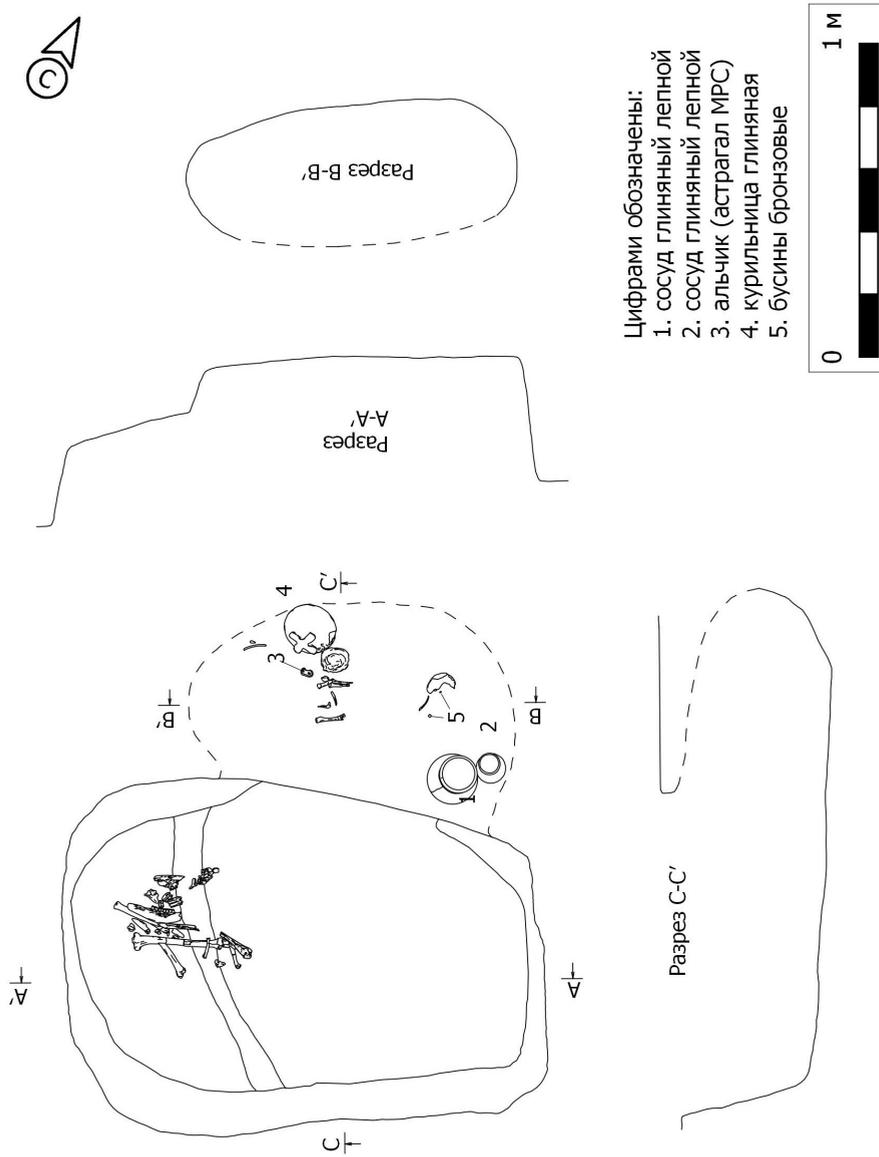

Рис. 5. Курганный могильник «Гашунский». Курган 12. Погребение 1. План и разрезы

ной конца 0,1 см. Сосуд имеет тулово и невысокую шейку. Тулово сосуда имеет эллипсоидную форму и плоское дно. Высота сосуда — 8,6 см, диаметр по внешнему верхнему краю венчика — 7,1 см, диаметр шейки у основания — 6,6 см, наибольший диаметр тулова — 8,9 см, диаметр дна — 4,7 см (рис. 6: 2).

3. В заполнении центральной части камеры, выше и южнее курильницы, зафиксирован альчик (астрагал) мелкого рогатого скота. Имеет стандартные размеры (2,3 x 3,3 см), следов обработки не обнаружено.

4. В заполнении камеры, у северной стенки, была обнаружена глиняная курильница чашевидной формы с внутренним боковым отделением на крестовидной ножке. Курильница зафиксирована в перевернутом положении, чаша лежала вплотную к наклонной северной стенке камеры. При снятии курильницы было зафиксировано заполнение чаши, которое имело густой красный цвет (охра). Тесто курильницы плохого обжига,

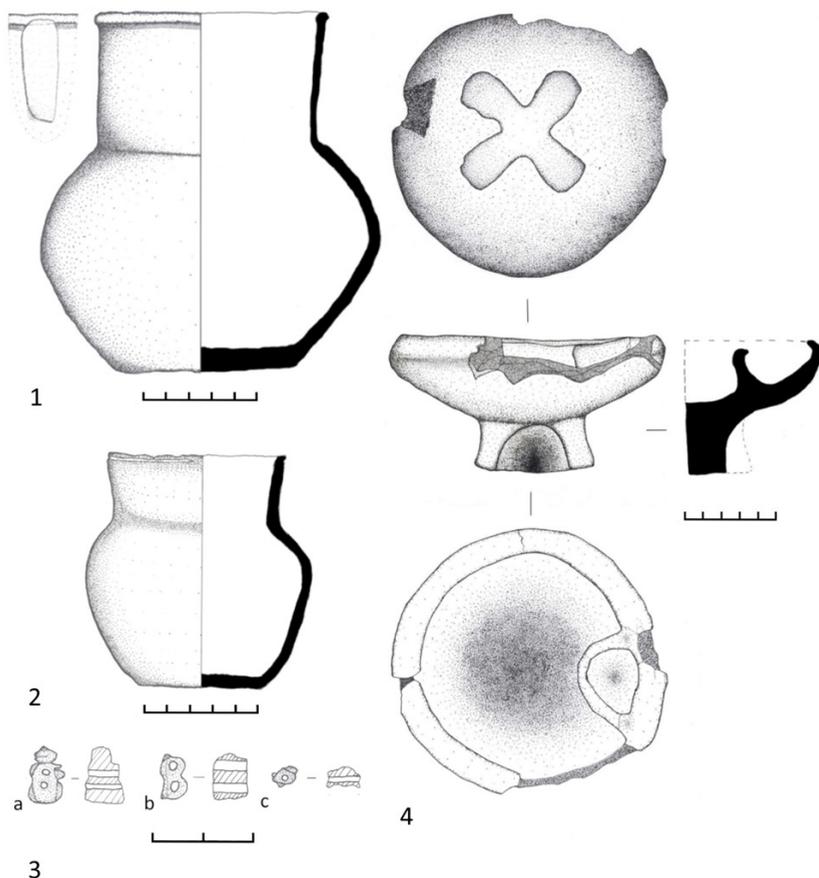

Рис. 6. Курганный могильник «Гашунский». Курган 12. Погребение 1.
Находки: 1 — сосуд глиняный лепной; 2 — сосуд глиняный лепной;
3 — бусины бронзовые; 4 — курильница глиняная

ввиду чего в двух местах чаша имеет утраченные участки венчика (3 и 8 см). Тесто черного цвета, с мелкими включениями шамота, очень плохого обжига. Поверхность курильницы имеет светло-серо-коричневый цвет с темными пятнами и подтеками, серого и черного цветов. Края чаши отогнуты внутрь. Края крестовидной ножки подпрямоугольной формы. Орнамент отсутствует. Высота курильницы — 8,4 см. Диаметр венчика снаружи — 15,8 см, по внутренней стороне — 13,4 см. Глубина отделения — 2,7 см, длина — 3,6 см, ширина — 3,6 см (рис. 6: 4).

5. В восточной части камеры, севернее глиняных сосудов, среди костей черепа собраны бронзовые бусины разной формы (рис. 6: 3):

а) бронзовая бусина в форме «восьмерки»: высота — 0,96 см, ширина — 0,51 см, толщина — 0,19 см; диаметр первого отверстия — 0,17 см, диаметр второго отверстия — 0,19 см (рис. 6: 3а);

б) бронзовая бусина в форме «восьмерки»: высота — 0,87 см, максимальная ширина — 0,8 см, максимальная толщина — 0,7 см; диаметр первого отверстия — 0,21 см, диаметр второго отверстия — 0,21 см (рис. 6: 3б);

в) бронзовая бусина: высота — 0,7 см, ширина — 0,6 см, толщина — 0,57 см, диаметр отверстия — 0,19 см (рис. 6: 3с).

По итогам изучения особенностей конструкции погребения и характерному погребальному инвентарю данное погребение отнесено к восточноманьчжской катакомбной культуре среднего бронзового века.

5.2. Погребение 2

Могильное пятно обнаружено в 3,19 м к югу от центрального репера, на дне южной траншеи, на глубине -0,85 м от 0. Входная яма в плане имела форму квадрата размерами 1,7 x 1,8 м и своими стенками была ориентирована по сторонам света (рис. 7).

Конструкция погребения — катакомбная (входная яма с боковой камерой). Стенки входной ямы были практически вертикальными. После зачистки входной ямы и камеры погребения установлено, что первоначальная глубина входной ямы была около -1,89 м от 0.

В восточной стенке входной ямы устроен вход овальной формы в камеру: реконструируемая высота входа 0,5 м, ширина 1,1 м. Длинная ось камеры ориентирована по линии Север – Юг. Камера имела овальную в плане форму, длиной 1,73 м, шириной 1,16 м. У входа дно камеры имеет уклон к задней стенке, остальная часть камеры имеет относительно ровное дно. Глубина ямы у входного отверстия — -1,9 м от 0, глубина в центральной части камеры — -1,95 м от 0. В северной части камеры, в 18 см от северной стенки камеры, зафиксирована ступенька высотой 6 см. Свод камеры не сохранился, удалось зафиксировать только придонную часть свода. Реконструируемая высота свода камеры — около 0,6 м.

В камере был обнаружен костяк взрослого мужчины (биологический возраст 25–34 года). Погребенный лежал на левом боку и головой был ориентирован на юг. Левая рука была вытянута вдоль тела, кисть лежала перед тазом. Плечевая кость правой руки лежала также вытянута вдоль тела, а кости предплечья после разложения распались и лежали на пра-

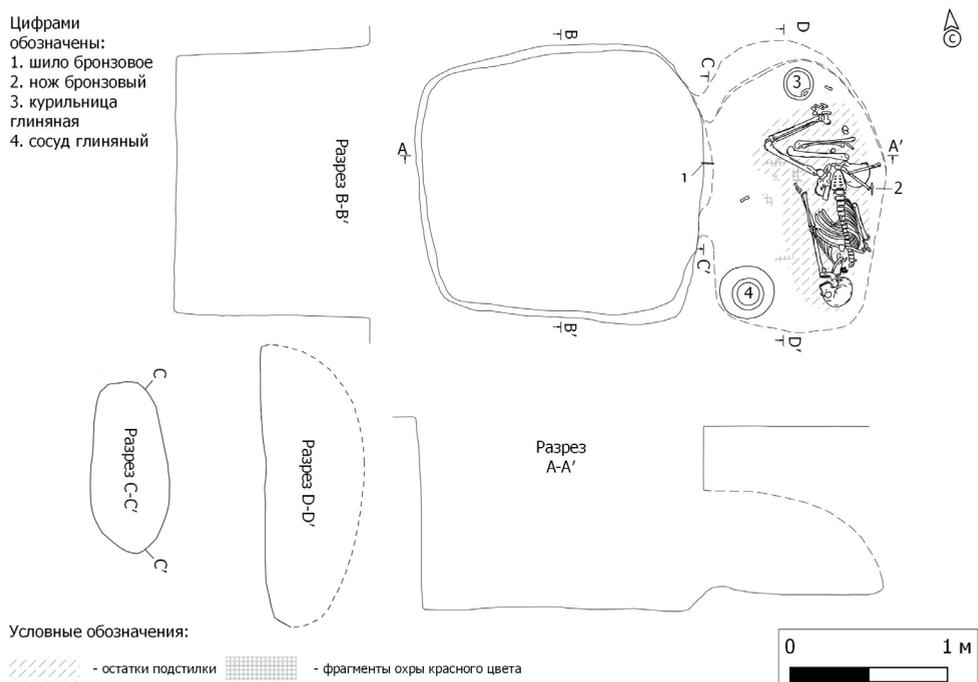

Рис. 7. Курганный могильник «Гашунский». Курган 12. Погребение 2. План и разрезы

вом крыле таза. Скорее всего, правая рука также была расположена вдоль тела. Ноги согнуты в коленях, правая нога согнута сильнее, бедренная и берцовые кости лежали практически параллельно. Бедренная и берцовые кости левой ноги располагались под углом около 45° относительно друг друга (рис. 7).

По всему дну как под самим погребенным, так и перед ним были зафиксированы остатки подстилки. Большая часть этих следов имела темно-коричневый цвет. Однако под костями грудной клетки обнаружены остатки подстилки голубовато-серого цвета (глина?). Кроме этого, на дне камеры зафиксированы следы красной охры. Наибольшие ее скопления отмечены между погребенным и входом в камеру. Крупные фрагменты зафиксированы перед грудью, левой рукой, коленями погребенного.

Находки

1. При зачистке восточной стенки входной ямы, фактически в заполнении входа в камеру, на глубине -1,48 м от 0, обнаружено бронзовое шило, сечение квадратное. Длина шила — 5,6 см, сечение — 0,4 x 0,4 см (рис. 8: 1).

2. В заполнении центральной части камеры, у ее восточной стенки, над костями таза погребенного был обнаружен дровиковидный бронзовый нож небольшого размера с длинным черенком и клинком в виде равнобедренного треугольника, у которого режущие кромки расположены по всей длине сходящихся сторон и подчеркиваются коваными фасками.

Длина ножа — 7,7 см, ширина клинка — 3,5 см. Длина черенка — 4,2 см, ширина черенка — 1,2–1,3 см, толщина черенка — 0,15 см (рис. 8: 2).

3. В северной части камеры, на дне, между северной стенкой камеры и стопами ног, стояла глиняная курильница на крестовидной ножке с внутренним боковым отделением (рис. 8: 4). Поверхность курильницы имеет серо-коричневый цвет, тесто плотное, хорошего обжига. Венчик чаши, в том числе край внутреннего отделения, украшен орнаментом, состоящим из двух колец веревочного вдавливания. Края чаши отогнуты внутрь. В чаше зафиксированы следы черного нагара, во внутреннем отделении следов нагара не обнаружено. Внешняя сторона чаши и верхний край ножки курильницы покрыты сложным шнуровым орнаментом. По орнаменту чаша разделена на восемь равных секторов, имеющих два чередующихся типа орнамента:

а) орнамент, представляющий собой тройные клинья, обращенные вершиной к ножке курильницы, в верхней части имеет петлевидный зигзаг;

б) орнамент, представляющий собой 4–6 волнообразных параллельных линий, идущих от венчика к основанию чаши. Плоское основание крестовидной ножки по краю орнаментировано замкнутой шнуровой линией и пятью отверстиями (одно в центре и по одному по центрам четырех «лепестков»). Диаметр отверстий — до 0,3 см, глубина — до 0,7 см. Высота курильницы — 9,1 см (высота чаши — 5,3 см, высота ножки — 3,8 см). Диаметр венчика снаружи — 17,2 см, ширина края чаши — 1,8–2,1 см. Глубина чаши в середине — 4,1 см. Размеры внутреннего отделения — 2,8–4,2 см, глубина — 2,8 см.

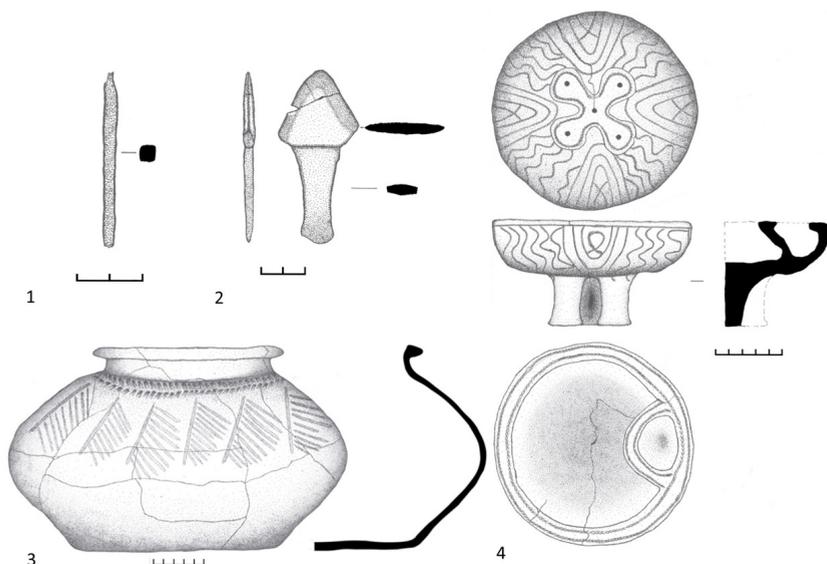

Рис. 8. Курганный могильник «Гашунский». Курган 12. Погребение 2.
Находки: 1 — шило бронзовое; 2 — нож бронзовый;
3 — сосуд глиняный; 4 — курильница глиняная

4. В юго-западном углу камеры на дне стоял глиняный сосуд реповидной формы с отогнутым венчиком (рис. 8: 3). Тулово сосуда эллипсоидной формы, дно плоское. Тесто сосуда среднего обжига, черного в изломе цвета, без крупных включений. Плечо украшено кольцевым орнаментом в виде «елочки», состоящим из вдавлений, сделанных плоским твердым предметом, имеющим прямоугольный край размерами 0,25–0,3 x 1 см.

Орнамент верхней части тулова состоит из 17 секторов, каждый из которых состоит из одной линии (длиной до 8 см), идущей под небольшим углом сверху вниз от кольцевого орнамента «елочкой» к середине тулова, и нескольких косых линий (до 11 в каждом секторе), идущих от первой линии примерно под таким же углом сверху вниз. Орнамент сделан путем прочерчивания и / или вдавления плоским твердым предметом с шириной края 0,25–0,3 см. Высота сосуда — 19,8 см, диаметр по внешнему краю венчика — 19,9 см, диаметр по внутреннему краю венчика — 14,5 см, ширина края венчика — до 2,3 м, высота края венчика — до 1,5 см, диаметр шейки у основания венчика — 16,9 см, наибольший диаметр тулова — 34 см, диаметр дна — 19,4 см.

По итогам изучения особенностей конструкции погребения и характерному погребальному инвентарю, данное погребение отнесено к восточноманьчжской катакомбной культуре среднего бронзового века.

5.3. Погребение 3

Обнаружено при зачистке центральной бровки, непосредственно под центральным репером, на глубине -0,9 м от 0. Погребение было впущено в насыпь кургана и лишь незначительно углублено в погребенную почву. Яма имела прямоугольно-овальную форму, вытянутую с запада на восток. Размеры ямы: ширина — 0,58 м, длина — 1,78 м. Дно ямы имеет незначительный уклон с запада (-1,03 м от 0) на восток (-1,07 м от 0). Стенки ямы зафиксированы только на высоту 3–9 см от ее дна (рис. 9).

В погребении лежал женский костяк (биологический возраст 45–55 лет). Погребенная лежала на левом боку вытянуто, головой была ориентирована на запад. Левая рука была выпрямлена и лежала под небольшим углом к телу, а кисть располагалась у северной стенки погребения. Правая рука была согнута в локте, плечевая кость лежала вдоль туловища, а кости предплечья — почти под прямым углом, и кисть руки располагалась между животом погребенной и северной стенкой погребения. Ноги были вытянуты, зафиксирован небольшой угол между бедренными и берцовыми костями погребенной (рис. 9).

Погребение было безынвентарным и датировано переходным периодом между бронзовым и ранним железным веками.

5.4. Погребение 4

Обнаружено на расстоянии 5,04 м к запад-северо-западу от центрального репера, на глубине -0,99 м от 0. Могильное пятно имело прямоугольную форму и длинной осью ориентировано по линии Запад – Восток. После зачистки погребения установлено, что яма имеет следующие размеры: ширина — 1 м, длина — 2,17 м. Стенки ямы ко дну сужаются,

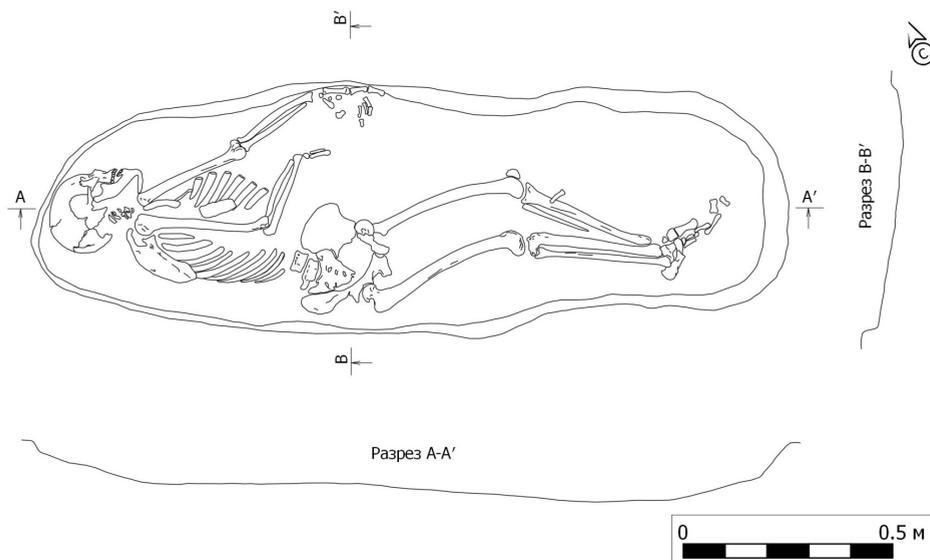

Рис. 9. Курганный могильник «Гашунский».
Курган 12. Погребение 3. План и разрезы

и дно имеет несколько меньшие размеры: ширина — 0,8 м, длина — 2 м (рис. 10).

На дне могилы обнаружены останки двух индивидуумов мужского пола. Погребенный 1 — останки взрослого человека мужского пола (биологический возраст 35–44 года), который лежал на спине вытянуто, головой был ориентирован на восток. Руки были вытянуты вдоль тела, кисти находились у костей таза. Ноги были вытянуты прямо и сходились вместе в районе стоп.

Останки второго взрослого мужчины (погребенный 2) состояли только из черепа (биологический возраст 25–34 года). Данный череп был зафиксирован лежащим на правом виске между костями левого предплечья погребенного 1 и южной стенкой ямы, нижняя челюсть лежала также на правой стороне, северо-восточнее черепа. По-видимому, череп погребенного 2 лежал на костях левого предплечья погребенного 1, а затем завалился к южной стенке погребения. Костей шейного отдела позвоночника у основания черепа погребенного 2 не обнаружено.

В западной и центральной части погребения (под погребенным 1), на дне зафиксированы остатки органической подстилки коричневого цвета. Кроме этого, в ногах погребенного 1, на дне погребения, обнаружены следы посыпки красной охрой (рис. 10).

Погребение было безынвентарным и датировано ранним бронзовым веком.

5.5. Погребение 5

Обнаружено на расстоянии 4,57 м к северо-западу от центрального репера, на глубине –1,04 м от 0. Могильное пятно имело подпрямоугольную

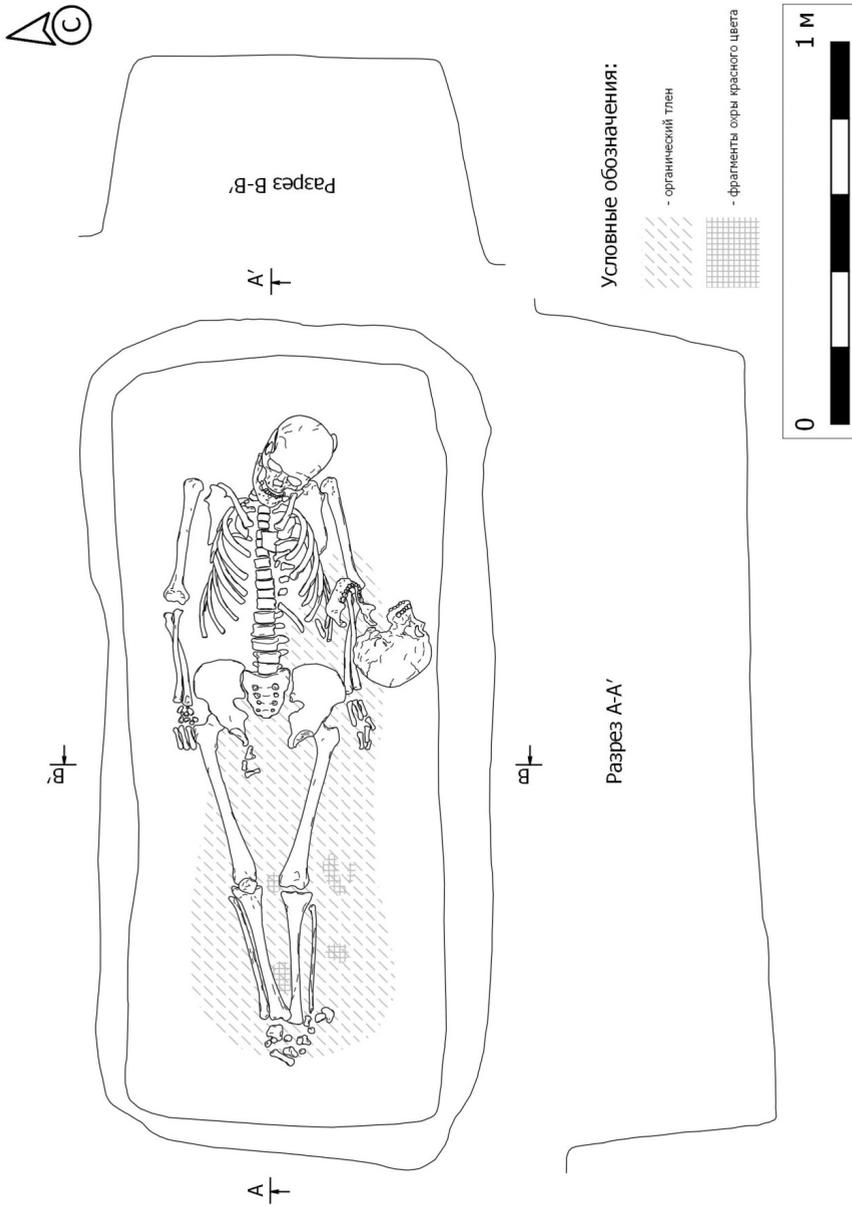

Рис. 10. Курганный могильник «Гашунский».
Курган 12. Погребение 4. План и разрезы

форму. Конструкция погребения — катакомбная (входная яма с боковой камерой).

Входная яма была ориентирована длинной осью по линии Юго-запад – Северо-восток и имела общие размеры: длина 1,2 м, ширина около 0,5 м. Входная яма имела одну ступеньку (размеры ступеньки в плане — 0,24 x 0,97 м) глубиной –1,47 м от 0, дно входной ямы зафиксировано на глубине –1,72 м от 0 и, по сути, являлось дном камеры. В юго-восточной части входной ямы была устроена погребальная камера. Размерные данные входного отверстия и высота свода камеры не зафиксированы из-за их обрушения. Камера имела следующие размеры: длина 1,35 м, ширина 0,88 м. Дно камеры плоское и имело значения глубины от –1,67 м от 0 в юго-западной части до –1,7 м от 0 в северо-восточной части (рис. 11).

В камере были обнаружены разрозненные кости ребенка возрастом 3–4 года. Кости были сильно смещены грызунами, однако установлено, что кости черепа, в том числе нижняя челюсть, зафиксированы в центральной и юго-западной части камеры, что может указывать на то, что погребенный лежал головой на юго-запад.

Находки

1. В заполнении юго-западной части камеры обнаружено костяное кольцо, изготовленное из поперечного среза трубчатой кости животного (?). Диаметр внешней стороны кольца — 2,1–2,2 см, диаметр отверстия — 1,34–1,44 см, толщина кольца — 0,33–0,41 см. В сечении кольцо квадратное (рис. 12, 1).

2. В южной части камеры на дне стоял глиняный лепной сосуд горшковидной формы. Поверхность сосуда имеет темно-серый цвет, на всей поверхности есть крупные пятна светло-коричневого цвета. Внутренняя поверхность сосуда имеет светло-коричневый цвет. Тесто хорошего обжига. Тулово сосуда эллипсоидной формы, дно плоское. Плечо и верхняя часть тулова украшены восемью горизонтальными кольцами шнурового орнамента. Высота сосуда — 7,5 см, диаметр по внешнему верхнему краю венчика — 9,3 см, диаметр шейки у основания — 9,6 см, наибольший диаметр тулова — 12,1 см, диаметр дна — 6,9 см (рис. 12: 4).

3. В центральной части камеры, в скоплении костей черепа и ребер, на дне было обнаружено каменное орудие овальной формы с незначительными следами охры. Орудие представляет собой фрагмент слоистого песчаника. Длина орудия — 7,4 см, ширина — 5,3 см, толщина — 0,9 см (рис. 12: 3).

4. В юго-западной части камеры, в заполнении, в районе костей черепа была обнаружена бронзовая височная подвеска в 1,5 оборота. Подвеска изготовлена из прямоугольного в сечении прута с заостренными концами. Диаметр подвески — 1,26 см, толщина прута в сечении — 0,3 x 0,3 см (рис. 12: 2).

По итогам изучения особенностей конструкции погребения и характерному погребальному инвентарю, данное погребение отнесено к восточноманычской катакомбной культуре среднего бронзового века.

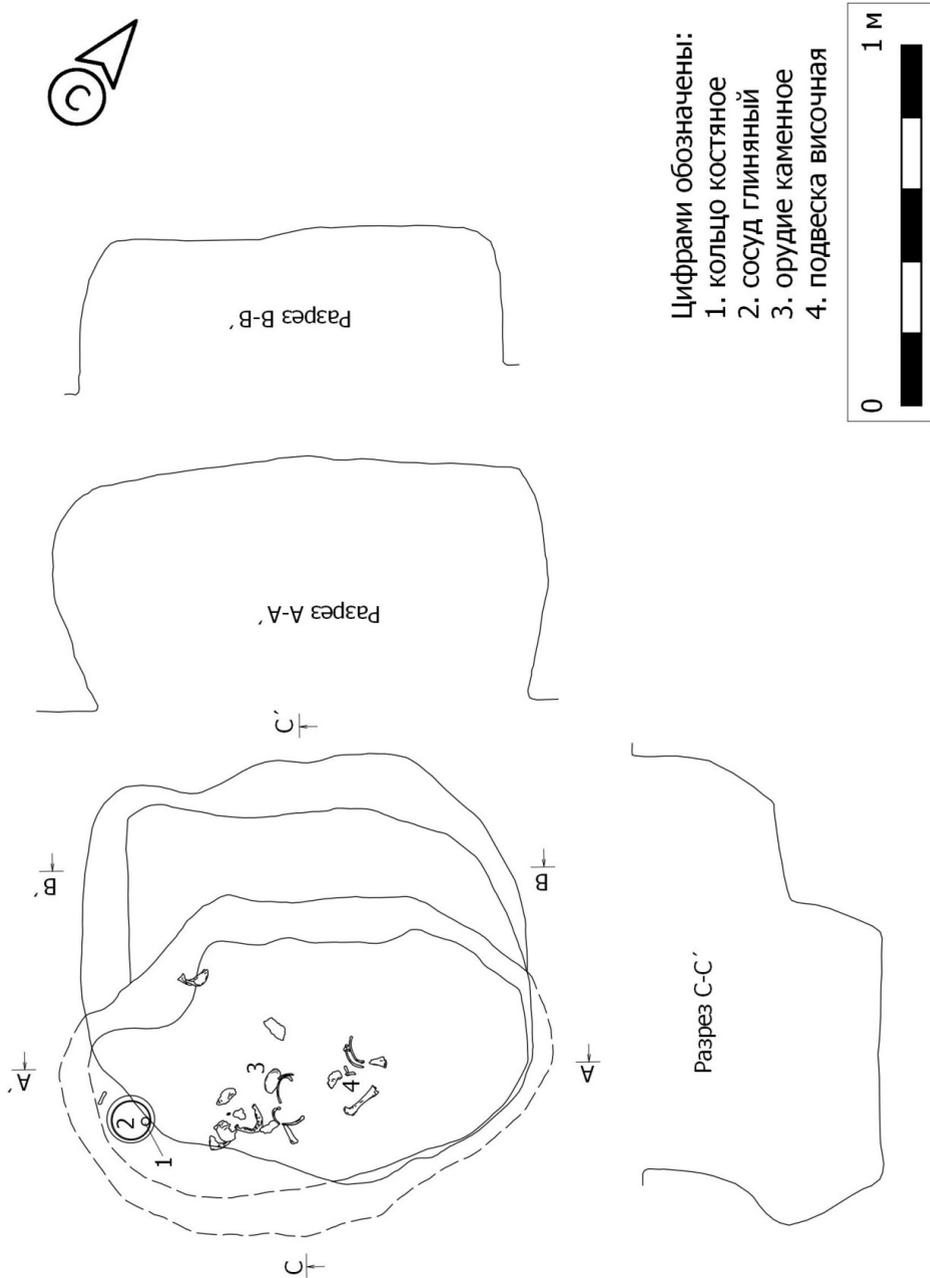

Рис. 11. Курганный могильник «Гашунский». Курган 12. Погребение 5. План и разрезы

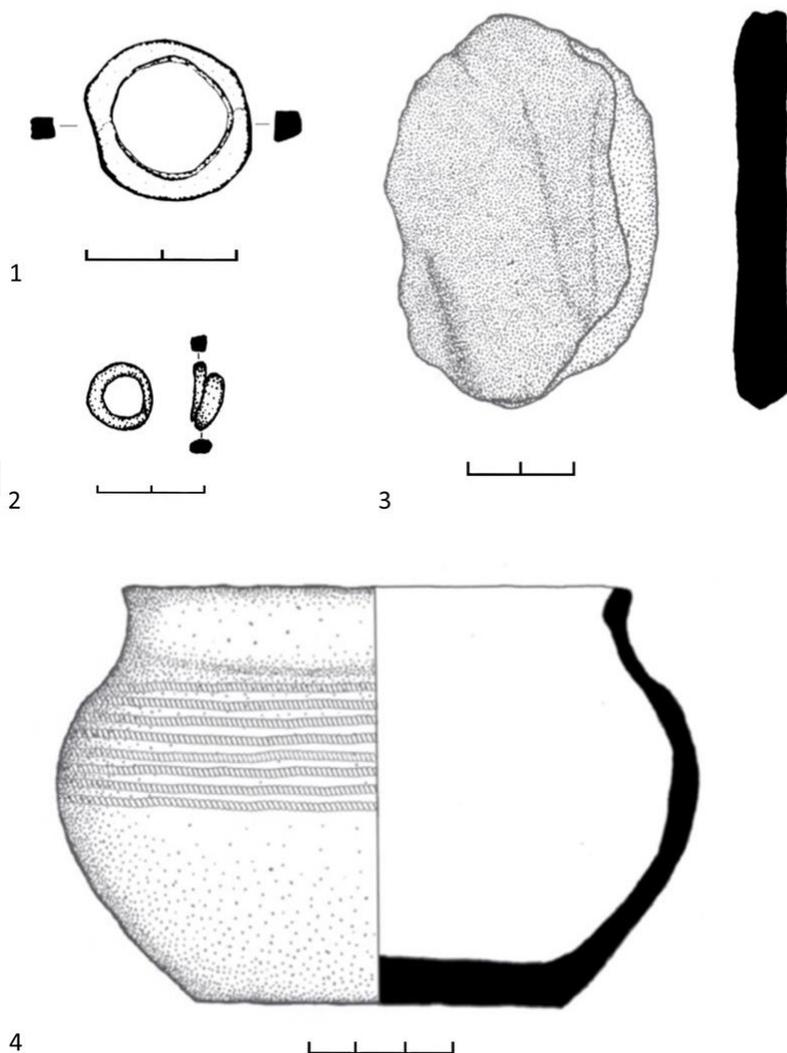

Рис. 12. Курганный могильник «Гашунский». Курган 12. Погребение 5.

Находки: 1 — кольцо костяное; 2 — подвеска височная;

3 — орудие каменное; 4 — сосуд глиняный

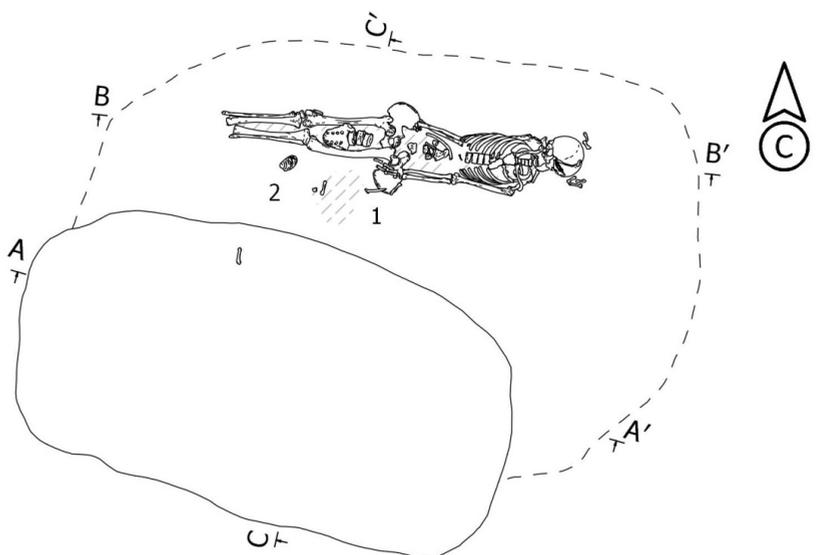
5.6. Погребение 6

Обнаружено на расстоянии 0,5 м к северу от центрального репера при зачистке дна северной траншеи на глубине -1,11 м от 0. Могильное пятно длинной осью ориентировано по линии Запад-северо-запад – Восток-юго-восток и имело следующие размеры: ширина — около 1,24 м, длина — 2,28 м. После выемки заполнения ямы было установлено, что прямоугольное пятно было пятном заполнения входной ямы, что погребение имеет катакомбную конструкцию, и камера располагается к северу от входной ямы (рис. 13). Исследование входной ямы показало, что она имеет наклонное дно — равномерный уклон от южной к северной стенке (от -2,37 м до -2,59 м от 0). В заполнении западной части входной ямы, на глубине -1,9 м от 0, зафиксированы следы огня (тонкие прослойки дре-

весного угля черного цвета). Кроме этого, в восточной части входной ямы зафиксирована ниша, которая фактически являлась восточной частью камеры. Граница входной ямы и погребальной камеры «читается» по прослеженной плавной ступеньке высотой до 7 см. Ступенька прослежена только в западной и центральной части погребения. Свод камеры не сохранился, удалось зафиксировать только придонную часть свода. Реконструируемая высота свода камеры — около 0,8 м (рис. 14).

Погребальная камера была параллельна входной яме (Н-катакомба) и ориентирована по линии Запад – Восток. Размеры камеры: ширина — около 1,43 м, длина — 2,66 м. Дно камеры имело незначительный уклон от входа к задней стенке (от -2,59 м до -2,69 м от 0) и от западной к восточной стенке (от -2,65 м до -2,69 м от 0).

На дне катакомбы, на глубине -2,6 м от 0, были обнаружены останки взрослого мужчины (биологический возраст 25–34 года), который головой был ориентирован на восток. Данное погребение выделяется обрядом погребения — до погребения тело погребенного было расчленено на две части, позвоночник был рассечен в районе последнего грудного позвонка и первого поясничного позвонка. Возможно, тело было расчленено для удобства транспортировки и / или хранения. По-видимому, во время погребения останки были завернуты в ткань, потому как верхняя часть тела положена лицом и грудиной вверх, а нижняя часть — коленями вниз.

Условные обозначения:

//// - остатки подстилки

Цифрами обозначены:

1. булавка молоточковидная костяная
2. орудие каменное

Рис. 13. Курганный могильник «Гашунский». Курган 12. Погребение 6. План

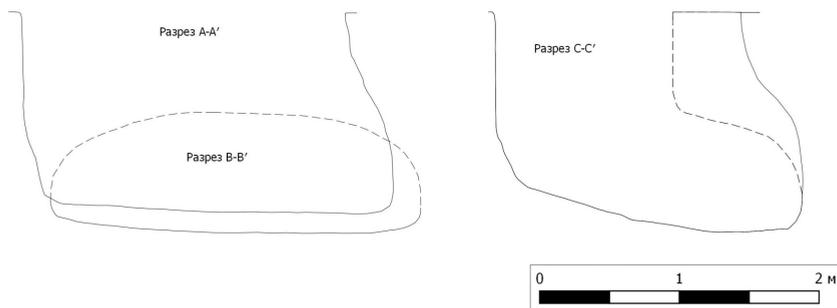

Рис. 14. Курганный могильник «Гашунский». Курган 12. Погребение 6. Разрезы

Руки погребенного были сильно прижаты к туловищу, кисти располагались на костях таза. Кости ног в сочленении (кроме костей стопы) были вытянуты и лежали параллельно друг к другу. Крестец и три поясничных позвонка в сочленении лежали на тыльной стороне, между бедренных костей погребенного. Один из поясничных позвонков был обнаружен под правым крылом таза. Судя по всему, стопы были отсечены и помещены в районе живота погребенного (рис. 13).

Отдельно необходимо описать череп погребенного, на котором было зафиксировано круглое отверстие, что может являться следами травмы или свидетельством ритуальных действий. На левой теменной кости имеется отверстие 22 x 27 мм округлой (эллипсоидной) формы с волнообразными трещинами, отходящими от него. В ходе камеральной обработки внутри черепной коробки был обнаружен округлый (эллипсоидный) фрагмент теменной кости, совпадающий по форме и размеру отверстия. На дне камеры, в районе живота и ног погребенного, а также южнее бедренных костей отмечены следы органической подстилки коричневого и темно-коричневого цветов.

Находки

1. В центральной части камеры, на ее дне, южнее правого крыла таза погребенного, находилась орнаментированная костяная молоточковидная булавка. Булавка с веретенообразным стержнем и зональным узором из заштрихованных полос, треугольников и зигзага. Длина булавки — 12,6 см, длина стержня — 11,3 см, максимальная толщина стержня — 1,2 см. Длина головки — 1,3 см, ширина головки — 2,7 см, толщина — 0,9 см. Диаметр отверстия в головке — 0,48 см (рис. 15: 1).

2. В западной части камеры, южнее правого колена погребенного, на дне камеры обнаружено каменное орудие овальной формы. Орудие представляет собой фрагмент слоистого песчаника. Длина орудия — 8,7 см, ширина — 5,6 см, максимальная толщина — 2,5 см (рис. 15, 2).

По итогам изучения особенностей конструкции погребения и характерному погребальному инвентарю, данное погребение отнесено к ран-

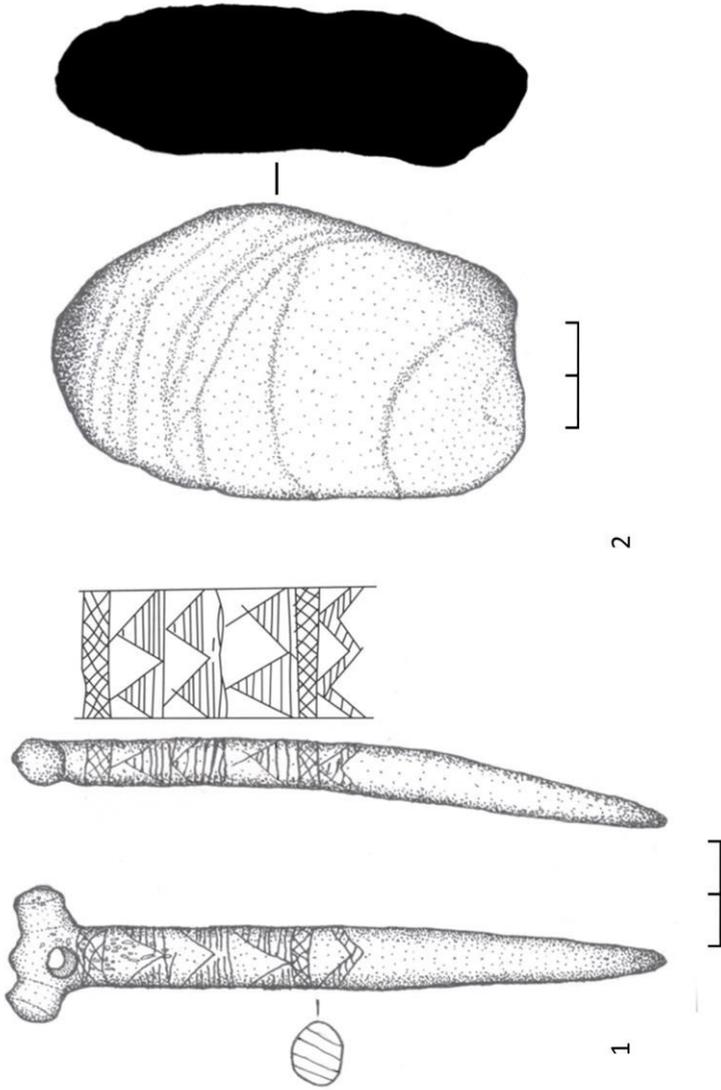

Рис. 15. Курганный могильник «Гашунский». Курган 12. Погребение 6.
Находки: 1 — булава молоточковидная костяная; 2 — орудие каменное

некатакомбному горизонту бронзового века. Судя по расположению погребения и его датировке, оно является основным в кургане.

6. Заключение

В 2024–2025 гг. впервые за долгое время на территории Калмыкии были проведены научные археологические раскопки памятника курганного типа. В работе принимали участие сотрудники археологической лаборатории Калмыцкого научного центра РАН. В результате был исследован курган 12 в составе выявленного объекта археологического наследия «Курганный могильник „Гашунский“» (9 курганов) в г. Элисте Республики Калмыкия. Установлено, что данный курган был сооружен на раннем этапе бронзового века. Основным погребением является погребение 6 (раннекатакомбный горизонт бронзового века). Следующим по времени было погребение 4, отнесенное к раннему бронзовому веку. Отдельно выделяется блок из трех погребений (одно взрослое и два детских), датированных средним бронзовым веком, восточноманычской катакомбной культурой. Последним по времени было совершено погребение 3, датированное переходным периодом от бронзового к раннему железному веку.

Литература

- Буваев 2011 — Буваев Д. А. Материалы исследований курганного могильника «Гашунский» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 75–80.
- Очир-Горяева 2017 — Очир-Горяева М. А. Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 420 с.
- Положение 2023 — Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации, утвержденное постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 12 апреля 2023 г. № 15 [электронный ресурс] // URL: https://archaeolog.ru/media/OPI/Polozhenie_2023_25012024.pdf (дата обращения: 10.10.2025).
- Эрдниев 1981 — Эрдниев У. Э. Гашунский могильник (раскопки 1971 года) // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 70–77.

УДК / UDC 903.5+397.4

Особенности морфологии посткраниального скелета населения катакомбной культуры волго-маньчских степей

Татьяна Васильевна Лиджикова¹

Features of the Postcranial Skeleton Morphology of the Catacomd Culture Population from the Volgo-Manych Steppes

*Tatyana V. Lidzhikova*¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ¹ Kalmyk Scientific Centre of the RAS ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Российская Федерация) Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0000-0003-4155-4301. E-mail: tlidzhikova[at]yandex.ru

Аннотация. Основные палеоантропологические исследования населения катакомбной культуры волго-маньчских степей до настоящего времени были сосредоточены преимущественно на краниологических и палеодемографических аспектах. Существенным ограничением являлось отсутствие репрезентативной остеометрической серии. В данной работе в научный оборот впервые вводится серия, включающая 138 индивидов, полученных в ходе изучения погребальных памятников курганного типа на территории Республики Калмыкия в период с 1962 г. по 2024 г. Исследование основано на данных по 59 признакам стандартной остеометрической программы Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (1965 г.) и 16 указателям. Проанализированы 96 мужских и 42 женских скелета. Результаты остеометрического анализа демонстрируют единство антропологического типа мужской и женской частей популяции, что контрастирует с данными краниометрии, указывающими на ее неоднородность. Это единство проявляется в сходной средней массивности костной ткани, больших значениях продольных размеров длинных костей, а также в идентичности ряда пропорцио-

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Лиджикова Т. В. (Lidzhikova T. V.), 2025

нальных характеристик, таких как долихокнемия и эуроления. Выявленные признаки свидетельствуют о сходном характере физических нагрузок. Средние значения длины тела составили 170,7 см для мужчин и 157,5 см для женщин, что позволяет охарактеризовать изучаемую группу как высококорослую. Полученные данные формируют репрезентативную основу для сравнительно-исторических реконструкций эпохи средней бронзы региона. **Ключевые слова:** палеоантропология, остеометрия, катакомбная культура, средняя бронза, морфология длинных костей, длина тела, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6). Автор статьи выражает благодарность Д. В. Пежемскому, кандидату биологических наук, старшему научному сотруднику Научно-исследовательского института и Музея антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, за ценные консультации и рекомендации, высказанные при написании данной работы.

Для цитирования: Лиджикова Т. В. Особенности морфологии посткраниального скелета населения катакомбной культуры волго-маньчских степей // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 31–56. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-31-56

Abstract. Until now, the main paleoanthropological studies of the Catacomb culture population in the Volga-Manych steppes have primarily focused on cranio-logical and paleodemographic aspects. A significant limitation was the lack of a representative osteometric series. This paper introduces for the first time a series comprising 138 individuals obtained from the study of kurgan burial sites in the Republic of Kalmykia between 1962 and 2024. The research is based on the data from 59 traits of the standard osteometric program of the N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnography (1965) and 16 indices. A total of 96 male and 42 female skeletons were analyzed. The *results* of the osteometric analysis demonstrate the unity of the anthropological type between the male and female segments of the population, which contrasts with craniometric data indicating its heterogeneity. This unity is manifested in similar average bone tissue massiveness, large values of the longitudinal dimensions of long bones, and identical proportional characteristics such as dolichocnemia and euryolenia. The identified traits indicate a nature of physical activity. The mean stature was 170,7 cm for males and 157,5 cm for females, characterizing the studied group as tall. The obtained data form a representative basis for comparative-historical reconstructions of the Middle Bronze Age in the region.

Keywords: paleoanthropology, osteometry, catacomb culture, Middle Bronze Age, morphology of long bones, body length, Republic of Kalmykia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: a Study of the Political and Cultural History of Social Communities and Groups”. The author of the article expresses gratitude to D. V. Pezhemsky, Candidate of Biological Sciences, Senior Research Associate at the Research Institute and Museum of Anthropology of Lomonosov Moscow State University, for the valuable advice and recommendations provided during the preparation of this work.

For citation: Lidzhikova T. V. Features of the Postcranial Skeleton Morphology of the Catacomb Culture Population from the Volgo-Manych Steppes. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 4. Pp. 31–56. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-31-56

1. Введение

Остеометрическому исследованию населения катакомбной культуры волго-маньчской степи посвящен ряд работ [Боруцкая 2003: 267–306; Казарницкий 2012: 172–179]. Однако изучаемые серии либо были малочисленными, либо исследовался только конкретный курганный могильник. Краниологические исследования имели большие серии и давали более обширные данные, так было установлено, что население, проживавшее на территории Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы, относилось к европеоидной расе. Г. Ф. Дебец отмечал в своем исследовании отличие четырех черепов катакомбной культуры из раскопок под Волгоградом от древне-ямных более высоким черепным указателем в окрестностях г. Волгограда [Дебец 1948]. Было указано на незначительное количество брахикранного типа среди катакомбных погребений. Позже это будет отмечено в исследованиях Б. В. Фирштейн, где она указывает основной долихокранный, но также и брахикранный европеоидный тип [Фирштейн 1967: 100–140]. А. А. Казарницкий в своих исследованиях отметил на юге Калмыкии следующую краниометрическую характеристику: длинная, высокая черепная коробка средней ширины, умеренно долихокранная и ортокранная; лоб широкий, средненаклонный; лицо средней высоты, широкое, по верхнелицевому указателю — мезен, ортогнатное по углам вертикального профиля, резко профилированное в горизонтальной плоскости; орбиты широкие и низкие, хамеконхные; нос средней ширины и высоты, мезоринный, очень сильно выступающий; носовые кости средней ширины, переносье очень высокое; небо средней ширины; клыковая ямка средней глубины. На севере Калмыкии распространены следующие характеристики: очень длинная, узкая, высокая, долихокранная и ортокранная черепная коробка; среднеширокий и средненаклонный лоб; средневысокое, широкое, ортогнатное лицо, резко профилированное в горизонтальной плоскости, по верхнему лицевому указателю — мезен; орбиты широкие и низкие, хамеконхные; нос средней ширины и высоты. Исследователь подчеркивает неоднородность как мужской, так и женской выборки [Казарницкий 2012: 80–94].

Стоит отметить, что исследователям посткраниального скелета долгое время не удавалось собрать достойную серию для изучения, поскольку вплоть до середины XX в. кости посткраниального скелета почти не изучались и чаще всего сразу перезахоранивались. Сбор и хранение остеологического материала всегда являлись острой проблемой для исследователей. Благодаря созданию на базе Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНЦ РАН) в 2019 г. фондохранилища антропологического и археозоологического материала удалось собрать в достаточном для проведения исследования количестве костный материал [Бембеева 2020].

2. Материалы и методы

Автором были исследованы кости посткраниального скелета катакомбных племен 2500–2000 гг. до н. э. (средняя бронза). Костные останки происходят из разных археологических памятников на территории Республики Калмыкия с 1962 г. по 2024 г. (табл. 1). Все датировки автор исследования основаны на сведениях из свода археологических памятников волго-маньчских степей 1929–1997 гг. М. А. Очир-Горяевой и его дополнения — археологическое исследование 1998–2009 гг., вышедшее в 2021 г. [Очир-Горяева 2008; Бембеева, Очир-Горяева 2021]. Датировка погребений из могильника «Гашунский» сообщена автором раскопок Э. А. Кекеевым [Кекеев, Дарбаков 2025]. Для увеличения выборки были взяты остеометрические данные 10 костяков из исследования С. Б. Боруцкой по могильнику *Зунда-Толга* группы 1–3 и 5 [Боруцкая 2003]. В итоге в работе в качестве материала исследования выступили 138 скелетов с разной степенью сохранности костной ткани, принадлежащих взрослым людям (табл. 1). Представленность материала из разных памятников существенно различается. Комплектность скелетов была неполной в силу разных причин. Наиболее полные остеологические коллекции были представлены из курганных могильников *Эвдык*, *Чограйский*, *Канал Волго-Чограй*, *Зунда Толга*, *Цаган-Нур*.

Таблица 1. Могильники и авторы раскопок

№ п/п	Могильник	Год раскопок	Автор	Количество костяков
1.	Архара	1962–1963 гг.	И. В. Сеницын У. Э. Эрдниев	1
2.	<i>Купцын-Толга</i>	1974 г.	Е. В. Шнайдштейн	3
3.	<i>Заханата</i>	1976 г.	Е. В. Шнайдштейн	1
4.	<i>Хар Нуурин Толга</i>	1980 г.	Е. В. Цуцкин	1
5.	<i>Ергенинский</i>	1981 г.	В. П. Шилов	4
6.	<i>Джангар</i>	1981–1982 гг.	Е. В. Цуцкин	3
7.	<i>Дюкер</i>	1982 г.	Е. В. Цуцкин	1
8.	<i>Эвдык-1</i>	1982–1983 гг.	Е. В. Цуцкин, В. П. Шилов	26
9.	<i>Шормун Толга</i>	1984 г.	Н. А. Николаева	1
10.	<i>Хопр Толга</i>	1984 г.	Н. А. Николаева	1
11.	<i>Кюкн Толга</i>	1985 г.	Н. А. Николаева	1
12.	<i>Ики-Зегиста</i>	1986 г.	Л. М. Гаврилина	2
13.	<i>Чограйский (группы: 3, 4, 5, 7, 8)</i>	1986 г.	Л. М. Гаврилина, Н. И. Шишлина	10
14.	<i>Цаган-Усн (группы: 4, 8, 10)</i>	1987 г.	С. В. Арапов Н. Л. Лапа	4

15.	<i>Канал-Волго-Чограй (группы: 37, 56)</i>	1988 г.	Е. В. Шнайдштейн, Н. И. Шишлина, Ю. Г. Романов	20
16.	<i>КВЧ-Яшкуль-37</i>	1988 г.	Н. Л. Лапа	2
17.	<i>Цаган-Нур</i>	1989 г.	М. А. Очир-Горяева	11
18.	<i>Улан-Зуха</i>	1990 г.	М. А. Очир-Горяева	2
19.	<i>Хар-Зуха (группы: 1, 2)</i>	1991 г.	М. А. Очир-Горяева	5
20.	<i>Зунда Толга</i>	1994 г.	Н. И. Шишлина	1
21.	<i>Малые Дербеты-2</i>	2007 г.	М. А. Очир-Горяева	7
22.	<i>Островной</i>	2000 г.	Н. И. Шишлина	7
23.	<i>Манджикины-2</i>	2000 г.	Н. И. Шишлина	1
24.	<i>Зунда Толга (группы: 1–6)</i>	1998–2001 г.	Н. И. Шишлина	14
25.	<i>Улан-хееч</i>	2002 г.	П. М. Кольцов	1
26.	<i>Красномихайловский-1</i>	2005 г.	П. М. Кольцов	5
27.	<i>Ергенинский-1</i>	2007 г.	М. А. Очир-Горяева	2
28.	<i>Гашунский</i>	2024 г.	Э. А. Кекеев	1

Определение пола и возраста погребенных индивидов проводилось по черепу и посткраниальному скелету, согласно антропологическим методикам [Алексеев 1966; Ширококов 2020; Ширококов, Пугачева 2024; Phenice 1969: 297–301]. Все возрастные определения пола и возраста выполнены автором работы. У автора имелись расхождения в определениях, и в спорных случаях были взяты половозрастные определения первичного исследователя, согласно антропологическим отчетам (табл. 2) [Очир-Горяева 1989; Очир-Горяева 2017: 34–43, 251, 367]. Всего в исследовании было установлено 96 — мужских индивидов и 42 — женских.

Таблица 2. Авторы половозрастных определений

№ п/п	Могильник	Год раскопок	Автор
1.	<i>Малые Дербеты-2</i>	2007 г.	М. А. Балабанова, Е. В. Перерва
2.	<i>Ергенинский</i>	1981 г.	Н. Я. Березина
3.	<i>Ергенинский-1</i>	2007 г.	Н. Я. Березина
4.	<i>Хар-Зуха-1, Хар-Зуха-2</i>	1991 г.	Л. А. Бембеева

Для увеличения численности исследуемого материала были проведены реставрационные работы, в ходе которых использовался столярный клей ПВА.

Процесс измерения костей проводился с использованием стандартных инструментов, таких как остеометрическая доска, скользящий и тол-

стотный циркули, а также измерительная лента. Все инструменты были предварительно проверены с помощью верификатора [Алексеев 1966].

В работе были использованы 59 признаков стандартного бланка Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая образца 1965 г. и 16 указателей. Измерения проведены по стандартным методикам, принятым в отечественной палеоантропологии [Алексеев 1966; Martin 1928]. Программа включала все длинные кости скелета, ключиц, лопатки, тазовые кости и крестец. Все измерения и расчеты последующих указателей и реконструкция признаков телосложения производились по обеим сторонам скелета.

Оценка абсолютных и относительных величин остеометрических признаков по мужским сериям проводилась исходя из новых разработок [Пежемский 2011].

Использовались пять указателей продольных пропорций скелета и рубрикации к ним: лучеплечевой указатель как отношение наибольшей длины лучевой кости к наибольшей длине плечевой кости (R1:H1); берцово-бедренный указатель как отношение общей длины большой берцовой кости к длине бедренной кости в естественном положении (T1:F2); плече-бедренный указатель как отношение наибольшей длины плечевой кости к длине бедра в естественном положении (H1:F2); луче-берцовый указатель как отношение наибольшей длины лучевой кости к общей длине большой берцовой кости (R1:T1); интермембральный указатель к отношению суммы наибольшей длины лучевой кости и наибольшей длины плечевой кости к сумме общей длины большой берцовой кости и длины бедренной кости в естественном положении ((R1+H1):(F2+T1)) [Алексеев 1966]. Остеологическая длина руки (H1+R1) — сумма наибольшей длины плечевой и локтевой костей. Остеологическая длина ноги (F2+T1) — сумма естественной длины бедренной кости и полной длины большой берцовой кости. Использовались рубрикации остеологических признаков, предложенных Р. Мартином [Martin 1928], В. В. Бунаком [Мамонова 1986: 21–33] и А. Г. Тихоновым [Тихонов 1997: 6–10].

Реконструкция длины тела производилась только по регрессионным формулам, построенным на основе продольных размеров костей ног и выбранным в соответствии с их длиной [Пежемский 2011: 167–169].

3. Результаты и обсуждение

Остеологическая характеристика мужской части выборки (табл. 3 и 4). Абсолютные значения продольных размеров длинных костей, показатели величин скелета, остеологическая длина руки и остеологическая длина ноги попадают под категорию больших и очень больших значений. Поперечные значения также находятся на границе больших величин.

Таблица 3. Средние размеры и указатели длинных костей в мужской серии

Признак по Р. Мартину	Правая сторона	Левая сторона
<i>Плечевая кость</i>		

	X	SD	N	Min	Max	X	SD	N	Min	Max
Н1. Наибольшая длина	334,5	15,2	40	295,0	360	330,5	16,6	32	288,5	357,0
Н2. Общая длина	329,7	15,0	40	291,5	356	326,6	17,1	33	283,5	354,5
Н3. Верхняя эпифизарная ширина	53,0	2,4	40	47,0	57	51,6	2,7	35	44,5	56,0
Н4. Нижняя эпифизарная ширина	66,9	3,6	56	58,5	73	65,1	4,7	43	51,5	76,0
Н5. Наибольший диаметр середины диафиза	25,0	1,5	48	21,5	28	23,9	1,7	43	18,5	27,0
Н6. Наименьший диаметр середины диафиза	19,3	1,5	48	16,0	22,0	18,5	1,8	43	15,0	22,0
Н7. Наименьшая окружность диафиза	68,0	3,4	45	60,0	75,0	66,1	4,7	42	53,0	74,0
Н7а. Окружность середины диафиза	72,7	3,9	48	64,5	80,5	69,7	5,3	43	54,0	79,0
7:1 Указатель прочности	20,3	-	40	20,3	20,8	20,0	-	32	18,4	20,7
6:5 Указатель поперечного сечения диафиза	77,1	-	48	74,4	78,6	77,2	-	43	81,1	81,5
<i>Лучевая кость</i>										
Р1. Наибольшая длина	254,8	15,1	36	210,0	283,0	253,8	12,2	26	225,0	270,0
Р2. Суставная длина	244,8	15,9	37	202,0	276,0	244,7	11,4	26	217,0	261,5

R4. Поперечный диаметр диафиза	19,0	1,7	39	15,0	22,5	18,3	1,5	34	15,0	21,8
R5. Сагиттальный диаметр диафиза	12,8	1,3	39	10,0	16,0	12,7	0,9	34	11,5	15,0
R3. Наименьшая окружность диафиза	45,4	3,4	38	38,5	50,0	44,8	4,1	34	36,5	52,0
5:4 Указатель сечения	67,3	-	39	66,6	71,1	69,7	-	34	68,8	76,6
3:2 Указатель прочности	18,5	-	37	18,1	19,0	18,3	-	26	16,8	19,9
<i>Локтевая кость</i>										
U1. Наибольшая длина	278,3	13,9	30	247,0	300,5	272,3	12,1	27	247,5	291,5
U2. Суставная длина	245,1	12,3	32	215,5	265,0	240,8	11,6	29	215,5	260,0
U11. Переднезадний диаметр середины диафиза	15,1	1,6	39	11,5	19,0	15,1	1,8	41	10,5	19,8
U12. Поперечный диаметр середины диафиза	18,3	1,5	39	14,0	21,5	18,0	1,6	41	15,0	21,5
U13. Верхний поперечный диаметр диафиза	22,5	2,9	39	18,0	31,6	22,2	2,2	39	18,0	30,3
U14. Верхний дорзальный диаметр	26,3	2,5	39	22,0	31,0	25,5	2,6	38	21,0	30,0
U3. Наименьшая окружность	40,7	2,7	35	34,5	47,0	39,3	2,5	33	33,0	43,0

Без шило-видного отростка	274,5	13,5	30	242,0	297,0	269,0	12,6	26	241,5	289,5
3:2 Указатель прочности	16,6	-	32	16,0	17,7	16,3	-	29	15,3	16,5
11:12 Указатель поперечного сечения диафиза	82,5	-	39	82,1	88,4	83,8	-	41	70,0	92,1
13:14 Указатель плателени	85,8	-	39	81,8	101,9	87,0	-	38	85,7	101,0
<i>Ключица</i>										
Cl1. Наибольшая длина	156,9	10,6	23	137,0	175,0	156,0	7,4	20	141,5	168,0
Cl6. Округлость середины диафиза	40,5	3,3	24	36,0	47,0	39,9	16,5	22	33,5	45,0
6:1 Указатель массивности	25,8	-	23	26,3	26,8	25,6	-	20	23,6	69,0
<i>Лопатка</i>										
Sc1. Морфологическая ширина	167,1	5,7	8	158,0	174,0	165,7	9,5	5	154,5	175,0
Sc2. Морфологическая длина	111,7	5,8	10	103,0	121,0	111,6	3,8	9	107,0	117,0
2:1 Указатель формы	66,8	-	8	65,2	69,5	67,3	-	5	69,3	66,8
<i>Бедренная кость</i>										
F1. Наибольшая длина	458,9	28,8	33	392,5	505,0	452,8	25,1	21	397,0	496,0
F2. Длина в естественном положении	456,6	22,8	32	392,0	501,0	450,7	24,5	21	396,0	493,5
F21. Мыщелковая ширина	84,9	4,0	34	76,0	94,0	84,3	4,2	26	77,0	93,0

F6. Сагит- тальный диаметр середины диафиза	30,5	2,8	38	25,0	36,0	30,3	2,8	28	25,0	36,0
F7. По- перечный диаметр середины диафиза	28,8	1,8	38	24,5	33,0	29,5	2,4	28	26,0	34,0
F9. Верхний попереч- ный диа- метр	33,2	3,0	38	26,0	39,5	33,9	3,3	25	26,0	39,0
F10. Верх- ний сагит- тальный диаметр	29,6	2,5	38	25,0	35,0	30,2	2,0	25	25,5	33,5
F8. Окруж- ность сере- дины диа- физа	92,4	5,8	40	80,5	103,0	94,1	6,1	30	81,0	105,0
8:2 Указа- тель мас- сивности	20,2	-	32	20,5	20,5	20,8	-	21	20,4	21,3
6:7 Указа- тель пиля- стрии	105,7	-	38	102,0	109,1	102,7	-	28	96,1	105,8
10:9 Указа- тель плати- мерии	89,3	-	38	88,6	96,1	89,0	-	25	85,9	98,1
<i>Большая берцовая кость</i>										
T1. Полная длина	378,8	18,6	33	342,0	417,0	380,1	19,5	33	342,5	409,0
T2. Мышцел- ково-таран- ная длина	361,5	18,7	37	323,0	398,0	362,1	19,5	33	325,0	392,5
T1a. Наи- большая длина	385,1	19,2	33	347,0	421,0	386,9	20,5	32	348,0	419,0
T3. Наи- большая ширина верхнего эпифиза	78,4	4,4	30	67,5	85,5	79,7	3,9	27	71,0	86,0

Т6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	56,4	5,7	36	47,5	83,0	55,3	5,7	34	46,5	82,0
Т8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	33,2	3,7	36	26,5	40,0	33,3	3,0	32	27,0	38,5
Т8а. Сагиттальный диаметр на уровне for. nutr.	38,2	4,3	36	29,0	44,5	38,5	3,7	30	31,5	49,5
Т9. Поперечный диаметр середины диафиза	23,9	2,2	36	18,0	27,5	23,8	2,3	32	19,0	28,0
Т9а. Поперечный диаметр на уровне for. nutr.	26,3	2,6	36	20,0	31,0	25,9	2,6	31	20,0	30,0
Т10. Округлость на уровне середины диафиза	89,0	8,8	34	73,0	103,0	90,2	7,4	32	74,5	103,0
Т10b. Наименьшая округлость диафиза	81,9	7,3	31	65,0	93,0	81,5	6,6	29	66,5	89,5
9а:8а Указатель пластикнемии	69,0	-	36	68,9	69,6	67,4	-	30	60,6	63,5
10b:1 Указатель прочности	21,6	-	31	19,0	22,3	21,4	-	29	19,4	21,8
<i>Малоберцовая кость</i>										
Fi1. Наибольшая длина	375,6	20,08	13	342,0	407,5	372,1	16,9	17	342,0	404,0
<i>Крестец</i>										

Sac1. Длина тазовой поверхности	121,5	9,5	19	106,5	142,0	121,5	9,5	19	106,5	142,0
Sac2. Передняя высота	104,8	10,1	20	89,0	123,0	104,8	10,1	20	89,0	123,0
Sac5. Верхняя ширина	117,3	7,6	13	106,5	134,0	117,3	7,6	13	106,5	134,0
<i>Таз</i>										
1. Высота таза	221,7	14,3	24	191,0	248,0	223,2	15,1	17	190,5	248,0
9. Высота подвздошной кости	149,4	8,3	23	136,0	170,0	150,6	8,8	18	134,5	168,0
10. Высота крыла подвздошной кости	109,3	7,9	19	95,5	125,0	110,9	8,9	16	95,5	128,5
15. Высота седалищной кости	78,6	7,5	22	62,5	93,3	77,9	6,9	16	63,0	88,5
17. Длина лобковой кости	77,6	7,0	20	67,5	93,2	78,9	8,6	17	66,5	95,0
23. Сагиттальный диаметр входа в малый таз	106,7	6,3	7	97,0	116,0	106,7	6,3	7	97,0	116,0
24. Поперечный диаметр входа в малый таз	121,2	9,4	7	109,5	136,0	121,2	9,4	7	109,5	136,0
2. Наибольшая ширина таза	272,6	22,9	8	235,5	305,0	272,6	22,9	8	235,5	305,0
7. Суставная ширина таза	131,2	64,4	8	101,0	290,0	131,2	64,4	8	101,0	290,0
12. Ширина подвздошной кости	162,5	10,6	24	131,0	178,0	163,4	8,7	18	146,0	175,0

22. Наибольший диаметр вертлужной впадины	55,9	3,7	19	48,5	63,5	55,1	3,5	17	47,0	61,0
1:2 Выотно-широтный указатель	81,3	-	8	80,9	81,3	81,9	-	8	80,9	81,3
23:24 Указатель входа в малый таз	88,0	-	7	88,6	85,3	88,0	-	7	88,6	85,3

Таблица 4. Пропорции тела в мужской серии

Признаки	Мужчины					
	X		Min		Max	
	R	L	R	L	R	L
R1:H1 луче-плечевой указатель	76,2	76,8	71,2	77,9	78,6	75,6
T1:F2 берцово- бедренный указатель	82,9	84,3	87,2	86,5	83,2	82,8
H1:F2 плече-бедренный указатель	73,3	73,3	75,3	72,8	71,8	72,3
R1:T1 луче-берцовый указатель	67,3	66,7	61,4	65,7	67,8	66,0
(R1+H1):(F2+T1) интермембральный указатель	70,5	70,3	68,8	69,	70,0	69,5
H1+R1	589,3	584,1	505,0	513,5	643,0	627,0
F2+T1 (ОДН1)	835,5	734,0	918,0	830,7	738,5	902,5
F1+T1 (ОДН2)	837,8	734,5	922,0	832,9	739,0	905,0
Ширина плеч	31,4		27,8		34,3	
Длина тела	170,7		166,4		176,0	

Массивность. По указателям массивности костей для мужчин катакомбных племен характерна средняя массивность (нормостеничность). Стоит отметить, что меньший указатель массивности встречается у самых длинных костей. Ключицы можно описать, как массивные.

Формы поперечных сечений. Форма сечения плечевой кости имеет средние значения. Строение верхней части диафиза локтевых костей в исследуемой группе средней формы и имеет специализированное название — эуроления. Признак сечения середины диафиза показал значения выше среднего. Указатель поперечного сечения верхней части диафиза

бедренных костей показал средние значения — зуримерия. Форма сечения большеберцовых костей указала на средние значения — мезокнемия.

Особенности телосложения. Реконструируемая длина тела в мужской выборке составила 170,7 см (166,4–176,0), что попадет в категорию больших величин. Мужская группа имеет узкий таз (категория малых значений). Ширина плеч находится в диапазоне от 278,5 до 343,0 мм. Средние показатели 313,6 мм по рубрикам В. В. Бунака.

Берцово-бедренный указатель относится к категориям очень больших, что свидетельствует об удлинённой голени относительно бедра. Луче-плечевой указатель находится в средних значениях, как и плече-бедренный указатель. Интермембральный указатель имеет малые значения, что указывает на относительно короткие верхние конечности.

Остеологическая характеристика женщин катакомбной культуры (табл. 4 и 5). Абсолютные значения продольных размеров плечевых, локтевых, лучевых, бедренных и больше берцовых костей находятся в категории очень больших значений. Поперечный размер имеет средние значения.

Таблица 5. Средние размеры и указатели длинных костей в женской серии

Признак по Р. Мартину	Правая сторона					Левая сторона				
	X	SD	N	Min	Max	X	SD	N	Min	Max
<i>Плечевая кость</i>										
Н1. Наибольшая длина	305,7	11,7	26	272,0	331,0	300,1	12,2	22	266,5	317,5
Н2. Общая длина	301,3	11,6	27	267,0	328,0	296,7	11,8	22	264,0	316,0
Н3. Верхняя эпифизарная ширина	46,4	1,91	24	43,0	49,5	45,8	1,7	21	42,5	48,5
Н4. Нижняя эпифизарная ширина	57,8	1,9	29	54,5	64,0	57,5	2,5	28	53,5	65,5
Н5. Наибольший диаметр середины диафиза	21,8	1,5	29	18,0	24,0	21,9	1,6	24	18,0	27,0
Н6. Наименьший диаметр середины диафиза	16,8	1,1	29	14,0	19,0	16,5	1,0	24	15,0	18,5

Н7. Наименьшая окружность диафиза	59,4	3,4	26	50,5	65,0	59,3	3,2	25	52,5	65,5
Н7а. Окружность середины диафиза	64,0	4,3	29	52,5	73,0	63,5	3,3	24	55,5	70,5
7:1 Указатель прочности	19,4	-	26	18,6	19,6	19,77	-	22	19,7	20,6
6:5 Указатель поперечного сечения диафиза	77,1	-	29	77,8	79,2	75,2	-	24	83,3	68,5
<i>Лучевая кость</i>										
R1. Наибольшая длина	230,8	7,7	23	210,0	248,0	227,7	7,2	26	210,5	242,0
R2. Суставная длина	224,0	7,9	24	203,0	239,0	219,8	7,6	26	203,0	233,0
R4. Поперечный диаметр диафиза	16,9	1,0	25	15,0	18,5	16,3	1,4	28	12,5	19,0
R5. Сагиттальный диаметр диафиза	11,5	1,1	25	10,0	13,5	11,1	0,9	28	10,0	14,0
R3. Наименьшая окружность диафиза	39,1	2,9	24	35,5	46,5	38,0	2,8	29	32,0	45,0
5:4 Указатель сечения	67,6	-	25	66,7	72,9	67,7	-	28	80,0	73,7
3:2 Указатель прочности	17,5	-	24	17,5	19,5	17,3	-	26	15,7	19,3
<i>Локтевая кость</i>										

U1. Наибольшая длина	250,4	8,5	24	235,0	267,0	247,9	7,4	19	233,0	262,0
U2. Суставная длина	220,5	8,2	24	205,0	237,0	219,5	7,5	19	203,5	232,0
U11. Переднезадний диаметр середины диафиза	12,5	0,9	28	11,0	14,0	12,2	1,1	25	10,0	15,0
U12. Поперечный диаметр середины диафиза	15,9	1,3	28	13,0	18,5	15,7	1,2	25	14,0	19,5
U13. Верхний поперечный диаметр диафиза	19,1	2,4	31	15,0	27,0	19,4	1,8	24	17,5	25,0
U14. Верхний дорзоволяр. диаметр	23,6	2,2	31	17,0	27,0	23,3	2,1	24	20,0	27,0
U3. Наименьшая окружность	36,3	3,1	27	31,0	44,0	35,8	2,7	23	32,5	43,0
Без шиловидного отростка	247,4	8,3	25	230,0	264,0	245,5	7,1	18	230,0	260,0
3:2 Указатель прочности	16,5	-	24	15,1	18,6	16,3	-	19	15,9	18,5
11:12 Указатель поперечного сечения диафиза	78,6	-	28	84,6	75,7	77,7	-	25	71,4	76,9
13:14 Указатель платолении	80,8	-	31	88,2	100,0	83,3	-	24	87,5	92,6
<i>Ключица</i>										

С11. Наибольшая длина	136,5	7,4	18	123,5	150,0	136,8	9,0	15	123,0	149,5
С16. Округлость середины диафиза	34,5	3,2	19	29,0	43,0	33,4	1,9	18	31,0	37,5
6:1 Указатель массивности	25,2	-	18	23,5	28,6	24,4	-	15	25,2	25,1
<i>Лопатка</i>										
Sc1. Морфологическая ширина	147,7	8,2	7	143,5	163,0	137,8	6,9	5	127,0	144,5
Sc2. Морфологическая длина	97,4	20,3	9	90,0	106,0	96,1	5,8	10	85,0	104,0
2:1 Указатель формы	65,9	-	7	62,7	65,0	69,8	-	5	66,9	71,9
<i>Бедренная кость</i>										
F1. Наибольшая длина	419,9	15,4	16	378,0	441,0	418,6	10,7	17	375,0	445,0
F2. Длина в естественном положении	417,5	15,0	18	373,0	436,5	414,8	18,5	19	370,0	438,0
F21. Мыщелковая ширина	75,3	3,1	13	70,0	80,0	75,2	3,4	18	69,0	81,5
F6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	25,3	1,3	22	23,0	28,0	25,7	1,5	22	24,0	30,0
F7. Поперечный диаметр середины диафиза	25,5	1,3	22	22,5	28,0	25,7	1,6	22	22,0	28,0

F9. Верхний поперечный диаметр	29,5	1,5	20	26,0	32,0	29,9	2,2	22	26,0	33,5
F10. Верхний сагитальный диаметр	26,2	2,2	19	23,0	31,0	26,7	2,6	22	21,0	32,0
F8. Окружность середины диафиза	79,8	4,4	22	72,0	90,5	80,7	4,5	21	72,0	89,5
8:2 Указатель массивности	19,1	-	18	19,3	20,7	19,4	-	19	19,4	20,4
6:7 Указатель пилястрии	99,4	-	22	102,2	100,0	100,0	-	22	109,0	107,1
10:9 Указатель платимерии	88,9	-	19	88,4	96,8	89,6	-	22	80,7	95,5
<i>Большая берцовая кость</i>										
T1. Полная длина	342,8	17,8	24	298,0	370,0	346,9	17,7	18	298,0	366,5
T2. Мышечно-таранная длина	326,6	16,8	26	285,0	355,0	328,4	16,5	18	285,0	352,0
T1a. Наибольшая длина	347,9	17,1	25	303,0	373,5	353,1	17,1	17	303,0	373,0
T3. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	68,8	2,8	16	64,0	72,0	69,6	2,1	9	66,0	72,2
T6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	47,8	2,5	23	43,5	53,0	47,8	2,4	18	44,0	52,0
T8. Сагитальный диаметр середины диафиза	26,3	1,9	26	22,5	30,0	26,4	1,3	19	25,0	29,5

Т8а. Сагит- тальный диаметр на уровне for. nutr.	29,2	3,8	26	17,0	34,5	31,1	1,6	18	28,5	34,0
Т9. По- перечный диаметр середины диафиза	19,8	1,6	26	16,0	22,5	19,7	1,3	19	17,0	22,0
Т9а. По- перечный диаметр на уровне for. nutr.	22,4	2,8	25	17,0	33,0	22,2	1,7	18	18,0	26,0
Т10. Окруж- ность на уровне середины диафиза	73,3	5,4	25	61,5	85,0	75,2	5,3	20	69,0	84,0
Т10б. Наи- меньшая окруж- ность диа- физа	68,6	4,3	24	59,5	79,0	70,2	4,0	20	66,0	80,0
9а:8а Ука- затель платикне- мии	76,7	-	25	100,0	95,6	71,5	-	18	63,1	76,5
10б:1 Ука- затель прочности	20,0	-	24	19,9	21,3	20,2	-	18	22,1	21,8
<i>Малоберцовая кость</i>										
Fi1. Наи- большая длина	338,6	17,5	11	300,0	358,0	337,6	17,3	14	300,5	359,0
<i>Крестец</i>										
Sac1. Дли- на тазовой поверхно- сти	117,2	11,5	14	89,0	133,0	117,1	11,5	14	89,0	133,0
Sac2. Передняя высота	104,9	11,2	14	83,0	127,0	104,9	11,2	14	83,0	127,0

Sac5. Верхняя ширина	115,8	5,7	13	108,0	130,0	115,8	5,7	13	108,0	130,0
<i>Таз</i>										
1. Высота таза	201,3	9,4	12	185,5	218,0	203,4	9,8	8	192,5	222,0
9. Высота подвздошной кости	138,2	7,4	14	128,5	151,5	139,6	8,3	9	126,0	154,0
10. Высота крыла подвздошной кости	104,2	5,6	13	95,5	115,0	105,7	7,8	9	94,0	119,5
15. Высота седалищной кости	69,8	3,5	13	64,5	75,0	68,2	3,4	8	62,5	73,0
17. Длина лобковой кости	78,6	5,4	13	69,0	86,5	77,2	4,1	6	71,5	82,0
23. Сагиттальный диаметр входа в малый таз	109,3	10,9	7	95,0	125,0	109,3	10,9	7	95,0	125,0
24. Поперечный диаметр входа в малый таз	126,8	3,6	7	120,0	130,0	126,8	3,6	7	120,0	130,0
2. Наибольшая ширина таза	250,1	11,3	7	231,5	262,0	250,1	11,3	7	231,5	262,0
7. Суставная ширина таза	119,2	4,0	6	112,5	123,0	119,2	4,0	6	112,5	123,0
12. Ширина подвздошной кости	151,3	10,6	16	116,5	162,5	150,9	6,8	11	139,0	162,0
22. Наибольший диаметр вертлужной впадины	49,2	2,2	14	46,0	52,5	49,6	2,4	8	46,5	53,0

1:2 Высот-но-широт-ный указа-тель	80,5	-	7	80,1	83,2	81,3	-	7	83,1	84,7
23:24 Ука-затель вхо-да в малый таз	86,2	-	7	79,2	96,1	86,2	-	7	79,2	96,1

Таблица 6. Пропорции тела в женской серии

Женщины						
Признаки	X		Min		Max	
	R	L	R	L	R	L
R1:H1 луче-плечевой указа- тель	75,5	75,8	77,2	78,9	74,9	76,2
T1:F2 берцово- бедренный указатель	82,1	83,6	79,8	80,5	84,7	83,7
H1:F2 плече-бедренный ука- затель	73,2	72,3	72,9	72,0	75,8	72,5
R1:T1 луче-берцовый указа- тель	67,3	65,6	70,5	70,6	67,0	66,0
(R1+H1):(F2+T1) интермембральный указатель	70,6	69,3	71,8	71,4	71,8	69,5
H1+R1	536,6	527,8	482,0	477,0	579,0	559,5
F2+T1 (ОДН1)	760,3	671,0	806,5	761,8	668,0	804,5
F1+T1 (ОДН2)	762,7	676,0	811,0	765,5	673,0	811,5
Ширина плеч	27,3		24,6		29,9	
Длина тела	157,6		148,8		161,5	

Массивность. Исходя из соответствующих указателей для женского населения катакомбной культуры отмечена средняя массивность костей. Как и в мужской выборке, ключицы в женской выборке также показали массивность.

Формы поперечного сечения. Как и в мужской выборке, указатели сечения плеча и предплечья имеют средние значения. Форма сечения локтевой кости, как и в мужской выборке, имеет специализированное название — эуроления. Указатель пилястрия бедренной кости показывает на значения чуть ниже среднего. Указатель поперечного сечения верхней части диафиза имеет средние значения (эуримерия). Форма сечения

большеберцовых костей на уровне питательного отверстия показала зурикнемию, большие значения. Это указывает на поперечное расширение.

Особенности телосложения. Реконструируемая длина тела в женской выборке составила 157,5 см (148,8–161,5), что попадает в категорию выше средних величин. Ширина таза в среднем имеет 250,1 мм, вариации от 231,5 до 262,0 мм. Ширина плеч составила в среднем 273,4 мм (246,5 до 299,5 мм), по рубрикам В. В. Бунака: это 3 балла. Берцово-бедренный указатель находится в категории больших, что так же, как и в мужской выборке, указывает на несколько удлиненную голень относительно бедра. Величина луче-плечевого указателя свидетельствует о среднем соотношении длин плеча и предплечья (мезатикеркия). Плече-бедренный указатель также имеет средние значения. Интермембральный указатель в диапазоне средних значений демонстрирует гармоничное соотношение длины нижней и верхней конечности.

Сравнительная характеристика мужского и женского населения

Мужская и женская выборки населения катакомбной культуры демонстрируют единство антропологического типа, что проявляется в сходной массивности костей, абсолютно крупных размерах скелета и ряде пропорциональных характеристик (удлиненная голень, форма сечения плеча и предплечья). Это указывает на общность их генофонда и, вероятно, сходные уровни физической нагрузки.

Основные различия носят ожидаемый половой характер: мужчины были выше, шире в плечах и имели более узкий таз по сравнению с женщинами, хотя при этом женщины также имеют узкий таз. Наиболее существенное различие в строении скелета выявлено в форме большеберцовой кости (зурикнемиа у женщин против мезокнемии у мужчин), что, может быть, связано как с половым диморфизмом, так и с несколько различными физическими нагрузками в группах. Также мужчинам была свойственна относительно короткая длина верхних конечностей.

Сравнительная остеометрическая характеристика мужских популяций эпохи бронзового века Восточной Европы

Следующим этапом исследования стал сравнительный анализ признаков скелетной системы у различных групп носителей культур эпохи бронзы из разных географических локаций. К сравнительному анализу привлечены только мужские серии: население ямной культуры Волго-Урала; население катакомбной культуры с территории Приднепровья и Азово-Каспия [Кондукторова 1973: 96–98; Казарницкий 2012: 173–176; Григорьев 2020] (табл. 7 и 8). Следует добавить, что на данном этапе исследования использовался только эмпирический анализ. Длина тела и данные указателей были рассчитаны автором исследования.

Таблица 7. Среднеарифметические остеометрические данные групп ранней-средней бронзы Восточной Европы

Эпоха	Ранняя бронза	Средняя бронза		
Ареал	Волго-Уральская	Приднепровье	Азово-Каспий	Волго-маньчская

Автор	А. П. Григорьев	Т. С. Кондукторова	А. А. Казарницкий	По данным автора
H1.	346,6	331,7	330,6	334,5
H7.	69,8	67,6	65,4	68,0
H7/1	20,1	20,4	19,3	20,3
R1.	265,9	264,2	256,4	254,8
R3.	46,6	45,6	43,6	45,4
R3/1	17,5	17,3	17,0	17,8
U1.	286,1	288,0	276,8	278,3
U3.	41,1	40,6	39,2	40,7
U3/1	14,5	14,9	14,2	14,6
F1.	485,6	461,4	467,3	458,9
F2.	481,5	457,4	465,4	456,6
F8.	96,6	91,9	92,4	92,4
F8/2	19,9	20,0	19,8	20,2
T1.	395,1	379,6	376,7	378,8
T10b.	84,2	84,4	77,8	89,0
T10b/1	23,5	22,2	20,7	21,6

Таблица 8. Сравнительная характеристика пропорций тела

Эпоха	Ранняя бронза		Средняя бронза		
	Волго-Уральская	Приднепровье	Азово-Каспий	Волго-маньчская	
Автор	А. П. Григорьев	Т. С. Кондукторова	А. А. Казарницкий	По данным автора	
R1:H1 луче-плечевой указатель	76,7	77,7	77,3		76,18
T1:F2 берцово-бедренный указатель	82,0	84,0	82,7		82,97
H1:F2 плече-бедренный указатель	71,9	75,7	71,8		73,26
R1:T1 луче-берцовый указатель	67,3	66,4	67,1		67,26
(R1+H1):(F2+T1) интермембральный указатель	69,8	71,8	69,8		70,53
H1+R1	612,5	595,9	587,0		589,32

F2+T1 (ОДН1)	876,6	837,0	842,1	835,50
F1+T1 (ОДН2)	880,7	841,0	844,0	837,84
Длина тела	176,4	171,5	172,2	170,70

Абсолютные размеры длинных костей и реконструируемая длина тела. Наиболее выраженная дифференциация наблюдается в абсолютных размерах костей скелета. Ожидаемо, что популяция волго-уральского региона эпохи ранней бронзы демонстрирует максимальные значения продольных диаметров длинных костей (485,6), что коррелирует с наибольшим значением реконструируемого тела — 176,4 см. Группы средней бронзы (приднепровская, азово-каспийская и волго-маньчская) характеризуются несколько меньшими абсолютными размерами. При этом волго-маньчская группа по длине плечевых и бедренных костей занимает положение на нижней границе спектра вариаций, что соответствует и наименьшему среднему росту — 170,7 см.

Таким образом, фиксируется определенный градиент снижения продольных размеров длинных костей скелета от раннебронзовых волго-уральских групп к среднебронзовым популяциям, в частности к волго-маньчской.

Показатели массивности являются достаточно консервативным признаком и демонстрируют высокую степень однородности всех сравниваемых групп. Значения индексов колеблются в узком диапазоне, характерном для нормостенического (среднемассивного) типа телосложения. Лучевые кости в волго-маньчской группе самые массивные (17,8), и это можно интерпретировать как следствие несколько больших биомеханических нагрузок на предплечье либо как вариант внутривидовой специфики.

Пропорции тела. По берцово-бедренному указателю волго-маньчская серия выявляет статистически близкие показатели других серий средней бронзы — приднепровской и азово-каспийской. Можно сказать, что для населения средней бронзы в целом была характерна долихокнемия — удлинённая голень по отношению к бедру. Волго-Уральская ямная серия менее выражена. Интермембральный указатель показал наиболее значимые различия. Волго-маньчская группа имеет самые низкие значения. Волго-маньчская группа по данным луче-плечевого и плече-бедренного указателя не показывает статистически значимых отклонений от других групп. Значения луче-плечевого указателя во всех группах соответствуют мезатикеркии (среднее соотношение предплечья и плеча). Плече-бедренный указатель волго-маньчской группы (73,26) занимает срединное положение в общем спектре вариаций, указывая на отсутствие резких диспропорций в длине верхних и нижних конечностей.

В заключение можно сказать, что мужская серия волго-маньчских степей при своей схожести по массивности костей и формам сечения с сериями средней бронзы Восточной Европы имеет свои выраженные особенности: наиболее меньшие значения абсолютных размеров длинных

костей и, как следствие, — меньшая длина тела. Данные особенности могут свидетельствовать о несколько ином векторе развития или специфической особенности адаптации волго-маньчских популяций к локальным условиям. Конечно, данный сравнительный анализ требует привлечения больших сравниваемых серий с использованием статистических методов.

4. Выводы

Население катакомбной культуры волго-маньчских степей, по данным остеометрии, показало единство антропологического типа мужской и женской частей выборки, несмотря на краниометрические данные, указывающие на ее неоднородность. Это единство проявляется в сходной средней массивности костей, больших величинах продольных размеров длинных костей и идентичности ряда пропорциональных характеристик, таких как долихокнемия (удлиненная голень относительно бедра) и формы поперечных сечений плеча и предплечья (эуроления). Данные признаки свидетельствуют об общности генофонда и, вероятно, о сходном уровне и характере физических нагрузок.

Имеются также значимые различия в форме сечения большеберцовых костях (мезокнемия у мужчин против эурикнемии у женщин), что указывает как на особенность полового диморфизма, так и на биомеханические отличия в локомоции.

Сравнительная характеристика с популяциями бронзового века Восточной Европы имеет неполный характер. Тем не менее можно предположить взаимосвязь катакомбников волго-маньчских степей с синхронными группами Азово-Каспия и Приднепровья. Ожидается, что серия ямной культуры Волго-Уралья имеют больше несходных черт.

Для подтверждения выводов касательно морфологии скелета катакомбных племен волго-маньчских степей следует продолжить исследование в данном направлении с применением статистических, остеофенетических методик и анализа асимметрии скелетной системы.

Литература

- Алексеев 1966 — Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.
- Боруцкая 2003 — Боруцкая С. Б. Палеоантропологическое исследование могильника Зунда-Толга Республики Калмыкия // Антропология на пороге III тысячелетия. 2003. Т. 1. С. 267–306.
- Бембеева 2020 — Бембеева Л. А. Первые шаги по созданию фондохранилища антропологического и археозоологического материала КалмНЦ РАН // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 29–48.
- Бембеева, Очир-Горяева 2021 — Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-маньчских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53.
- Григорьев 2020 — Григорьев А. П. Особенности скелетной конституции населения раннего бронзового века Волго-Уралья // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 4. С. 224–231.
- Дебец 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: АН СССР, 1948. 392 с.

- Казарницкий 2012 — *Казарницкий А. А.* Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.
- Кекеев, Дарбаков 2025 — *Кекеев Э. А., Дарбаков Э. Х.* Археологические раскопки кургана 12 курганного могильника «Гашунский» на территории г. Элисты Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 8–30. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-8-30
- Кондукторова 1973 — *Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973. 126 с.
- Мамонова 1986 — *Мамонова Н. Н.* Опыт применения таблиц В. В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас / отв. ред. В. П. Алексеев, А. А. Зубов. М.: Наука, 1986. С. 21–33.
- Очир-Горяева 1989 — *Очир-Горяева М. А.* Отчет об исследовании курганного могильника Цаган-Нур в Октябрьском районе Калмыцкой АССР в 1989 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 66. 48 с.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-мамычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.) / вступ. ст. А. С. Скрипкина, Г. Парцингера. Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2017 — *Очир-Горяева М. А.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 420 с.
- Пежемский 2011 — *Пежемский Д. В.* Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: дисс. ... канд. биол. наук. М., 2011. 326 с.
- Тихонов 1997 — *Тихонов А. Г.* Физический тип средневекового населения Евразии по данным остеологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 36 с.
- Фирштейн 1967 — *Фирштейн Б. В.* Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967. С. 100–140.
- Широбоков 2020 — *Широбоков И. Г.* Влияние миграций на палеодемографическую характеристику населения России XVII–XIX вв. // Сибирские исторические исследования. 2020. № 4. С. 157–181.
- Широбоков, Пугачева 2024 — *Широбоков И. Г., Пугачева Е. В.* О точности визуальной оценки возраста по черепу взрослого человека (методические аспекты) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2024. № 4. С. 114–125.
- Martin 1928 — *Martin R.* Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung. Bd. II. Kraniologie. Osteologie. Jena: G. Fischer, 1928. 1182 p.
- Phenice 1969 — *Phenice T. W.* A newly developed visual method of sexing the os pubis // American Journal of Physical Anthropology. 1969. No. 30. Pp. 297–301.

УДК 902,904

Цветной металл савромато-сарматского времени Нижнего Поволжья и Южного Урала: полвека аналитических исследований

Ксения Сергеевна Ковалева¹

Non-Ferrous Metals of the Sauromat-Sarmatian Period in the Lower Volga and Southern Urals Region: Half a Century of Analytical Research

Kseniya S. Kovaleva¹

¹ Волгоградский государственный университет (д. 100, пр. Университетский, 400062 Волгоград, Российская Федерация) ¹ Volgograd State University (100, Universitetsky Ave., 400062 Volgograd, Russian Federation)

лаборант

Laboratory Assistant

 0000-0002-5429-1072. E-mail: ksenmorgan[at]gmail.com

Аннотация. *Введение.* Цель статьи — представить обзор исследований химического состава цветного металла Нижнего Поволжья и Южного Приуралья савромато-сарматского времени. *Результаты.* За последние 50 лет накопилась значительная база данных, полученная путем проведения анализов методами оптико-эмиссионного спектрального анализа (ОЭСА) и рентгенофлюоресцентного анализа (РФА). Были исследованы значительные серии предметов отдельных памятников (курган у хут. Сладковский, могильники *Бесоба*, *Сынтас*, *Кичигино I*), серии, объединенные происхождением из локальных регионов (Донское Правобережье, Волго-Донское междуречье, Нижнее Поволжье, верховья р. Илек, Среднее Приишимье, Южное Зауралье), а также выборки отдельных категорий вещей, таких как зеркала и котлы, происходящих из савромато-сарматских памятников степной зоны Волго-Уралья. Ряд исследований был дополнен микроструктурным изучением металлических изделий. На данный момент база данных по составу цветно-

го металла савромато-сарматского времени Нижнего Поволжья и Южного Приуралья составляет не менее 1 626 проб, из них аналитические данные опубликованы для 395 изделий. Преобладают данные по южноуральским памятникам савроматского и раннесарматского времени, и наблюдается недостаток данных по савроматскому времени в Нижнем Поволжье, а также по средне- и позднесарматскому времени всего Волго-Уральского региона. На основе выводов, полученных исследователями, сделана попытка провести обобщающую реконструкцию основных тенденций в металлообработке на территории степной зоны Нижнего Поволжья и Южного Урала в V вв. до н. э. – III в. н. э.

Ключевые слова: савромато-сарматское время, Нижнее Поволжье, Южный Урал, химический состав, цветной металл, оптико-эмиссионный спектральный анализ, рентгено-флуоресцентный анализ

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Tempora incognita в истории Волго-Уральского региона: культурно-исторические, антропологические палеоэкологические предпосылки и последствия смены эпох и культур на рубеже поздней бронзы — в начале раннего железного века» (№ 25-68-00011).

Для цитирования: Ковалева К. С. Цветной металл савромато-сарматского времени Нижнего Поволжья и Южного Урала: полвека аналитических исследований // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 57–72. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-57-72

Abstract. Introduction. The purpose of the article is to provide a review of studies of the chemical composition of non-ferrous metals from the Lower Volga and Southern Urals monuments during the Sauromatian-Sarmatian period. **Results.** Over the past 50 years, a significant database has been accumulated using optical emission spectral analysis (OES) and X-Ray Fluorescence Spectrometry (XRF) analysis. Significant series of objects from individual sites (the kurgan near Sladkovsky, the Besoba, Syntas, and Kichigino I cemeteries) were analyzed, as well as series united by their origins in local regions (the Right Bank of the Don, the Volga-Don interfluvium, the Lower Volga, the upper reaches of the Ilek River, the Middle Ishim region, and the Southern Trans-Urals), as well as samples of individual categories of objects, such as mirrors and cauldrons, originating from Sauromat-Sarmatian sites in the Volga-Ural steppe zone. A number of studies were supplemented by microstructural studies of metal objects. Currently, the database on the composition of non-ferrous metals from the Sauromat-Sarmatian period in the Lower Volga and Southern Urals contains at least 1 626 samples, of which analytical data has been published for 395 items. Data predominates on the Southern Urals sites of the Sauromat and Early Sarmatian periods, with a lack of data on the Sauromat period in the Lower Volga region, as well as on the Middle and Late Sarmatian periods in the entire Volga-Ural region. Based on the inference of the researchers, an attempt was made to conduct a general reconstruction of the main trends in metalworking in the steppe zone of the Lower Volga and Southern Urals from the 5th century BCE to the 3rd century CE.

Keywords: Sauromat-Sarmatian period, Lower Volga region, Southern Urals, chemical composition, non-ferrous metal, optical emission spectral analysis, X-ray fluorescence analysis

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation project no. 25-68-00011 “Tempora Incognita in the History of the

Volga-Ural Region: Cultural-historical, Anthropological Paleoecological Prerequisites and Consequences of the Change of Eras and Cultures at the Turn of the Late Bronze Age — at the Beginning of the Early Iron Age”.

For citation: Kovaleva K. S. Non-Ferrous Metals of the Sauromat-Sarmatian Period in the Lower Volga and Southern Urals Region: Half a Century of Analytical Research. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 4. Pp. 57–72. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-57-72

1. Введение

На сегодняшний день определение элементного состава предметов из цветных металлов является одним из рутинных методов изучения археологических коллекций как музейных, так и полученных в процессе раскопок и выполняемых для подготовки отчетных материалов и публикаций. До начала XXI в. основным методом аналитического исследования состава являлся оптико-эмиссионный спектральный анализ (ОЭСА), требующий отбора проб из металлических изделий, а в последние десятилетия доминирующим стал рентгено-флуоресцентный анализ (РФА), который, несмотря на все присущие ему ограничения и полуколичественный характер, является на данный момент наиболее быстрым, неразрушающим, эффективным методом, безопасным для целостности археологического предмета [Shackley 2011: 8–10]. Другие существующие и применяемые сегодня методы исследования чаще используются для того, чтобы уточнить и дополнить данные, предварительно полученные при помощи РФА [Дегтярева, Кузьминых 2018: 41; Лобода и др. 2018]. Результаты, полученные путем ОЭСА и РФА, могут быть сопоставимы [Ениосова и др. 2008: 116], но при этом стоит учитывать отличия в методиках ранжирования выборок по типам сплавов, применяемые в разных исследованиях.

Цветной металл памятников савромато-сарматского времени Волго-Уральского региона активно изучается уже более 50 лет (табл. 1). Были исследованы значительные серии предметов отдельных памятников савромато-сарматского времени (например: [Барцева 1984; Кузнецова 1976; Блинов, Таиров 2022]), серии, объединенные происхождением из локальных регионов [Барцева 1993; Сапрыкина 2024; Таиров, Блинов 2024], а также выборки отдельных категорий вещей (зеркала, котлы) широких территориальных и хронологических рамок степной зоны Волго-Уралья [Мошкова, Рындина 1975; Равич 2006; Демиденко 2008]. Ряд исследований был дополнен микроструктурным изучением металлических изделий [Мошкова, Рындина 1975; Левина, Равич 1995; Равич 2006; Демиденко 2008; Дегтярева, Кузьминых 2018], что позволило авторам сделать выводы не только о составе изделий, но и тонкостях производственных традиций и их генетических связях.

2. Материалы и методы

Материалами историографического обзора послужили публикации результатов аналитических исследований савромато-сарматского метал-

Таблица 1. Публикации результатов исследования элементного состава цветного металла савромато-сарматского времени Нижнего Поволжья и Южного Приуралья

Публикация	Территориальные, хронологические рамки выборки	Предметный состав выборки	Метод исследования элементного состава (ОЭСА, МРСА, РФА), кол-во образцов	Микроструктурный анализ, кол-во образцов	Публикация аналитических данных
ВОЛГО-ДОНСКОЙ РЕГИОН					
[Барцева 1984]	Донское Правобережье (курган 4 у хут. Сладковский), IV в. до н. э.	Украшения, детали конской узды, предметы вооружения, зеркало	ОЭСА, 30 ед.	-	+
[Барцева 1993]	Донское Левобережье (могильники <i>Саганванский, Балабинский I-III, Агеевский, Спорный IV, Харинки, Лопатино I, Сторожевой I</i>), III в. до н. э. — III в. н. э.	Зеркала, украшения, детали одежды, посуда, наконечники стрел	ОЭСА, 62 ед.	-	+
[Сапрыкина 2024]	Волго-Донской регион, IV в. до н. э. — первая половина II в. н. э.	Зеркала, украшения, предметы конского снаряжения, детали костюма, посуда	РФА, 82 ед.	-	+
ЮЖНЫЙ УРАЛ, ЗАУРАЛЬЕ					
[Кузнецова 1976]	Верховья р. Илек (могильник <i>Сынтас</i>), VI-V вв. до н. э.	Элементы конского снаряжения, колчаный крюк, наконечники стрел	ОЭСА, 40 ед.	-	+
[Барцева 1987]	Среднее Приишимье (курганы <i>Березовский</i> , у дер. Смолино), V-IV в. до н. э., IV-II вв. до н. э.	Розетка, ворворки, котел, наконечники стрел	ОЭСА, 64 ед.	-	+

[Кузнецова, Курманкулов 1993]	Левобережье р. Илек (могильники <i>Бесоба, Сынтас, Кумиссай, Жалгызоба</i> , у свх. Хлебодаровский), VI–V вв. до н. э.	Наконечники стрел, украшения, детали конской упряжи	ОЭСА, 368 ед.	-	-
[Дегтярева, Кузьминых 2018]	Верховья р. Илек, (могильники <i>Бесоба, Сынтас</i>), VI–V вв. до н. э.	Бляхи, пронизи, элементы конской упряжи, наконечники стрел, зеркала	ОЭСА, 19 ед. МРСА, 17 ед.	МРСА, 17 ед.	+
[Блинов, Таиров 2022]	Могильник <i>Кичигино I</i> , конец V — вторая половина IV вв. до н. э.	Наконечники стрел	РФА, 580 ед.	-	-
[Таиров, Блинов 2024]	Случайные находки из погребальных памятников степной зоны Южного Зауралья сакского и савромато-сарматского времени, VIII–III вв. до н. э.	Ременная гарнитура, предметы конского снаряжения, зеркала, наконечники	РФА, 24 ед.	-	+
ВОЛГО-УРАЛЬЕ (и сопредельные территории)					
[Мошкова, Рындина 1975]	Нижнее Поволжье и Южное Приуралье, VI в. до н. э. — начало V в. н. э.	Зеркала	ОЭСА, 63 ед.	15 ед.	-
[Левина, Равич 1995]	Нижнее Поволжье (могильники <i>Краснослез, Бахтияровка, Эльтон, Белокаменка, Венгеловка, Красная деревня</i>), II–I вв. до н. э. Приуралье (оз. Аргази), IV в. до н. э.	Горячекованные высокоооловянные зеркала с валиком по краю и выпуклостью в центре («бактрийский тип»)	ОЭСА, 12 ед.	12 ед.	+
[Равич 2006]	Центральная Азия, Казахстан, Южный Урал, Поволжье, Северный Кавказ	Горячекованные высокоооловянные зеркала	ОЭСА, 75 ед.	75 ед.	-
[Демиденко 2008]	Волго-Уральский регион, V в. до н. э. — III в. н. э.	Котлы	РФА, 41 ед., ОЭСА 24 ед.	45 ед.	+

ла Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, опубликованные в период от 1970-х гг. до наших дней. Основным методом стал проблемно-хронологический, при котором исследования по металлу отдельных регионов и исторических периодов рассмотрены в хронологической последовательности.

На основе выводов, полученных исследователями, сделана попытка провести обобщающую реконструкцию основных тенденций в металлообработке на территории степной зоны Нижнего Поволжья и Южного Урала в V вв. до н. э. – III в. н. э.

3. Основная часть

В 1960–1980-х гг. кабинетом спектроаналитических исследований (в дальнейшем — группа археометаллургии) Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии Академии наук СССР проводились серии анализов состава изделий из меди и бронзы Восточной Европы эпохи раннего металла [Черных 2009: 15]. Т. Б. Барцевой в рамках этих работ исследовалась металлообработка раннего железного века Северного Кавказа [Барцева 1971; Барцева 1974а; Барцева 1974б], Северного Причерноморья [Барцева 1974в] и скифов Днепровского Левобережья [Барцева 1981; и др.]. В качестве аналогий были привлечены серии анализов металла нижеволжских и южноуральских памятников.

Исследование Т. Б. Барцевой северокавказского металла сарматского времени (III в. до н. э. – III в. н. э.) показало их схожесть с данными по Нижнему Поволжью, прежде всего в доминировании медно-оловянно-свинцовых и медно-оловянных сплавов [Барцева 1974б: 33]. Сарматские зеркала-подвески она считала импортом с Северного Кавказа, исходя из единых металлургических характеристик металла в кавказских зеркалах, сохранившихся с позднекобанского времени [Барцева 1971: 136].

Тема цветного металла кочевников Южного Приуралья в савромато-сарматское время активно разрабатывалась Т. Б. Барцевой в 1978–1981 гг. Ею были выявлены рецепты сплавов и динамика их использования в пределах Евразийского степного и лесостепного пояса, однако в печати эти исследования нашли лишь ограниченное отражение, частично данные были даже утрачены [Черных и др. 2013: 344]. Так, были опубликованы результаты исследований металла из сарматских курганов *Березовский* и *у дер. Смолино* в Среднем Приишимье (64 предмета), подавляющая часть которых была представлена наконечниками стрел. Исходя из обедненного состава сплавов по ряду ведущих элементов, сходного с металлом Зауральских месторождений типа Уш-Катты, Еленовки и Медной горы, автором было сделано предположение о производстве сарматского вооружения прохоровского времени на городищах лесостепного Зауралья [Барцева 1987: 73–76]. Анализ савроматских материалов Оренбуржья (193 предмета), приведенного в качестве сравнительного материала для скифского металла Днепровского левобережья, показал наличие трех ведущих групп — «чистой» меди, оловянной бронзы и мышьяковой бронзы [Барцева 1981: 23, рис. 11].

Т. Б. Барцевой также изучались коллекции сарматских памятников Нижнего Дона. В выборку могильников Донского левобережья вошли 62 предмета двух хронологических периодов — III–I вв. до н. э. и I–III вв. н. э. Проведенный анализ позволил автору разделить металл нижнедонских комплексов сарматского времени на 5 рецептур и 2 химико-металлургические группы. Оловянные бронзы и «чистую» медь, коррелирующие с химической группой с обедненным микросоставом, Т. Б. Барцева связывала с пришлым из восточных областей савромато-сарматским населением III–I вв. до н. э. Оловянно-свинцовые бронзы III–I вв. до н. э. и более поздние сплавы с цинком (латуни и многокомпонентные сплавы) с насыщенным микросоставом, предположительно, принадлежали местному скифскому и меотскому населению и происходили из мастерских Северного Причерноморья [Барцева 1993: 93, 100–101].

Еще 30 предметов, проанализированных Т. Б. Барцевой, происходят из кургана у хут. Сладковский (IV в. до н. э.). В коллекции преобладают оловянно-свинцовые бронзы и «чистая» медь с примесью сурьмы, мышьяка и висмута, в меньшей степени присутствуют оловянные бронзы и серебро с небольшой (3–10 %) лигатурой меди. В выборке доминирует металл с химическими показателями восточного круга (группы Волго-Камского (ВК) и Еленовско-Ушкаттинского (ЕУ) типа), исходя из чего Т. Б. Барцева предположила происхождение большинства предметов комплекса из восточных, южноуральских мастерских. В меньшей степени представлены изделия иных производственных традиций: колчаный крюк и ворворка, вероятно, были изготовлены в местных мастерских на северокавказском сырье, а бляхи одежды — в северопричерноморском центре на базе сырья ЕУ типа, либо также в восточных мастерских, но отличных от основной массы предметов комплекса [Барцева 1984: 146–148].

Ряд аналитических исследований савроматского металла из памятников Северного Казахстана путем полуколичественного спектрального анализа был проведен в 1970–1990-х гг. Э. Ф. Кузнецовой в лаборатории Института археологии А. Х. Маргулана. Изучение 40 предметов (более половины — наконечники стрел) из могильника *Сынтас* показало, что они были изготовлены из местного сырья — руды медистых песчаников района Мугоджар и Мангышлакского Каратау [Кузнецова 1976: 157–159]. Исследование более обширной выборки (368 ед., из которых 247 — наконечники стрел) памятников левобережья Илека VI–V вв. до н. э. указало на доминирующую роль в производстве изделий невоенного назначения оловянных бронз с присутствием также оловянно-свинцовых, оловянно-мышьяковых и мышьяково-сурьмяных бронз, а для наконечников стрел — «чистой» меди, в меньшей степени оловянных и мышьяково-сурьмяных бронз, единично — мышьяковой бронзы [Кузнецова, Курманкулов 1993: 44, 47, 51].

Исследование металла савроматских могильников *Бесоба* и *Сынтас* было продолжено в недавней работе А. Д. Дегтяревой и С. В. Кузьминых. Объем выборки составил 36 экз., ведущей металлургической группой в

которой является оловянная и оловянно-мышьяковая бронза, единично отмечены мышьяковая бронза, оловянно-свинцовая, оловянно-свинцово-мышьяковая, сложнoleгированные сплавы с серебром. Авторами была прослежена корреляция между типом изделия и составом — зеркала, псалии, большинство пронизей, распределители уздечных ремней были изготовлены только из оловянной бронзы с высоким (до 31 %) содержанием Sn, что, возможно, маркировало престижные и сакрально-значимые изделия. Бляхи в основном были изготовлены из оловянных и оловянно-мышьяковых бронз, наконечники стрел четкой зависимости не имели [Дегтярева, Кузьминых 2018: 46–47, 56]. Савроматская модель металлопроизводства западноказахстанско-южноуральского центра, описанная А. Д. Дегтяревой и С. В. Кузьминых, включает в себя доминирование литейных технологий (выплавка по утрачиваемой модели, литье в составные формы, литье со вкладышем) и использование оловянных и оловянно-мышьяковых бронз с незначительной долей остальных сплавов. Слитки металла и готовые изделия поступали, вероятно, из иткульских, кавказских и скифских центров, легирующие компоненты — олово и оловянно-мышьяковые сплавы поступали также из рудных центров Алтая и Центрального Казахстана. Такая многонаправленность связей была связана, прежде всего, с выгодным географическим положением савроматских племен на пересечении торговых путей [Дегтярева, Кузьминых 2018: 56, 58].

Особое место в изучении сарматской металлообработки занимают зеркала. В 1975 г. М. Г. Мошковой и Н. В. Рындиной было опубликовано исследование 63 зеркал VI в. до н. э. – V в. н. э. с территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, анализ включал в себя как элементный состав, так и технику изготовления. Первая группа — зеркала (8 ед.), изготовленные из «чистой» меди, химическая характеристика которой находит ближайшие аналогии в месторождениях медистых песчаников Приуралья. Сами зеркала, предположительно, также южноуральского производства [Мошкова, Рындина 1975: 120]. Анализ микроструктуры показал, что зеркала изготавливались литьем в открытые формы и дорабатывались ковкой — металл равномерными ударами растягивался от центра к краю при пониженных температурах, близких к порогу рекристаллизации меди (ок. 250–300°C). Промежуточный отжиг отсутствовал, что приводило к растрескиванию металла по краям. Единство технологической схемы для всех зеркал группы свидетельствует о существовании единого центра металлообработки, который возник не позднее V в. до н. э. в пределах самаро-приуральского варианта савроматской культуры. Самые поздние зеркала этой группы относятся к II–I вв. до н. э. [Мошкова, Рындина 1975: 126].

Зеркала второй группы (10 ед.), изготовленные из высокооловянной (Sn > 20 %) бронзы (время бытования — VI в. до н. э. – I в. н. э.), отливались в закрытых формах, а последующая обработка связана с удалением порок литья и не приводила к существенным изменениям формы заготов-

ки. Только два зеркала (зеркала с валиком по краю диска) показали нагрев выше 520°C до завершающей обработки. Авторы констатируют, что данных о местоположении производственного центра нет, но время его возникновения, вероятно, относится к IV в. до н. э., а использовались там ближневосточные рецептуры, что, возможно, маркирует путь их проникновения на сарматскую территорию [Мошкова, Рындина 1975: 126–127].

Группа зеркал из низкооловянной бронзы (Sn 6–15 %, Pb до 1 % в качестве естественных примесей) датируется IV до н. э. – II в. н. э. и является самой крупной — 33 ед. По составу эти зеркала демонстрируют сходство с традициями производства мастерских античного Средиземноморья (Этрурия, Карфаген, греческие полисы Египта), применявшимися в причерноморских колониях и на территориях в их сфере влияния [Мошкова, Рындина 1975: 123]. При этом выборка распадается на две технологические схемы. В первом случае происходила отливка в открытую форму без последующей доработки (удаление заусенцев небрежное, без проковки и полировки). Авторы предположили, что эти зеркала были изготовлены не в стационарных мастерских, а в условиях кочевого хозяйства. Вторая схема заключалась в литье в двустороннюю форму с последующим нагревом до температуры вишнево-красного каления (650–750°C) и закалкой в воде. После этого зеркальный диск тщательно проковывался холодной. Закалка бронз приводила к заметному размягчению металла и улучшению полируемости. По мнению М. Г. Мошковой и Н. В. Рындиной, этот самый сложный прием металлообработки проник в сарматскую среду вместе с рецептурами низкооловянных зеркальных сплавов через металлургов причерноморских колоний [Мошкова, Рындина 1975: 127]. Вероятный центр металлообработки авторы помещают в место максимально активного взаимодействия античного и сарматского миров — в Нижнее Поволжье III–I вв. до н. э. [Мошкова, Рындина 1975: 128].

Тройная бронза (Sn 12–35%, в среднем больше 20 %, Pb 1,5–5 %) отмечена в зеркалах III в. до н. э. – V в. н. э. (6 ед.). Они изготовлены путем литья в двусторонние формы с доработкой холодной ковкой. Оловянно-свинцовые зеркальные бронзы зародились в среде литейщиков Юго-Восточной Азии, а сплавы с разными концентрациями олова, но стабильным свинцом порядка 2–5 % — производственная традиция, появившаяся в эпоху Цинь (255–207 гг. до н. э.) [Мошкова, Рындина 1975: 124]. В сплавах этой группы сарматских зеркал было зафиксировано постоянное присутствие никеля от сотых до 1 %, что технологически необходимо для устранения негативного эффекта активной ликвации сплавов со свинцом. Авторы предполагают не искусственное введение никеля, а подбор соответствующих руд. Аналогичным содержанием никеля характеризуются зеркальные бронзы Юго-Восточной Азии, что, возможно, говорит об использовании привозных слитков [Мошкова, Рындина 1975: 128–129].

Важным наблюдением исследования М. Г. Мошковой и Н. В. Рындиной стало отсутствие взаимосвязи между типом зеркала и сплавом, наибольшую однородность показывают зеркала с утолщенным валиком — в вы-

борке 20 из них изготовлены из низкооловянных, а 4 — из высокооловянных бронз [Мошкова, Рындина 1975: 125]. Таким образом, преимущественное значение в сарматской среде, вероятно, имели античные традиции металлообработки [Мошкова, Рындина 1975: 129].

Дальнейшее развитие тема сарматских зеркал получила в работах И. Г. Равич. В центре внимания исследователя оказались высокооловянные зеркала (Sn 20–25 %), изготовленные в специфичной и трудоемкой технике горячейковки, которая возможна лишь при соблюдении ряда условий: узкий интервал температур (600–750°C); повторный нагрев послековки в интервале температур горячейковки и закалка в воду; контроль содержания олова (18 % < Sn < 26 %), висмута (Bi < 0,005 %), свинца (Pb < 0,05 %), либо содержание примесей мышьяка и сурьмы для нейтрализации негативного влияния на сплав последних двух [Равич 2006: 42]. При помощи спектрального и металлографического анализа ею было исследовано 75 зеркал с территории Центральной Азии и Казахстана, Южного Урала, Поволжья и Кавказа. В выборке оказались представлены все типологические варианты, но доминируют (43 ед.) в коллекции зеркала раннесарматского времени с территории Поволжья, преимущественно представленные типом круглых зеркал с валиком по краю диска [Равич 2006: 45]. Практически все изученные зеркала были изготовлены путем горячейковки высокооловянных бронз, за исключением трех зеркал из бронз мышьяковистых (As 2–4 %) [Равич 2006: 46].

Исследование техники изготовления высокооловянных горячекованных зеркал показало наличие двух различных технологических схем. Первая заключалась в формовке бортика с отбортовкой — заготовку целиком сильно проковывали, а затем загибали край. Вторая — литая заготовка сильно расковывалась в центре и слабее по краям, в результате чего формировался бортик. Разные технологические схемы, по мнению И. Г. Равич, свидетельствуют об изготовлении их в разных мастерских [Равич 2006: 47].

В целом получение изделий из высокооловянной бронзы методом горячейковки было характерно для стран Востока и, предположительно, эта традиция зародилась в Индии, откуда она распространилась в Центральную Азию, где начали производить горячекованные зеркала. Ранние экземпляры IV в. до н. э. обнаружены в сакских могильниках Приаралья, городище Кат-Крылган-Кала, а также сарматских могильниках Поволжья и Приуралья. Таким образом, одним из возможных центров металлообработки сарматского времени И. Г. Равич называет низовья Сыр-Дарьи [Равич 2006: 49]. Ранее И. Г. Равич и Л. М. Левиной [Левина, Равич 1995] была проанализирована большая группа бронзовых зеркал из джетысарских памятников (125 экз.). Коллекция характеризуется, с одной стороны, многочисленностью и разнообразием типов, с другой — общностью состава (бронзы с содержанием олова 18–25 %) и техники изготовления (горячаяковка), что, вероятно, свидетельствует о местном производстве на базе достижений мастеров Юго-Восточной Азии [Левина, Равич 1995: 136,

146]. По количеству и набору примесей бронзы для изготовления этих зеркал авторы разделили на «грязные» (предположительно, импорт подходящих по свойству сплавов с территории Индии с III–II вв. до н. э.), «чистые» (наиболее характерная рецептура для джетыасарских памятников, сформированная на основе медистых песчаников Урала, Казахстана, Прибайкалья) и «промежуточного» состава (смешение разных типов бронз). Зеркала Поволжья и Приуралья, привлеченные для аналогий, в большей степени оказались изготовленными из бронз «грязных» и промежуточного типа [Левина, Равич 1995: 147–148, табл. 5].

Отдельно стоит упомянуть проведенное И. Г. Равич в соавторстве с М. Ю. Трейстером исследование ханьских зеркал из сарматских погребений Подонья и Нижнего Поволжья. Для семи доступных для анализа зеркал был определен элементный состав и проведена металлография. В результате было установлено, что по составу зеркала образуют единую группу высокооловянных бронз со свинцом (Sn 22,3–25 %, Pb 1,5–7,5 %) и низким содержанием примесей, изготовленную в традиционной для китайской металлообработки технике литья в каменные или глиняные формы, что указывает на их происхождение из Китая, а не местное подражание [Равич, Трейстер 2021: 420–423].

Исследование савромато-сарматских котлов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья было проведено С. В. Демиденко. Методами РФА и ОЭСА им было изучено 65 котлов, металлографией — 45, благодаря чему удалось выявить взаимосвязь хронологии, типа, состава и техники. Задача определения источников металлического сырья не ставилась [Демиденко 2008: 30]. Было выявлено, что савроматские котлы V–IV вв. до н. э. почти целиком медные, с содержанием мышьяка и олова менее 0,1 %, а свинца — 0,1–0,27 %. Котлы типа I, по типологии С. В. Демиденко, из раннесарматских погребений изготовлены «савроматским» способом, но отличны по составу. В целом экземпляры IV–I вв. до н. э. изготовлены из бронзы, причем в Волго-Донском междуречье основным легирующим компонентом выступает мышьяк, а в Заволжье — олово и свинец. С I в. н. э. распространяются оловянно-свинцовые бронзы с повышенным содержанием олова и свинца, причем наибольшая доля лигатур зафиксирована в котлах IX–XIII типов по С. В. Демиденко. Позднесарматские котлы отличаются минимальными концентрациями олова и свинца и изготовлены из меди. Отмечено, что выявленные составы подтверждают предлагаемые автором технологические схемы: для изготовления котлов в савроматское и позднесарматское время при литье использовался непрерывный нагрев в очаге, а в ранне- и среднесарматское использовался временный очаг с резким охлаждением для избегания ликвации свинца [Демиденко 2008: 38].

В последние годы зауральский металл бронзового и раннего железного века активно изучается И. А. Блиновым и А. Д. Таировым. Исследование состава наконечников стрел было проведено с целью определения наиболее доступного для производства в раннесарматское время металла, так как наконечники имеют короткий срок службы и являются рас-

ходниками. Всего было проанализировано 580 наконечников могильника *Кичигино I* конца V – второй половины IV вв. до н. э. [Блинов, Таиров 2022: 92–93]. В результате было выделено 5 основных групп металла. Три группы являлись металлургически «чистой» медью, полученной из разных источников, из них 2 («чистая» медь без примесей и медь с примесью мышьяка до 1 %) соответствуют металлу иткульской культуры и, вероятно, имеют местное происхождение. Еще одна группа, сурьяно-мышьяковистые бронзы с возможными примесями свинца, никеля и висмута, сходны с сурьяно-мышьяковыми сплавами волго-камской металлургической группы. Пятая группа представлена свинцовой бронзой [Блинов, Таиров 2022: 97].

Анализ колчаных наборов показал отсутствие корреляции между формой и составом [Блинов, Таиров 2022: 99], основой состава всех наконечников являлась медь с примесями. В V – первой половине IV вв. до н. э. почти весь металл шел из горнолесной части южного Зауралья — иткульского центра металлообработки в виде чистой меди без примесей и меди с незначительной примесью мышьяка. Около середины IV в. до н. э. происходит смена источников металла, появляется большое количество сплавов с примесью свинца и мышьяка, свинца, оловянно-мышьяково-свинцовые и оловянно-свинцовые бронзы. Источником части этого металла является регион к югу и юго-западу от Зауралья. Переход к другим типам сплавов авторами связывается с массовым переселением в IV в. до н. э. кочевого населения из Зауралья в Южное Приуралье и установлением тесных связей с населением Арало-Каспийского региона и Волго-Донских степей, а также затуханием иткульского центра металлообработки [Блинов, Таиров 2022: 105].

И. А. Блиновым и А. Д. Таировым было также проведено исследование состава случайных находок сакского и савромато-сарматского времени (VI–III вв. до н. э.), выборка из степных памятников составила 24 экз. [Таиров, Блинов 2024: 238–240]. Состав наконечников стрел также показал, что они изготавливались из «чистой» меди, мышьяковой или мышьяково-сурьяной бронзы. Среди предметов невоенного назначения из меди отлиты зеркало и ворворки, из мышьяковистой бронзы — уздечная бляшка, а из мышьяково-сурьяной — ворворки. Все эти металлы и сплавы, вероятно, происходят из иткульского металлургического очага. Остальные предметы, изготовленные из металла с добавлением олова: зеркала, обоймы, украшения уздечки, заклепки, поясные обоймы — являлись предметами длительного пользования с вероятной высокой стоимостью. Авторы рассматривают олово как свидетельство прямых или опосредованных контактов с провинциями, где велась его добыча (Памир, Прибалхашье, Алтай). Зеркала из оловянно-мышьяковых бронз, предположительно, имеют местное южноуральское происхождение, а зеркала из высокооловянных бронз (или металл для их производства) являются импортом из ближневосточных мастерских [Таиров, Блинов 2024: 245].

Исследование цветного металла сармат Волго-Донского междуречья проведено И. А. Сапрыкиной. Всего ей было изучено 82 предмета IV в. до н. э. – II в. н. э. с целью проследить динамику изменения номенклатуры металлов и сплавов. Было выявлено, что в регионе в раннем периоде IV в. до н. э. – I в. до н. э. доминировали оловянные бронзы и «чистая» медь. В III–I вв. до н. э. также циркулируют тройная бронза и мышьяковистая бронза. С I в. н. э. фиксируются многокомпонентные низколегированные сплавы и латуни, и уже в I – первой половине II в. н. э. резко увеличивается доля сплавов с цинком (Zn 5–10 %), тройной бронзы с доминированием свинца над оловом, «чистой» меди, в то время как доля оловянной бронзы падает. И. А. Сапрыкина предлагает рассматривать смену доминирующих типов сплавов с изменением ориентации с северокавказского центра металлообработки во II–I вв. до н. э. на северопричерноморский в I – первую половину II в. н. э. в связи с этнополитическими процессами в регионе [Сапрыкина 2024: 50–51].

4. Обсуждение и выводы

На данный момент база данных по составу цветного металла савромато-сарматского времени Нижнего Поволжья и Южного Приуралья составляет не менее 1 626 проб, из них аналитические данные опубликованы для 395 изделий. Преобладают данные по южноуральским памятникам савроматского и раннесарматского времени, однако стоит учитывать, что в эти выборки входят большие коллекции колчаных наборов с однотипными изделиями — наконечниками стрел. Тем не менее стоит признать существенный недостаток материалов по савроматскому времени в Нижнем Поволжье, а также по средне- и позднесарматскому времени всего Волго-Уральского региона.

Обзор исследований цветного металла савромато-сарматских памятников Нижней Волги и Южного Урала позволяет выстроить достаточно непротиворечивую картину основных тенденций в металлообработке регионов.

На савроматском этапе в Южном Приуралье ведущими металлургическими группами являются «чистая» медь, оловянная и мышьяковистая бронза [Барцева 1981: 23; Дегтярева, Кузьминых 2018: 46–47]. Использовался металл иткульского центра металлообработки, медистых песчаников Мугоджар и Мангышлакского Каратау, а также металл и готовые изделия кавказских и скифских центров. Основные легирующие компоненты (олово и оловянно-мышьяковые сплавы) поступали, вероятно, из рудных центров Алтая и Казахстана [Кузнецова 1976: 159; Дегтярева, Кузьминых 2018: 56–58].

Сплавы с оловом, часто с повышенным его содержанием, применялись для изготовления предметов невоенного назначения и высокой стоимостью, возможно, даже сакрального назначения [Кузнецова, Курманкулов 1993: 44–47; Дегтярева, Кузьминых 2018: 47; Таиров, Блинов 2024: 245]. Для изготовления наконечников стрел использовался более доступный

металл — «чистая» медь иткульских центров, в меньшей степени оловянные и мышьяково-сурьмяные бронзы [Кузнецова, Курманкулов 1993: 51; Блинов, Таиров 2022].

С VI в. до н. э. начинают циркулировать зеркала из высокооловянной бронзы, возможно, из ближневосточных центров, а не позднее V в. до н. э. в пределах самаро-приуральского варианта савроматской культуры возникает производственный центр, в котором изготавливают зеркала из «чистой» меди медистых песчаников Приуралья. Центр функционирует до II–I вв. до н. э. [Мошкова, Рындина 1975: 120, 122].

Около IV в. до н. э. на Урале появляется большое количество сплавов с примесью мышьяка и свинца, оловянно-свинцово-мышьяковые и оловянно-свинцовые бронзы из региона к юго-западу от Урала. Затухает иткульский центр металлообработки, а кочевое население перемещается из Зауралья и устанавливает тесные контакты с Арало-Каспийским и Волго-Донским регионом [Блинов, Таиров 2022: 105]. В Волго-Донском междуречье увеличивается роль кавказского металла [Барцева 1974б; Сапрыкина 2024: 50]. Савромато-сарматское население в IV–I вв. до н. э. приносит в регион традицию использования оловянных бронз и «чистую» медь с обедненным микросоставом [Барцева 1984: 146–148; Барцева 1993: 93, 100–101]. Также в регионе циркулируют происходящие из мастерских Северного Причерноморья оловянно-свинцовые бронзы как результат влияния скифского центра металлообработки [Барцева 1993: 100–101].

В раннесарматское время начинают функционировать сразу несколько центров по производству зеркал. Доминирующее значение имел центр, ориентирующийся на традиции северопричерноморья — ковку низкооловянных бронз с последующей закалкой. Также, вероятно, по северопричерноморской рецептуре зеркала изготавливаются в кочевой среде, но уже без соблюдения технологии [Мошкова, Рындина 1975: 127]. С III в. до н. э. по V в. н. э. в сарматской среде имеют хождение зеркала из оловянно-свинцовых бронз, характерные для Юго-Восточной Азии, возможно, был импорт слитков зеркальных бронз [Мошкова, Рындина 1975: 128]. С раннесарматского времени функционирует джетысарский производственный центр высокооловянных горячекованных зеркал [Равич 2006; Левина, Равич 1995: 146].

Котлы в савроматское время изготавливаются из «чистой» меди при непрерывном нагреве литейной формы и замедленной скорости охлаждения [Демиденко 2008: 33–37]. В ранне- и среднесарматский период они отливаются уже из бронз, причем в разных регионах используются разные наборы легирующих компонентов: в Волго-Донском междуречье — мышьяк, а в Заволжье — олово и свинец. В отличие от предыдущего периода литье в основном производилось с резким охлаждением сплава. В позднесарматский период снова входит в обиход практика литья из меди при замедленной скорости охлаждения [Демиденко 2008: 38–39].

С I в. н. э. в Нижневолжском регионе появляются сплавы с цинком, а в I – первой половине II в. н. э. происходит резкое увеличение их доли,

наравне с тройной бронзой и «чистой» медью, в то время как объем оловянной бронзы значительно снижается. Вероятно, в это время происходит максимальное сближение с северопричерноморским центром металлообработки и, возможно, с центром производства латуни в Центральной Азии [Барцева 1974б: 34–36; Сапрыкина 2024: 50–51].

Литература

- Барцева 1971 — *Барцева Т. Б.* Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок Центрального Кавказа // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Сов. Россия, 1971. С. 133–138.
- Барцева 1974а — *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974. 26 с.
- Барцева 1974б — *Барцева Т. Б.* Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке // Советская археология. 1974. № 1. С. 24–37.
- Барцева 1974в — *Барцева Т. Б.* Про металургійні сплави на території Північного Причорномор'я в кінці I тисячоліття до н. е. та в перших століттях н. е. // Археологія. 1974. № 14. С. 14–25.
- Барцева 1981 — *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка скифского времени: Лесостепное Днепровское левобережье. М.: Наука, 1981. 128 с.
- Барцева 1984 — *Барцева Т. Б.* Результаты спектроаналитического изучения металлических вещей у хут. Сладковский // Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. С. 141–148.
- Барцева 1987 — *Барцева Т. Б.* Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башкирск. ун-т, 1987. С. 65–83.
- Барцева 1993 — *Барцева Т. Б.* Сарматский металл с территории Нижнего Дона // Вестник «Шелкового пути». Вып. 1. Археологические источники. М.: Центр «Шелковый путь», 1993. С. 90–123.
- Блинов, Таиров 2022 — *Блинов И. А., Таиров А. Д.* Химический состав металла медных и бронзовых наконечников стрел могильника Кичигино I // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21. № 1. С. 91–118. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2022.1.5
- Дегтярева, Кузьминых 2018 — *Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В.* Модели цветного металлопроизводства на Урале в раннем железном веке // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2. С. 41–60.
- Демиденко 2008 — *Демиденко С. В.* Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. М.: ЛКИ, 2008. 328 с.
- Ениосова и др. 2008 — *Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.* Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. М.: Вост. лит., 2008. С. 107–179.
- Кузнецова 1976 — *Кузнецова Э. Ф.* Бронзовые предметы из могильника Сынтас по данным спектрального анализа // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 157–162.
- Кузнецова, Курманкулов 1993 — *Кузнецова Э. Ф., Курманкулов Ж. К.* Бронзовые изделия из памятников савроматской культуры Западного Казахстана (данные спектрального анализа) // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 44–51.

- Левина, Равич 1995 — *Левина Л. М., Равич И. Г.* Бронзовые зеркала из джетыасарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетыасарская культура. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 122–184.
- Лобода и др. 2018 — *Лобода А. Ю., Терещенко Е. Ю., Антипенко А. В., Ретивов В. М., Пресняков М. Ю., Колобылина Н. Н., Кондратьев О. А., Шишлина Н. И., Яцишина Е. Б., Кашкаров П. К.* Методы определения элементарного состава металла археологических объектов при коррозионных наслоениях и в ограниченных условиях пробоотбора материала // Поволжская археология. 2018. № 4(26). С. 203–221.
- Мошкова, Рындина 1975 — *Мошкова М. Г., Рындина Н. В.* Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья // Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975. С. 117–133.
- Равич 2006 — *Равич И. Г.* Некоторые типы высокооловянных горячекованных зеркал сарматского времени и их технологические особенности // Краткие сообщения института археологии. 2006. № 220. С. 42–51.
- Равич, Трейстер 2021 — *Равич И. Г., Трейстер М. Ю.* Китайские зеркала из погребений кочевников Восточной Европы второй половины I тыс. до н. э. — первых веков н. э.: типология, хронология, распределение и технология их изготовления // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. № 13. С. 404–452.
- Сапрыкина 2024 — *Сапрыкина И. А.* Номенклатура металлов и сплавов из сарматских могильников Нижнего Поволжья II в. до н. э. — первой половины II в. н. э. по данным РФА // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23. № 2. С. 46–58. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2024.2.3
- Таиров, Блинов 2024 — *Таиров А. Д., Блинов И. А.* Состав металла предметов из случайных находок на территории степной и лесостепной зон Южного Зауралья. Археология Евразийских степей. 2024. № 1. С. 237–255. DOI: 10.24852/2587-6112.2024.1.237.255
- Черных 2009 — *Черных Е. Н.* Лаборатории естественнонаучных методов 50 лет // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2009. С. 6–25.
- Черных и др. 2013 — *Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б.* Тамара Борисовна Барцева (1938–2012) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2013. С. 342–345.
- Shackley 2011 — *Shackley M.S.* An Introduction to X-Ray Fluorescence (XRF) Analysis in Archaeology // X-Ray Fluorescence Spectrometry (XRF) in Geoarchaeology. New York: Springer, 2011. Pp. 7–44.

УДК / UDC 902/904 + 069.42

Археологические предметы как источники в изучении древней и средневековой истории волго-маньчских степей¹

Эрдни Анатольевич Кекеев¹

Archaeological Objects as Sources in the Study of Ancient and Medieval History of the Volga-Manych Steppes

Erdni A. Kekeev¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian
Российская Федерация) Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev[at]yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Археологическими предметами называются объекты, обнаруженные в результате целенаправленных археологических раскопок, отражают информацию о жизнедеятельности человека и пригодны для получения информации о прошлом. Практически все исследования ученых, посвященные изучению древней и средневековой истории волго-маньчских степей, проведены на основе этих археологических вещественных источников. *Целью* данного исследования является анализ научных публикаций результатов изучения археологических вещественных источников полученных в ходе анализа археологических памятников волго-маньчских степей и сопредельных территорий. *Результаты.* Проведенный анализ основных публикаций, посвященных изучению вещественных источников (археологических находок), выводы специалистов, изучающих как отдельные периоды древней и средневековой истории, так и разные категории инвентаря, происходящего из поселенческих и погребальных памятников, показали, что только всестороннее изучение археологических вещественных источников может позволить ученым воссоздать материальную культуру,

изучить хозяйство, исследовать социальную структуру и реконструировать элементы духовной культуры древнего и средневекового населения волго-маньчских степей.

Ключевые слова: волго-маньчские степи, археологический предмет, вещественный источник, мезолит, неолит, энеолит, бронзовый век, ранний железный век, эпоха средневековья

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Кекеев Э. А. Археологические предметы, как источники в изучении древней и средневековой истории волго-маньчских степей // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 73–93. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-73-93

Abstract. Introduction. Archaeological objects are the objects discovered as a result of purposeful archaeological excavations, which reflect information on the human activity and are suitable for obtaining information on the past. Almost all studies by scientists on the ancient and medieval history of the Volga-Manych steppes have been conducted based on these archaeological material sources. *The purpose* of this study is to analyze the scientific publications on the results of the archaeological material sources studying obtained from the research of the archaeological sites in the Volga-Manych steppes and the adjacent territories. *Results.* The analysis of the main publications devoted to the study of material sources (archaeological finds), and the conclusions of experts studying both individual periods of ancient and medieval history, as well as studies of certain categories of inventory originating from settlement and burial sites, showed that only a comprehensive study of archaeological material sources can allow scientists to recreate material culture, study the economy, to investigate the social structure and reconstruct the elements of the spiritual culture of the ancient and medieval population of the Volga-Manych steppes.

Keywords: Volga-Manych steppes, archaeological object, material source, Mesolithic, Neolithic, Chalcolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

For citation: Kekeev E. A. Archaeological Objects as Sources in the Study of Ancient and Medieval History of the Volga-Manych Steppes. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 4. Pp. 73–93. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-73-93

1. Введение

Работа по созданию свода источников об исследованиях археологических памятников на территории Республики Калмыкия началась с изучения отдельных коллекций музейных предметов, хранящихся в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. После проведения полной описи был осуществлен анализ количественных характеристик изучаемых фондов по основным культурно-хронологическим группам [Кекеев 2021в: 141–154]. Затем поэтапно были проанализирова-

ны фонды археологических предметов, происходящих из памятников, которые исследованы на территории Республики Калмыкия. Кроме Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, данные предметы хранятся в Государственном историческом музее (г. Москва) [Кекеев 2022: 81–105] и Саратовском областном музее краеведения (г. Саратов) [Кекеев 2021б: 806–824; Кекеев 2021г: 42–64]. Затем была проведена работа по анализу археологических музейных коллекций как источников по изучению бронзового, раннего железного и средних веков [Кекеев 2021а: 150–164; Кекеев 2023а: 36–59; Кекеев 2024а: 171–191] и их общей характеристике [Кекеев 2024б: 8–23]. Отдельно рассмотрены архивные фонды археологических отчетов, хранящихся в научных архивах учреждений гг. Москвы, Санкт-Петербурга и Элисты [Кекеев 2023б: 85–133].

Целью данного исследования является анализ научных публикаций результатов изучения археологических вещественных источников, полученных в ходе анализа археологических памятников волго-маньчских степей и сопредельных территорий.

2. Материалы

Основными источниками для проведенного исследования стали научные публикации, посвященные изучению вещественных источников (археологических находок), которые выявлены в результате исследования памятников археологии обозначенного региона.

Первые археологические работы на территории волго-маньчских степей были проведены П. С. Рыковым в 1929–1937 гг. Но, к сожалению, Павел Сергеевич успел выпустить лишь несколько статей о проведенных работах [Рыков 1931: 51–79; Рыков 1936а: 115–157; Рыков 1936б: 57–70], но обобщить результаты своих исследований не смог, в 1937 г. он был незаконно осужден и репрессирован¹.

Первые работы, обобщающие результаты изучения археологических памятников на территории волго-маньчских степей, опубликованы У. Э. Эрдниевым [Эрдниев 1960: 135–147; Эрдниев 1962: 277–288]. Затем, в 1961–1972 гг., Урюбджур Эрдниевич в сотрудничестве с профессором Саратовского государственного университета И. В. Сеницыным руководил масштабными спасательными раскопками на территории Калмыкии. Последующие обобщающие работы были основаны на результатах этих археологических раскопок [Сеницын 1978а; Сеницын 1978б; Сеницын, Эрдниев 1963; Сеницын, Эрдниев 1966; Эрдниев 1967: 21–52; и др.].

Изучение археологических памятников волго-маньчского региона привлекало внимание не только местных специалистов. Масштабные археологические работы советского периода позволили накопить значительный объем данных, а заметный спад полевых работ в российский период дал возможность внимательно изучить полученный материал.

¹ Павел Сергеевич Рыков скончался в исправительно-трудовом лагере под Уссурийском 26 марта 1942 г. в возрасте 56 лет, реабилитирован в 1956 г. [Малов 2010: 726].

Именно в этот период вышли фундаментальные работы, посвященные изучению археологических культур каменного, бронзового, раннего железного веков и эпохи средневековья [Андреева 2014; Кияшко 2002; Кольцов 2004; Кольцов 2005; Мимоход 2013; Мыськов 2015; Шишлина 2007; Шилов 2009; и др.]. Кроме этого, выпущены статьи, объектом изучения которых стали отдельные категории инвентаря различных археологических эпох.

3. Основная часть

3.1. Основные опубликованные результаты изучения вещественных источников эпохи камня (мезолит и неолит)

Согласно данным исследователей, заселение низменной (прикаспийской) территории Калмыкии тесным образом связано с вековыми колебаниями уровня Каспийского моря. Одна из последних хвалыньских трансгрессий Каспия, именуемая позднихвалынской, завершилась примерно 12 тыс. лет назад, когда уровень моря находился на нулевой отметке. Затем последовала мангышлакская трансгрессия, и уровень морского водоема упал до –30–50 м. С этого времени начинается формирование Прикаспийской низменности, и, следовательно, заселение равнинной части Калмыкии началось только с эпохи мезолита (12–9 тыс. лет назад) [Кольцов 2005: 28]. В работе П. М. Кольцова предложено выделение двух этапов в истории исследования каменного века. Первый этап охватывает большой промежуток с 1929 г. по 1975 г. и характеризуется он поначалу сбором каменных орудий отдельными исследователями, в конце — изысканиями экспедиций академических учреждений. Накопленный материал позволил совершить прорыв от первых попыток научного осмысления кремниевого инвентаря до выделения археологических культур, построения периодизации и хронологии каменного века. На втором этапе, который начинается в 1976 г., благодаря деятельности экспедиций Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики (ныне — Калмыцкий научный центр РАН, далее — КалмНЦ РАН), Калмыцкого государственного университета и Института археологии Академии наук СССР (ныне — Институт археологии РАН) удалось сделать новые открытия и стационарно изучить памятники с непереотложенными культурными слоями, материалы которых получили относительную и абсолютную датировку [Кольцов 2005: 47–48]. На первой этапе изучения находки с изучаемой территории, датированные каменным веком, были из так называемых дюнных стоянок. При обосновании мезо-неолитического возраста исследователи пользовались типологическим методом и для культурно-хронологической привязки материала, выявленного на территории Калмыкии, использовали данные из стратифицированных памятников соседних территорий.

Возможность достоверного изучения материальной культуры появилась с открытием мезолитической стоянки *Му-Кюкн 2*, стратифицированных поселений *Ар-Доланг*, *Джангар*, *Заханата*, стоянок *Ту-Бузгу-*

Худук 1 и 2 и др. Материалы из этих памятников подробно рассматриваются в монографии П. М. Кольцова «Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия» [Кольцов 2005: 49–212].

По данным исследователя, наиболее изученными и информативными являются материалы из поселения *Джангар*, в котором исследовано три культурных слоя неолитического времени. Данные стратиграфии, а также материалы однослойных стоянок, отражающие один из этапов неолитической эпохи, впервые позволили хронологически надежно привязать многочисленные находки из разветвленных слоев других памятников. В работе П. М. Кольцова каменный инвентарь приводится с учетом технико-типологических параметров: техники первичной обработки, техники вторичной отделки, типологии. Сначала каменные изделия объединены в категории (скребки, резцы, ножи и т. д.) [Кольцов 2005: 49–50]. О хозяйственной деятельности местного неолитического населения можно судить по наборам орудий труда и фаунистическим остаткам на поселении *Джангар* и других стоянок. Анализ каменных и костяных изделий показывает, что древние жители степного края хорошо знали природные свойства разных материалов и умели использовать их для своих хозяйственных и бытовых нужд.

Многочисленные скребки самых разнообразных форм и размеров, а также резцы, ножи, скобели, проколки и другие изделия широко использовались в охотничьем быту. Для выделки шкур человек применял определенный набор инструментов. Но наиболее универсальными изделиями являются скребки. По форме рабочего края и размерам они делятся на крупные и миниатюрные, концевые, боковые, комбинированные и т. д. Присутствие скребков, скребков-ножей, округлых, ногтевидных и круглых микроскребков, а также каменных лоцил указывает на высококачественную обработку шкур животных [Кольцов 2004: 132–133].

Следующей категорией являются орудия из камня, кости и рога, используемые при изготовлении одежды и предметов домашней утвари: каменные и костяные проколки, скребла, костяные иглы, роговые лоцила и др. Прямым свидетельством охоты, как основы первобытного хозяйства в мезолите, и в значительной мере в неолите являются находки наконечников стрел. Это же факт подтверждают находки костей животных. На основе изучения палеозоологического материала поселения *Джангар* установлено, что в стратиграфических слоях памятника присутствует большая доля костных останков диких животных. Прослежена послынная трансформация остеологического материала, когда доля животных, относящихся к domesticiрованным видам (бык, лошадь), увеличивается, а доля промысловых животных (сайга, кулан и др.), хотя и незначительно, но уменьшается. Данный факт, наряду с находками изделий типа мотыжек, каменных зернотерок, хотя и косвенно, но может свидетельствовать о занятии местного населения собирательством и подсобным земледелием [Кольцов 2004: 133–134].

3.2. Основные опубликованные результаты изучения вещественных источников эпохи энеолита

Памятники энеолита на территории волго-маньчских степей являются довольно редкими — единичные подкурганные и грунтовые (?) погребения и местонахождения. В обобщающей работе Н. И. Шишлиной учтено 18 погребений и 9 местонахождений [Шишлина 2007: 26].

Большинство погребений — инвентарные, предметы, найденные в них, представляют собой многочисленные предметы вооружения: наконечники дротиков, стрел, ножи. Выделяются крупные ножевидные пластины и скипетры. Орудия представлены кремневыми скребками, микролитами и отщепами, костяным гарпуном. Отличительной чертой ряда погребений являются многочисленные украшения одежды, среди которых преобладают бусы из камня, раковины и кости, а также костяные цилиндрические пронизи и бронзовые браслеты [Шишлина 2007: 34].

Наибольший интерес у исследователей вызвали находки скипетров — зооморфных каменных наверший. Практически с момента открытия первых изделий этого рода они продолжают оставаться объектом непрерывных дискуссий по вопросам их происхождения и культурной принадлежности.

Скипетры изготовлены из различных каменных пород и, по мнению отдельных исследователей, представляют собой схематическое и реалистичное изображение головы взнузданной лошади. Так, по мнению В. А. Дергачева, прослеживание эволюционного изменения форм этих изделий позволяет изучить следы миграции древнего населения, принесшего с собой традицию верховой езды на лошадях [Дергачев 2007: 283–287]. Однако это мнение оспаривается рядом других исследователей [Манзура 2000: 237–295; Клейн 2010: 315–321; и др.].

Однако, несмотря на очевидные расхождения по данным вопросам, мнения практически всех исследователей сходятся в том, что эти предметы социальной символики являются отражением чрезвычайно широких и динамичных культурно-исторических процессов периода расцвета энеолитических культур, процессов, включавших в себя далекие миграции, ожесточенные военные столкновения, интенсивные и протяженные культурные контакты [Манзура 2000: 237–238].

На территории волго-маньчских степей было обнаружено два подобных скипетра, оба в погребениях — в курганных могильниках *Архара* [Синицын, Эрдниева 1966: 93–95] и *Улан Толга* [Кекеев 2009: 50–58]. Первый стал известен в научной литературе как архаринский, а второй — джангарский. По классификации, предложенной В. А. Дергачевым [Дергачев 2007: 112–119], обе находки относятся к схематическим скипетрам.

Обнаруженное в Архаринском могильнике навершие (скипетр) на тот момент не имело прямых аналогий среди памятников Нижнего Поволжья. До этого момента, т. е. до 1962 г., на территории Нижнего Поволжья и Северного Предкавказья было известно только две подобные находки, но они являлись случайными, т. е. отсутствовала информация о точном

происхождении находки, сопровождали ли они захоронения человека, был ли какой-то сопутствующий материал. В период с 1962 г. по 1985 г. на обширной территории степного пояса Европы было найдено еще 17 наверхий. И обнаруженное в результате раскопок курганного могильника *Улан Толга* наверхие стало единственной подобной находкой в Нижнем Поволжье после архаринского скипетра [Кекеев 2009: 52–53].

Как указано выше, данные скипетры отнесены к схематическим наверхиям, а именно к третьей группе, названной «архаринским типом». Находки данного типа являются близкими по форме, размеру и материалу изготовления. Большая часть из них (пять из восьми) найдена на территории Республики Калмыкия, Ставропольского края, Саратовской и Волгоградской областей. Данное наблюдение говорит о том, что в эпоху энеолита на территории указанных регионов происходили сложные взаимосвязанные социокультурные процессы.

3.3. Основные опубликованные результаты изучения вещественных источников бронзового века

На территории Республики Калмыкия известно два поселения с зафиксированным культурным слоем, датированных бронзовым веком (*Заханата* и *Ергенинское*). Остальные памятники поселенческого типа являются стоянками и местонахождениями с развеванным культурным слоем.

К сожалению, местонахождение находок из поселения *Заханата*, которое было исследовано Е. В. Шнайдштейн в 1976 г., установить не удалось, а сами результаты раскопок были опубликованы лишь в виде краткой статьи [Шнайдштейн 1977: 182–183].

Гораздо больше информации получено благодаря исследованию поселения *Ергенинское*, которое было выявлено в 2002 г. археологической экспедицией КалмНЦ РАН под руководством М. А. Очир-Горяевой [Очир-Горяева, Бросседер 2008: 42–51] и затем, в 2010 г. и 2012 г. на памятнике были проведены археологические раскопки [Очир-Горяева и др. 2011: 81–84; Очир-Горяева, Кекеев 2013: 18–26].

Работы 2010 г. в основном были посвящены общему обследованию памятника. Путем заложения шести разведочных шурфов была определена центральная часть поселения и установлена общая стратиграфия памятника. Во всех шурфах были найдены кости животных и фрагменты керамики [Очир-Горяева и др. 2011: 81]. Фрагмент трубчатой кости овцы был отправлен для радиоуглеродного датирования в Лабораторию Лейбница для определения возраста и исследования изотопов при Кристиан-Альбрехт университете г. Килля (Германия). В результате проведенного анализа получена дата — XXIX–XXVII вв. до н. э., что соответствует периоду существования ямной культуры раннего бронзового века в восточноевропейских степях.

Гораздо больший объем работ был произведен в 2012 г. В результате этих раскопок были вскрыты и исследованы раскопы общей площадью более 100 м². Исходя из изучения стратиграфии, М. А. Очир-Горяевой был сделан вывод, что культурный слой начинается с дневной поверхности

и доходит до глубины — 85 от «0», т. е. мощность культурного слоя колеблется между 0,6 и 0,8 м. В итоге изучения этого памятника установлено, что поселение функционировало на заключительном этапе раннего бронзового века [Очир-Горяева, Кекеев 2013: 21–24].

Как указано выше, к погребальным памятникам относятся многочисленные подкурганые захоронения. По данным М. А. Очир-Горяевой и Л. А. Бембеевой, в период с 1929 г. по 2009 г. на территории волго-маньчских степей исследовано 2 565 погребений, датированных разными периодами бронзового века, что составляют более 62 % от всех исследованных погребений [Очир-Горяева 2008: 248–252; Бембеева, Очир-Горяева 2021: 8–53].

В результате исследования погребальных памятников этого периода истории сформированы большинство археологических коллекций из раскопок на территории Калмыкии. К раннему и среднему периодам бронзового века традиционно относят памятники следующих культур: майкопская, ямная, раннекатакомбная, степная северокавказская. Сюда же включают промежуточные группы ямно-катакомбных и полиритуальных погребений [Шишлина 2007: 24–218]. Многочисленные памятники восточноманьчской катакомбной культуры относят к среднему этапу бронзового века [Андреева 2014: 11–12; Кияшко 2002]. К финалу средней бронзы относятся памятники лолинской культуры [Мимоход 2013]. Немногочисленные погребения срубной культуры — к позднему этапу бронзового века [История Калмыкии 2009: 54–56; Очир-Горяева 2008: 176–178].

Среди инвентаря этого периода одним из важных элементов материальной культуры является посуда. Глиняную посуду составляет абсолютное большинство среди находок погребального инвентаря. Согласно предложенной М. В. Андреевой классификации, выделяются следующие типы глиняных сосудов: сосуды закрытой формы без ручек, с одной или двумя петельчатыми ручками, с четырьмя ручками-выступами, сосуды открытой формы, особые формы посуды [Андреева 2014: 25–27].

Обобщая исследования специалистов, отметим, что наиболее часто встречаемые в погребениях являются сосуды закрытой формы (сосуды, горшки, кувшины, светильники, сосудики). Вторыми по частоте являются сосуды открытой формы. Наиболее редкими являются случаи находок в погребении глиняных воронок, относимых к особым видам сосудов.

Исследователями указывается на редкость находок крупных, толсто-стенных горшков, называемых реповидными сосудами [Андреева 2014: 27], хотя эта форма сосуда считается типичной для маньчского круга культур, в частности, для западноманьчской культуры именно «реповидный сосуд с венчиком» считается «основой керамического комплекса» [Власкин 2010: 20].

Следующей категорией глиняного инвентаря являются глиняные курильницы. Курильницы являются маркером катакомбной культуры бронзового века и встречаются как в погребениях, так и в жертвенниках.

Курильницы неоднократно становились объектом исследования [Андреева 2004: 187–201; Егоров 1970: 156–164; Николаева, Сафронов 1990: 54–57; Панасюк 2012: 115–117; Панасюк 2016: 94–98; Панасюк 2024: 106–108; Сафронов 1974: 23–173; Фрибус 2014: 48–52; и др.]. По мнению исследователей бронзового века, курильницам предшествовали «жаровни» (фрагменты толстостенных сосудов). Объединяющим для этих находок является их строгое ритуальное предназначение [Андреева 2014: 28].

Второй по встречаемости после глиняных сосудов и курильниц категорией являются орудия из бронзы, камня и кости. Явное количественное превосходство случаев находок бронзовых орудий над каменными и костяными свидетельствует о том, что сопровождавший умерших набор орудий был обусловлен ритуалом и отличался от прижизненного предметного окружения. Бесспорно, какую-то небольшую часть погребального орудийного комплекса составляли деревянные артефакты, практически не поддающиеся реконструкции [Андреева 2014: 29].

К бронзовым орудиям труда и / или оружию относятся ножи, шилья (стержни), крюки, тесла, долота, иглы. Изучению данной категории инвентаря посвящен ряд исследований [Андреева 2004: 187–201; Андреева 2010: 426–457; Гак 2002: 280–299; Гак 2011: 69–87; Корневский 1978: 33–48; и др.].

К каменным орудиям труда и / или оружия традиционно относят: булавы, топоры, песты, ударники, терочки, ступки, выпрямители древков стрел (плитки с желобком посередине), кремневые наконечники стрел, кремневые пластины, кремневыми скребки. Каменные топоры и булавы принадлежат к наиболее престижным предметам в составе погребального инвентаря статусных мужских погребений. К сожалению, специальные археологические и лабораторные исследования редко изучают каменные орудия. В прошлом, безусловно, имела место тенденция безосновательно относить все катакомбные песты и ступы (последние в этом случае превращались в «наковаленки») к орудиям кузнечного производства [Андреева 2014: 108]. В последнее десятилетие ситуация изменилась: песты и ступы признаются «орудиями многофункционального назначения» [Гак 2011: 75–76].

К предметам / орудиям из кости традиционно относят найденные вне сочленения отдельные кости животных, главным образом мелкого рогатого скота как с отмеченными следами обработки и использования, так и без них. Наиболее массово представлены астрагалы (таранные кости мелкого рогатого скота), затем — лопатки мелкого рогатого скота, рога, костяные трубочки [Андреева 2014: 37].

Сохранившиеся личные украшения и предметы были изготовлены из различных материалов (бронзы, кости, пасты, раковины, сердолика и др.), кроме этого, их делят на отдельные (подвески, височные кольца, серьги, амулеты, кольца, бусины) и наборные украшения (бусы, ожерелья и др.). Близи к этой группе личные предметы, некоторые из них, возмож-

но, тоже являлись частью костюма — костяные и бронзовые молоточковидные булавки, кольца, подвески, пронизи и др.

Наиболее подробно в данной категории инвентаря изучены изделия из кости. Так, в работе А. Н. Усачука приводятся результаты трасологического анализа. Исследование наборов колец из трубчатых костей копытных показало, что технология их изготовления соединяет два способа: сначала использовался станок, затем последовала ручная подрезка заготовки [Усачук 2002: 272]. На следы изготовления колец накладываются следы использования. Все кольца сильно залощены, вплоть до завальцованности (заполировки) некоторых участков, где следы оставлены токарным резцом. Такое состояние внешней и внутренней поверхности колец свидетельствует о длительном контакте их с мягким эластичным материалом (кожа, шерсть, ткань) [Усачук 2001: 76].

О наличии владения косторезным ремеслом свидетельствуют такие изделия, как молоточковидные костяные (роговые) булавки. Эти находки всегда вызывали интерес исследователей и на основе изучения комплексов с молоточковидными булавками предложено несколько их классификаций, произведена абсолютная датировка этих изделий и выработана общая периодизация бронзового века [Братченко 1976: 78–79; Сафронов 1973: 42–47; Сафронов 1979: 13–15; Шилов 1990: 40–42; Шишлина 2007; Шишлина и др. 2013: 35–44; и др.]. Изношенность отверстия и заполированность наверху на булавках позволяют согласиться с мнением исследователей, предполагавших продевание ремешка или нити с узлом через отверстие или крепление булавки на отдельной петле [Корневский 1986: 37–41; Кияшко 1992: 8; и др.]. По мнению Н. И. Шишлиной, булавка прикреплялась к поясу или висела на шнурке на поясе (на деталях одежды, либо на каком-нибудь шнуре или тесьме), или шнурок с продетой в него булавкой надевался на левую руку. Положение булавки головкой вверх подтверждает именно такое использование данного типа украшений [Шишлина 2007: 178]. Исследованию украшений одежды и головных уборов, личным украшениям посвящен ряд исследований [Андреева 2014; Корневский 1986: 37–41; Столярова 2002: 300–313; Шишлина 2007; Шишлина и др. 2010: 639–655].

Отдельной категорией погребального инвентаря являются средства передвижения (повозки) и их модели, эти находки относятся к раннему и среднему бронзовому веку. Первые находки колесного транспорта были обнаружены еще П. С. Рыковым при исследовании кургана 9 группы *Три Брата-1* в 1934–1936 гг. Дальнейшие исследования курганов на Ергенинской возвышенности открыли деревянные повозки и их части в курганных группах *Архара*, *Лола*, *Элиста*, *Ергенинский* и др. Из-за плохой сохранности детали конструкций прослеживаются редко. В могилу помещались четырехколесные повозки или их части: кузов (основа кузова) с колесами; только кузов или его часть, иногда с настилающими циновками; отдельное колесо. В некоторых случаях следы дерева минимальны, но мощный слой циновок в центре входной шахты и прямоугольные

очертания объекта позволяют предполагать, что перед нами фрагмент убранства повозки [Андреева 2014: 36]. Этим находкам посвящен ряд отдельных исследований [Андреева 1984: 201–205; Андреева 1996: 13–16; Избицер 1993; Калмыков 2016: 27–29]. Колесный транспорт показывает наличие материала, пригодного для изготовления подобных изделий, а также технологический уровень мастеров. Тип хозяйства, по-видимому, вынуждал население бронзового века периодически совершать перекочевки и колесный транспорт, безусловно, значительно облегчал и ускорял эти перемещения.

3.4. Основные опубликованные результаты изучения вещественных источников раннего железного века

Все выявленные на территории волго-маньчских степей на сегодняшний день археологические памятники раннего железного века относятся к памятникам погребального типа, а именно к подкурганным погребениям. При описании этих памятников следует сказать, что большая часть этих погребений была впущена в насыпи курганов бронзового века. В случае, когда курган сооружался представителями одной из археологических культур раннего железного века, размеры насыпи редко превышали один метр в высоту и 20 м в диаметре. На территории волго-маньчских степей исследовано 897 погребений раннего железного века [Очир-Горяева 2008: 248–252; Бембеева, Очир-Горяева 2021: 8–53].

Выделяются три основные категории погребального инвентаря: посуда (в основном глиняная, реже металлическая), предметы вооружения и элементы конской упряжи, личные предметы и украшения.

Для глиняной посуды выделяются сосуды закрытой (сосуд, горшок, кувшин, сосудик) и открытой (миска, чаша, стакан, курильница) формы. Качество изготовления этих предметов позволяет предположить, что большая их часть была изготовлена местными мастерами, а часть являлась импортом. К первым можно отнести сосуды, изготовленные вручную, без применения гончарного круга, с плохим обжигом. Такие предметы имеют несимметричную форму, имеют многоцветность в изломе и часто имеют примеси разного размера. Такие сосуды довольно тяжелые и хрупкие. Привозные лощеные сосуды, напротив, имеют строго симметричную форму, гладкую поверхность, однотонность как внешней, так и внутренней поверхности. В изломе цвет черепка имеет цвет этих поверхностей. Сами качественно изготовленные сосуды, легкие и средние на вес и довольно крепкие. Тесто иногда имеет примеси в виде мелкого шамота, но чаще оно однородное. Все это свидетельствует о наличии навыков гончарного производства у местного населения. И что важнее, о наличии активных связей у кочевых культур с центрами оседлого населения соседних территорий.

К металлическим сосудам относятся котлы различной формы и размеров. Само по себе включение в состав погребального инвентаря такого ценного предмета, как котел, встречается редко. Всего известно около сотни погребений с котлами [Демиденко 1994: 65–67]. Кроме прямо-

го утилитарного назначения в качестве сосуда для заупокойной пищи, бронзовые котлы рассматриваются как показатели особого социального статуса владельца. Бронзовые котлы представляли для кочевников значительную ценность, о чем свидетельствуют следы изношенности и починки на некоторых экземплярах. Об этом же свидетельствуют случаи укрытия котлов от грабителей в специально устроенных тайниках, как в погребении [Очир-Горяева 2008: 194].

Кочевники не придавали большого значения качеству кухонной посуды. Но предметы вооружения: железные мечи, наконечники копий и бронзовые наконечники стрел, — отличались превосходным качеством изготовления и разнообразием форм. Племена, владевшие передовым для своего времени оружием, могли успешно захватывать лучшие пастбища. В погребениях кочевников скифской эпохи часто находят железные обоюдоострые мечи и кинжалы, или, как их называют вслед за древнегреческими авторами, акинаки. Среди них различают несколько типов по сочетанию формы навершия и перекрестья. Различаются мечи и кинжалы-акинаки с брусковидным и антенным навершием. Разнообразные наконечники стрел относятся к более чем сорока видам, различающимся по типу насадки на древко, имеются комбинированные типы с так называемой усиленной боевой головкой [История Калмыкии 2009: 60].

Как известно, в повседневной жизни кочевников ключевую роль играл боевой конь, который занимал особое место в системе ценностей кочевников всех эпох. Конь считался самым ценным жертвенным животным у кочевников всех эпох. Конь и предметы конской упряжки занимают особое место в погребальном обряде кочевников. В царских курганах степей Евразии найдены останки десятков коней в полном боевом снаряжении, сопровождавших царя в загробный мир. Большое значение кочевники придавали украшению конской упряжки. На территории волго-маньчских степей, а также на территории соседних регионов находки предметов упряжки или целого уздечного набора в погребениях обычно рассматриваются археологами как символы-заменители коней, которые сопровождали погребенного в загробный мир, чтобы служить ему там так же, как и в жизни. Искусно изготовленные уздечные наборы представляли собой многочисленные предметы из бронзы, железа, золота, оформленные в зверином стиле [История Калмыкии 2009: 60].

Кочевники раннего железного века знамениты изделиями, украшенными в скифо-сибирском зверином стиле, известном на всей степной части Евразии, на которой в ту эпоху господствовало особое мировоззрение. Оно воплотилось и дошло до нас в виде высокохудожественных по исполнению и необычайно сакрализованных по содержанию предметов с изображениями реальных и фантастических животных и птиц. По мнению специалистов, в представлениях древнего населения изображения зверей обладали магической силой, служили оберегами, придавали своему обладателю их качества: силу, скорость, свирепость [История Калмыкии 2009: 61]. Научные исследования, посвященные искусству древних кочев-

ников, достаточно много. Известны уже тысячи предметов, украшенных в зверином стиле: оружие, конская упряжь, детали одежды, сосуды, ювелирные украшения, саркофаги, поминальные камни-стелы. Разнообразен материал, использовавшийся древними мастерами: камень, золото, бронза, дерево, войлок, кожа [Очир-Горяева 2008: 191].

3.5. Основные опубликованные результаты изучения вещественных источников эпохи средневековья

В отличие от коллекций раннего железного века предметы эпохи средневековья представлены не только находками из погребальных памятников (383 подкурганых захоронения), но и происходят из памятников поселенческого типа (поселение *Заханата*, городища *Башанта-I* и *II*).

Поселение *Заханата* было выявлено и исследовано Е. В. Шнайдштейн в 1976 г. На памятнике было изучено два слоя: слой бронзового века и эпохи средневековья. Верхний перекопанный слой (0,1–0,5 м) содержал фрагменты гончарной сероглиняной керамики, иногда украшенной волнистым и линейным орнаментом, а также многочисленные обломки железных предметов, которые были датированы эпохой средневековья [Шнайдштейн 1977: 182–183].

Большими по размеру и более изученными являются городища *Башанта-I* и *II*, выявленные и исследованные М. А. Очир-Горяевой в 2008, 2010, 2015–2018 гг. На обоих памятниках были вскрыты большие площади культурного слоя. Это позволило выявить на *Башанте-I* остатки каменного здания и цоколь стены, сложенный из крупных блоков ракушечного камня, на протяжении 189 м. Стена ограничивала внешние границы обжитой части памятника. На восточном холме *Башанты-II* обнаружен фрагмент такой же каменной кладки стены, отделявшей центральную часть городища от остальных. С внутренней стороны стены были расположены круглые полуземляные турлучные постройки и многочисленные хозяйственные ямы. Культурный слой на *Башанте-II* содержит, наряду с амфорами, многочисленные фрагменты круговой керамики салтово-маяцкого типа, в то время как фрагменты черепицы не обнаружены. На *Башанте-I* керамика представлена исключительно амфорным боем, фрагменты круговой или лепной керамики пока не обнаружены [Очир-Горяева 2020: 830–842; Очир-Горяева 2022: 105–121]. В результате полевых работ были обнаружены и собраны фрагменты глиняных сосудов, черепицы и каменных строительных блоков.

Керамический материал, происходящий из раскопок поселений *Башанта-I* и *Башанта-II* (разведки и раскопки 2008–2009 гг. и 2015–2016 гг.), был исследован Е. В. Сухановым [Суханов 2017: 56–76; Суханов 2018: 115–122]. Им были изучены коллекции амфорной тары, которые являются наиболее массовой группой материала, позволяющей получить информацию хронологического характера, что важно для понимания времени основания и жизнедеятельности рассматриваемых поселений. Установлено, что амфоры с поселений *Башанта-I* и *Башанта-II* относятся к широко известной на памятниках VIII–X вв. группе «причерноморских»

амфор. Центры изготовления этих сосудов расположены в Крыму [Паршина и др. 2001: 52–81]. Результаты изучения амфор, а именно доминирование амфор с мелким зональным рифлением, большинство из которых сделано из одного, первого вида глинистого сырья, полностью соответствуют критериям для отнесения этих памятников к первой, более ранней группе (до середины IX в. н. э.) [Суханов 2018: 119]. Кроме этого, отмечено, что «ранний» культурный облик амфор городища *Башанта-II*, вероятно, подтверждает точку зрения В. С. Флерова о возникновении кирпичного зодчества в Хазарском каганате до миссии Петроны Каматире, связанной со строительством Саркела [Флеров 2014: 238–239].

Погребальные памятники на территории волго-маньчских степей охватывают гораздо больший хронологический период. В период с 1929 г. по 2009 г. исследовано 383 погребений, датированных эпохой средневековья [Очир-Горяева 2008: 248–252; Бембеева, Очир-Горяева 2021: 50–53]. Основными категориями погребального инвентаря являются предметы конской упряжи, предметы вооружения, личные украшения, культовые предметы, посуда, элементы костюма, бытовые и хозяйственные предметы [Кекеев 2024а: 171–191].

Обращаясь к анализу основных категорий сопровождающего инвентаря средневековых погребальных памятников, учтем, что многие предметы традиционной материальной культуры обычно имели специфически выраженное мифологическое содержание, причем эти глубинные, чаще всего скрытые мифологические представления очень важны для понимания функций вещей и их социальной роли. Выясняется, что очень часто предметы, помещенные в могилу, полностью утрачивали свое первоначальное функциональное назначение и превращались в обереги, волшебные вещи, социальные или половозрастные индикаторы. Именно поэтому ассортимент предметов в погребениях, как правило, достаточно ограничен и регламентирован [Мыськов 2015: 53].

В категории предметов конской упряжи выделяют стремяна, седла, украшения узды, удила и т. д. Основная часть находок изготовлена из железа, бронзы, глины, кости и др.

Обычно в погребениях находят пару стремян, хотя известно немало комплексов, где находили только одно стремя. Можно считать установленным, что стремяна представляют собой особую категорию сопровождающего инвентаря, лишь опосредованно связанную с погребенным. Отмечено, что данная категория инвентаря помещалась и в мужские, и в женские погребения. Наличие разных стремян в одном комплекте некоторые исследователи объясняют особым отношением отдельных кочевых народов к той стороне коня, откуда обычно производилась посадка. Выдвигалось мнение, что эта сторона считалась парадной и ее дополнительно украшали. Однако позднее специалисты пришли к тому, что данное явление объясняется поломкой или утратой стремени и его заменой другим, порой не очень похожим, которое в данный момент имелось в хозяйстве [Мыськов 2015: 57].

К бытовым и хозяйственным предметам относят ножи, зеркала, ножницы, кресала, шилья, гребни, пряслица и т. д. Самыми распространенными являются первые три категории инвентаря. Ножи были изготовлены из железа, лезвия большинства ножей сильно сточены, а некоторые из них преднамеренно изогнуты или сломаны в ритуальных целях [Мыськов 2015: 111].

Важной частью погребального инвентаря для средневекового населения являются предметы вооружения. Традиционно в данной категории выделяются клинковое оружие, луки, наконечники стрел, колчаны и т. д. К основным видам клинкового оружия обычно относят мечи, палаши и сабли. Наиболее распространенной категорией являются наконечники стрел. На основе анализа многочисленных находок в 1960-е гг. было предложено две научные типологии наконечников стрел из средневековых памятников Восточной Европы, они были разработаны А. Ф. Медведевым и Г. А. Федоровым-Давыдовым [Медведев 1966: 39–65; Федоров-Давыдов 1966: 11–16]. Новая типология для средневековых наконечников стрел была предложена Е. П. Мыськовым в 2015 г. [Мыськов 2015: 124–126].

В категории личных предметов и украшений выделяются серьги, бусы, браслеты, кольца / перстни, культовые предметы, обереги. Эти предметы были изготовлены из различных материалов, в том числе медь, серебро, золото, сердолик, стекло, горный хрусталь, янтарь, кость и т. д.

Наиболее распространенной категорией личных предметов и украшений в средневековых погребальных комплексах считаются находки серег и бус. Большая часть этих находок была сделана в женских погребениях, однако они встречаются в мужских и детских комплексах.

В работе, посвященной анализу погребального инвентаря эпохи Золотой Орды, Е. П. Мыськов обратил внимание на то, что в женских захоронениях представлено все многообразие известных типов серег из меди, серебра и золота, хотя преобладающими являются медные изделия в виде знака вопроса. В мужских захоронениях, напротив, преобладают кольцевидные сережки, а серьги в виде знака вопроса составляют всего 25 %, причем серебряных и золотых украшений в мужских погребениях в 3 раза больше, чем медных. Все это означает, что в кочевой среде многие мужчины в правом или левом ухе носили по одной серьге, при этом они отдавали явное предпочтение простым кольчатым украшениям из драгоценных металлов [Мыськов 2015: 162].

Редкими, но не менее важными источниками в изучении материальной культуры являются находки ткани. В работе М. А. Очир-Горяевой и Е. Г. Буратаева приведен наиболее полный обзор золотоордынских погребений, исследованных на территории волго-маньчских степей, где были обнаружены остатки шелковой одежды, сохранность которых позволила определить качество и рисунок ткани [Очир-Горяева, Буратаев 2021: 1210–1225].

4. Заключение

Изучение древней и средневековой истории на территории волго-манычских степей в основном проводится на основе информации, полученной в результате изучения археологических памятников обозначенного региона. Для изучения истории каменного и бронзового веков, частично раннего железного века археологические источники являются единственными источниками информации. Известные античные письменные источники крайне скудны, в эпоху же средневековья подобных источников становится больше. Однако все они чаще всего дают лишь общую информацию отрывочного характера.

В данном исследовании проведен анализ основных публикаций, посвященных изучению вещественных источников (археологических предметов), и кратко приведены выводы специалистов, изучающих как отдельные периоды древней и средневековой истории, так и разные категории инвентаря, происходящего из поселенческих и погребальных памятников. Проведенный анализ научных публикаций показал, что только всестороннее изучение археологических вещественных источников может позволить ученым воссоздать материальную культуру, изучить хозяйство, исследовать социальную структуру и реконструировать элементы духовной культуры древнего и средневекового населения волго-манычских степей.

Литература

- Андреева 1984 — *Андреева М. В.* Глиняная модель повозки из погребения катакомбного времени // Советская археология. 1984. № 3. С. 201–205.
- Андреева 1996 — *Андреева М. В.* К вопросу о роли повозки в погребальном обряде восточноманычской катакомбной культуры // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения): Тез. докл. конф. М.: ИА РАН. 1996. С. 13–16.
- Андреева 2004 — *Андреева М. В.* Курильницы, ножи и шилья в контексте погребальных памятников восточноманычской катакомбной культуры // Проблемы первобытной археологии Евразии: Сб. к 75-летию А. А. Формозова. М.: ИА РАН, 2004. С. 187–201.
- Андреева 2010 — *Андреева М. В.* Бронзовые орудия из катакомбных погребений Предкавказья: культовая и социально-знаковая функции // Человек и древности: памяти А. А. Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К., 2010. С. 426–457.
- Андреева 2014 — *Андреева М. В.* Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.
- Бембеева, Очир-Горяева 2021 — *Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А.* Археологические погребальные памятники волго-манычских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-8-53
- Братченко 1976 — *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев. 1976. 252 с.
- Власкин 2010 — *Власкин Н. М.* Сравнительная характеристика катакомбных культур манычского типа эпохи средней бронзы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 24 с.

- Гак 2002 — Гак Е. И. Металлические ножи катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия // Могильник Островной: итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.: Гос. ист. музей; Элиста: Калм. ин-т соц.-экон. и правовых исслед., 2002. С. 280–299.
- Гак 2011 — Гак Е. И. Индикаторы металлопроизводства катакомбных культур степной зоны Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья // Краткие сообщения Института археологии. М.: ИА РАН, 2011. Вып. 225. С. 69–87.
- Демиденко 1994 — Демиденко С. В. Технология изготовления сарматских котлов и некоторые проблемы сарматской истории // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докл. Междунар. конф. (г. Волгоград, 13–16 сентября 1994 г.). Волгоград: Волгоградск. гос. ун-т, 1994. С. 65–67.
- Дергачев 2007 — Дергачев В. А. О скипетрах, о лошадях, о войне: этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб.: Нестор-История, 2007. 488 с.
- Егоров 1970 — Егоров В. Г. Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 156–164.
- Избицер 1993 — Избицер Е. В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н. э.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 24 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Калмыков 2016 — Калмыков А. А. Об использовании повозок в погребальном ритуале восточноманьчской катакомбной культуры // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Матлы межд. науч. конф. (г. Грозный, 18–21 апреля 2016 г.). Грозный: Чеченск. гос. ун-т, 2016. С. 27–29.
- Кекеев 2009 — Кекеев Э. А. Каменные зооморфные навершия — скипетры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 50–58.
- Кекеев 2021а — Кекеев Э. А. Археологические материалы бронзового века в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 150–164. DOI: 10.18384/2310-676X2021-5-150-164
- Кекеев 2021б — Кекеев Э. А. Археологические материалы из раскопок 1929–1937 гг. на территории Калмыкии (по фондам Саратовского областного музея краеведения) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 806–824. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-806-824
- Кекеев 2021в — Кекеев Э. А. Археологические предметы в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (1961–1991 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 141–154. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-141-154
- Кекеев 2021г — Кекеев Э. А. Об археологических коллекциях Саратовского областного музея краеведения из раскопок в Калмыцкой автономной области (1929–1937 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 42–64. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-42-64
- Кекеев 2022 — Кекеев Э. А. Археологические находки из памятников Республики Калмыкия в музеях России (количественный анализ) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 81–105. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-81-105
- Кекеев 2023а — Кекеев Э. А. Археологические коллекции, сформированные по результатам раскопок на территории Калмыкии, как источник по истории ран-

- него железного века // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 3. С. 36–59. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-27-36-59
- Кекеев 2023б — Кекеев Э. А. Полевые отчеты, как источники информации об археологических памятниках Республики Калмыкия, исследованных в 1929–1991 гг. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 85–133. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-85-133
- Кекеев 2024а — Кекеев Э. А. Археологические коллекции, сформированные по результатам раскопок на территории Калмыкии, как источник по истории средневековья // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 2. С. 171–191. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-171-191
- Кекеев 2024б — Кекеев Э. А. Источники по археологическим памятникам, исследованным на территории Республики Калмыкия (1929–2019 гг.): общая характеристика // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 8–23. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-8-23
- Кияшко 1992 — Кияшко В. Я. К вопросу о молоточковидных булавах // Донские древности. Азов: Азов. краевед. музей, 1992. Вып. 1. С. 4–57.
- Кияшко 2002 — Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: ВолгГУ. 268 с.
- Клейн 2010 — Клейн Л. С. Еще раз о так называемых скипетрах // Stratum plus. 2010. № 2. С. 315–321.
- Кольцов 2004 — Кольцов П. М. Поселение Джангар: человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: Новый хронограф, 2004. 156 с.
- Кольцов 2005 — Кольцов П. М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М., 2005. 352 с.
- Корневский 1978 — Корневский С. Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культуры // Советская археология. 1978. № 2. С. 33–48.
- Корневский 1986 — Корневский С. Н. О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья // Краткие сообщения Института археологии. 1986. № 185. С. 35–42.
- Малов 2010 — Малов Н. М. Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К, 2010. С. 721–733.
- Манзура 2000 — Манзура И. В. Владеющие скипетрами // Stratum plus. 2000. № 2. С. 237–295.
- Медведев 1966 — Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с.
- Мимоход 2013 — Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века: мат-лы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.
- Мыськов 2015 — Мыськов Е. П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Волггр. филиал РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Николаева, Сафронов 1990 — Николаева Н. А., Сафронов В. А. Курильницы предкавказской катакомбной культуры (индоевропейская керамическая форма 1) // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: тез. докл. Всесоюз. семинара. Запорожье: Воронежский государственный университет, 1990. С. 54–57.
- Очир-Горяева 2008 — Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-мамычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2020 — Очир-Горяева М. А. Городища Башанта-I и Башанта-II эпохи Хазарского каганата // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 830–842. DOI: 110.22162/2619-0990-2020-50-4-830-842

- Очир-Горяева 2022 — *Очир-Горяева М. А.* Изучение цоколя северной стены городища Башанта-I эпохи Хазарского каганата // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 105–121. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-105-121.
- Очир-Горяева, Бросседер 2008 — *Очир-Горяева М. А., Бросседер У.* Поселения в степи: проблемы изучения и интерпретации // *Вестник Прикаспия: археологи, история, этнология*. 2008. № 1. С. 42–51.
- Очир-Горяева, Буратаев 2021 — *Очир-Горяева М. А., Буратаев Е. Г.* Погребения с изделиями из шелка эпохи Золотой Орды: проблемы интерпретации // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1210–1225. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1210-1225
- Очир-Горяева, Кекеев 2013 — *Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А.* Археологические раскопки поселения эпохи бронзы Ергенинское // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2013. № 4. С. 18–26.
- Очир-Горяева и др. 2011 — *Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А., Карнап-Борнхейм К., Фассбиндер Й.* Комплексные исследования на поселении Ергенинское // *Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие*. Мат-лы Межд. научн. конф. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 81–84.
- Панасюк 2012 — *Панасюк Н. В.* Хронология курильниц восточноманьчской катакомбной культуры // *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации*. XXVII Крупновские чтения: мат-лы межд. науч. конф. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 115–117.
- Панасюк 2016 — *Панасюк Н. В.* Курильница как критерий атрибуции памятников катакомбных культур степного предкавказья // *Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V-II тыс. до н. э.): круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (г. Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.)*. СПб.: ИИМК РАН. 2016. С. 94–98.
- Панасюк 2024 — *Панасюк Н. В.* Особенности орнаментации курильниц восточной и западноманьчской катакомбных культур // *Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – перв. четв. XXI века*. XXXIII Крупновские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа, посвящ. 120-летию со дня рождения Е. И. Крупнова. М.: ИА РАН, 2024. С. 106–108.
- Паршина, Тесленко, Зеленко 2001 — *Паршина Е. А., Тесленко И. Б., Зеленко С. М.* Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // *Морская торговля в Северном Причерноморье*. Сб. науч. ст. Киев: Наукова думка, 2001. С. 52–81.
- Рыков 1931 — *Рыков П. С.* Отчет об археологических работах, проведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // *Известия Нижне-Волжского института краеведения*. 1931. Т. 4. С. 51–79.
- Рыков 1936а — *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище Три Брата в Калмыцкой области, произведенные в 1933–1935 гг. // *Советская археология*. 1936. № 1. С. 115–157.
- Рыков 1936б — *Рыков П. С.* Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты // *Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения*. 1936. Т. 7. С. 57–70.
- Сафронов 1973 — *Сафронов В. А.* Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок // *Краткие сообщения Института археологии*. 1973. № 134. С. 42–47.
- Сафронов 1974 — *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // *Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников*. Вып. 7. М.: Знание, 1974. С. 23–173.

- Сафронов 1979 — *Сафронов В. А.* Хронологическая система энеолита и бронзового века юга Восточной Европы // Проблема эпохи бронзы Юго-Восточной Европы. Тез. докл. Донецк: [б. и], 1979. С. 13–15.
- Синицын 1978а — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маньча. В 2 ч. Ч. 1. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1978. 130 с.
- Синицын 1978б — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маньча. В 2 ч. Ч. 2. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1978. 117 с.
- Синицын, Эрдниева 1963 — *Синицын И. В., Эрдниева У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году // Труды Республиканского краеведческого музея. № 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. 60 с.
- Синицын, Эрдниева 1966 — *Синицын И. В., Эрдниева У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). (Труды КНИИЯЛИ, КРКМ № 2). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 186 с.
- Столярова 2002 — *Столярова Е. К.* Стекланные и фаянсовые бусы южнорусских степей III–II тыс. до н. э.: материалы и интерпретация // Могильник Островной: итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.: Гос. ист. музей; Элиста: Калм. ин-т соц.-экон. и правовых исслед., 2002. С. 300–313.
- Суханов 2017 — *Суханов Е. В.* Амфоры городища Башанта-II // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3. С. 56–76. DOI: 10.22162/2587-6503-2017-3-3-56-76
- Суханов 2018 — *Суханов Е. В.* Амфоры нижнедонских поселений Башанта-I и Башанта-II (предварительные результаты) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 4. С. 115–122. DOI: 10.22162/2581-6503-2018-4-8-115-122
- Усачук 2001 — *Усачук А. Н.* Результаты трасологического анализа костяных изделий из погребений курганных могильников юга Калмыкии // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование. М.: Гос. ист. музей; Элиста: Калм. ин-т соц.-экон. и прав. исслед., 2001. С. 74–80.
- Усачук 2002 — *Усачук А. Н.* Костяные изделия курганных могильников Калмыкии (трасологический анализ) // Могильник Островной: итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.: Гос. ист. музей; Элиста: Калм. ин-т соц.-экон. и правовых исслед., 2002. С. 267–279.
- Федоров-Давыдов 1966 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Моск. ун-т, 1966. 275 с.
- Флеров 2014 — *Флеров В. С.* К периодизации ниже-донских крепостей Хазарского каганата // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). 2014. Вып. 236. С. 235–239.
- Фрибус 2014 — *Фрибус А. В.* Курильницы в структуре погребального обряда культур эпохи палеометалла степной Евразии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3–2. С. 48–52.
- Шилов 1990 — *Шилов В. П.* Проблема происхождения предкавказской катакомбной культуры // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии. Л.: [б. и.], 1990. С. 40–42.
- Шилов 2009 — *Шилов В. П.* Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.
- Шишлина 2007 — *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.) // Труды Государственного исторического музея. Вып. 165. М.: Гос. ист. музей, 2007. 400 с.

- Шишлина и др. 2013 — *Шишлина Н. И., Плихт Й. ван дер, Зазовская Э. П.* Костяные булавки бронзового века: результаты радиоуглеродного датирования // *Российская археология*. 2013. № 4. С. 35–44.
- Шишлина и др. 2010 — *Шишлина Н. И., Егорьков А. Н., Шортланд А.* Происхождение и производство фаянсовых бус в Северо-западном Прикаспии в бронзовом веке // *На пути открытия цивилизации: труды Маргианской археологической экспедиции*. СПб.: Алетейя, 2010. С. 639–655.
- Шнайдштейн 1977 — *Шнайдитейн Е. В.* Исследования в Калмыкии // *Археологические открытия 1976 г.* М.: Наука, 1977. С. 182–183.
- Эрдниев 1960 — *Эрдниев У. Э.* Из истории первобытной культуры Калмыцкой степи (неолит и бронза) // *Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1960. С. 135–147.
- Эрдниев 1962 — *Эрдниев У. Э.* Памятники железного века на территории Калмыкии // *Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. Вып. 2. Элиста: КНИИЯЛИ, 1962. С. 277–288.
- Эрдниев 1967 — *Эрдниев У. Э.* Территория Калмыцкой АССР и ее население с древнейших времен до XVII в.) // *Очерки истории Калмыцкой АССР*. Дооктябрьский период. Т. 1. М.: Наука, 1967. С. 21–52.

УДК / UDC 94(47)

Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг.: историографический аспект

Николай Лиджиевич Музраев¹

Participation of the Kalmyks in the Russo-Turkish War of 1735–1739: a Historiographical Aspect

*Nikolai L. Muzraev*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

аспирант, младший научный сотрудник

Postgraduate Student, Junior Research Associate

 0009-0006-5588-2022. E-mail: muzraevx1[at]mail.ru

Аннотация. *Введение.* В настоящей статье рассмотрен историографический аспект участия калмыцкого войска в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Проведенное исследование охватывает дореволюционный, советский и современный периоды. *Цель* работы заключается в анализе основных тенденций в изучении роли калмыцкого войска в войне и выявлении специфики исследовательских подходов к данной проблеме в разные исторические периоды. *Результаты.* Исследование показало, что интерес к роли калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. прошел сложную эволюцию — от фрагментарных упоминаний в дореволюционных работах (П. Г. Бутков, Н. Я. Бичурин, А. К. Байов, В. А. Потто) до комплексного анализа в работах современных авторов (А. В. Цюрюмов, В. В. Батыров, В. Т. Тепкеев и др.). Современные исследователи, опираясь на архивные материалы, существенно расширили представления о роли калмыцкого войска в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Были уточнены масштабы и значение действий калмыцкой конницы под командованием Дондук-Омбо на кубанском направлении, на протяжении всех четырех лет. Участие калмыков в военных кампаниях оказало существенное влияние на общий ход войны, сковав значительные силы противника. Благодаря введению в научный оборот новых архивных

источников современные исследователи не только детализировали военные аспекты, но и раскрыли многогранное влияние войны на внутреннее состояние Калмыцкого ханства. Но в то же время, несмотря на значительный прогресс в изучении темы в современный период, сохраняются лакуны, требующие дальнейшего исследования: детальный анализ действий калмыков в завершающий период войны (1738–1739 гг.), всестороннее изучение влияния войны на социально-экономическое положение Калмыцкого ханства и его последующие отношения с Российской империей.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1735–1739 гг., Крымское ханство, калмыки, кубанские татары, ногайцы, историография

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Музраев Н. Л. Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг.: историографический аспект // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 94–105. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-94-105

Abstract. Introduction. This article examines the historiographical aspect of the participation of the Kalmyk troops in the Russo-Turkish War of 1735–1739. The study covers the pre-revolutionary, Soviet, and contemporary periods. The aim of the work is to analyze the main trends in studying the role of the Kalmyk troops in the war and to identify the specifics of the research approaches to this problem in different historical periods. *Results.* The research has shown that interest in the role of the Kalmyks in the Russo-Turkish War of 1735–1739 has undergone a complex evolution — from fragmentary mentions in pre-revolutionary works (P. G. Butkov, Bichurin, A. K. Baikov, V. A. Potto) to comprehensive analysis in the works of contemporary authors (A. V. Tsyuryumov, V. V. Batyrov, V. T. Tepkeev, etc.). Contemporary researchers, relying on archival materials, have significantly expanded the understanding of the role of the Kalmyk troops. The scale and significance of the actions of the Kalmyk cavalry under the command of Donduk-Ombo on the Kuban front throughout all four years have been clarified. The participation of the Kalmyks in the military campaigns had a significant impact on the overall course of the war, tying down considerable enemy forces. Thanks to the introduction of new archival sources into scholarly discourse, contemporary researchers have not only detailed military aspects but also revealed the multifaceted impact of the war on the internal state of the Kalmyk Khanate. However, despite significant progress in studying the topic in the contemporary period, there are gaps that require further research: a detailed analysis of Kalmyk actions in the final period of the war (1738–1739), a comprehensive study of the war's impact on the socio-economic position of the Kalmyk Khanate and its subsequent relations with the Russian Empire.

Keywords: Russo-Turkish War of 1735–1739, Crimean Khanate, Kalmyks, Kuban Tatars, Nogais, historiography

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: A Study of the Political and Cultural History of Social Communities and Groups”

For citation: Muzraev N. L. Participation of the Kalmyks in the Russo-Turkish War of 1735–1739: a Historiographical Aspect. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 4. Pp. 94–105. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-94-105

1. Введение

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. занимает особое место в истории Российской империи, отражая ее стремление утвердиться на южных рубежах и обеспечить выход к Черному морю, ведь, по словам генерал-фельдмаршала Х. А. Миниха, «В Крым русские никогда не проникали до 1736 года» [Миних 1874: 8]. Это событие подчеркивает стратегическую важность кампании и расширение влияния России на южные территории. В ходе войны России также удалось сформировать союзнические отношения с Австрийской империей, ставшие важной частью европейской дипломатии вплоть до XIX в. [Rel Roider 1972: 5].

Несмотря на взятие ключевых турецких крепостей — Азова, Очакова и Хотина, — по условиям Белградского мирного договора 1739 г. Россия добилась весьма скромных территориальных приобретений, сохранив под своим контролем лишь крепость Азов. В то же время сочетание военных успехов в ходе войны с ее неудачным исходом подтверждает справедливость оценки А. А. Михайлова о том, что «победы были оплачены огромными человеческими потерями...» [Михайлов 2012: 332]. Именно эта диспропорция между ценой и результатом обусловила противоречивый характер оценок данной войны в историографии.

2. Материалы и методы

Материалы исследования составили труды дореволюционных, советских и современных авторов по указанной теме — Х. Г. Манштейна [Записки Манштейна о России 1875], П. Г. Буткова [Бутков 1869], А. К. Баиова [Баиов 1906а; Баиов 1906б], Н. Я. Бичурина [Бичурин 1834], Е. Чонова [Чонов 1912], В. А. Потто [Потто 1912а; Потто 1912б], Т. И. Беликова [Беликов 1960], К. П. Шовунова [Шовунов 1991], А. В. Цюрюмова и В. В. Батырова [Цюрюмов, Батыров 2006], С. В. Джунджузова и С. В. Любичанковского [Джунджузов, Любичанковский 2019], В. Т. Тепкеева [Тепкеев 2020а; Тепкеев 2020б; Тепкеев 2020в; Тепкеев 2020г], У. Б. Очирова [Очиров 2020а; Очиров 2020б] и др.

Основу исследования составляет комплексный историографический анализ, направленный на оценку степени изученности роли калмыцкого войска в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. В работе применялся историко-генетический метод, позволивший проследить эволюцию научных взглядов на проблему в ретроспективе — от дореволюционных описаний к советским и современным исследованиям. Такой подход дал возможность выявить преемственность и новаторство в подходах изучения разных историографических периодов.

3. Дореволюционный период

В дореволюционный период российская историография не уделяла значительного внимания роли калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. В основном упоминания встречались в контексте описания военных действий и союзнических отношений России с калмыками. Данный

период историографии не изобилует историческими работами, в которых комплексно изучали вопрос участия кочевых народов Северного Прикаспия и Северного Кавказа в войне 1735–1739 гг.

Одним из первых и значимых трудов дореволюционной историографии о Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. являются мемуары Христора Германа Манштейна (1711–1757) — «Записки Манштейна о России 1727–1744» [[Записки Манштейна о России 1875](#)]. Рукопись была написана на французском языке в конце 1740-х гг.; на корешке ее переплета сохранилось название «Mémoires de Russie». По мнению профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, «кроме Манштейна, для царствования Анны Иоановны нет ни одного иностранца, на которого можно положиться» [[Бестужев-Рюмин 1872: 201](#)].

Мемуары Х. Г. Манштейна можно считать классическим произведением XVIII в., отражающим взгляд иностранца на Россию и ее государственное устройство.

В своих мемуарах Х. Г. Манштейн подробно описал действия калмыцких войск под командованием Дондук-Омбо. По его словам, Петербургский двор, стремясь усмирить кубанских татар, поручил Дондук-Омбо возглавить военную кампанию против них [[Записки Манштейна о России 1875: 94](#)]. В начале апреля 1736 г. Дондук-Омбо выступил с двадцатитысячным войском. В ходе кампании ему удалось настигнуть 5 тыс. татарских кибиток между реками Кубанью и Орпа (Уруп), где состоялось кровопролитное сражение.

Довольно подробно Х. Г. Манштейн рассмотрел и крымский поход 1737 г. и разорение Бахчисарая войсками Галдан-Нармо. По данным Х. Г. Манштейна, в крымский поход 1737 г. калмыцкий хан Дондук-Омбо отправил четырехтысячное войско под предводительством своего сына Галдан-Нармо, которое присоединилось к армии П. П. Ласси 2 июля [[Записки Манштейна о России 1875: 124](#)].

В ходе этой кампании под общим руководством генерал-фельдмаршала П. П. Ласси русской армии удалось во второй раз сжечь столицу Крымского ханства. В отличие от первого взятия города войсками Миниха в 1736 г., события на этот раз развивались иначе. После захвата Карасубазара 26 июля 1737 г. русские войска выступили к своему прежнему лагерю, где находились обозы. Однако на равнине, у противоположного берега реки Карасу, их ожидал неприятель. П. П. Ласси приказал атаковать генерал-поручику Густов Дугласу. Бой, по словам автора, был «жаркий» [[Записки Манштейна о России 1875: 127](#)]. Генерал-фельдмаршал П. П. Ласси также отдал калмыкам приказ ударить противнику в тыл и во фланг. Как отмечает Манштейн, «...когда же бой прекратился, калмыки исчезли, преследуя неприятеля...» [[Записки Манштейна о России 1875: 127](#)]. Вернулись они в лагерь лишь спустя два дня, приведя более тысячи пленных, в том числе нескольких мурз, захваченных в ходе самовольного рейда на Бахчисарай [[Записки Манштейна о России 1875: 127](#)].

После успешного рейда Галдан-Нармо фельдмаршал П. П. Ласси созвал военный совет. Поскольку основная задача кампании была выполнена, на совете было принято решение отвести армию к границам Крыма [[Записки Манштейна о России 1875: 127](#)].

Х. Г. Манштейн описывал участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг., скорее, как данность, не анализируя мотивы, побудившие Дондук-Омбо выступить на стороне Российской империи. Несомненным достоинством мемуаров Х. Г. Манштейна являются их детализированность, с которой он рассматривает исторические события того периода.

В 30-е гг. XIX в. вышла работа «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» Иакинфа Бичурина [[Бичурин 1834](#)]. Этот труд ценен для современной историографии тем, что его автор, будучи видным специалистом по Востоку и в частности по Китаю, опирался не только на архивные документы, летописи и устные калмыцкие предания, но и на китайские источники. Работа Н. Я. Бичурина является первым в Российской империи исследованием, полностью посвященной истории Калмыцкого ханства. В рамках исследования калмыцкой истории он также показал роль калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг., отметив превосходство калмыцкой конницы над татарской в ходе отдельных сражений.

Н. Я. Бичурин в описании боевых действий не раз прибегал к ссылкам на мемуары генерала Х. Г. Манштейна. Например, в описании одного эпизода в войне, когда Дондук-Омбо, преследуя около 30 тыс. кибиток кубанских татар, окружил их, но не отдавал приказ об атаке, ожидая поддержки казаков [[Бичурин 1834: 206](#)]. Согласно Н. Я. Бичурину, осада продержалась более 30 дней, тогда как генерал Х. Г. Манштейн в своих мемуарах указывает, что она длилась ровно 37 дней. Лишь после прибытия подкрепления под командованием Данилы Ефремова с донскими казаками Дондук-Омбо отдал приказ на штурм, после чего татары предпочли присягнуть на верность императрице Анне Иоанновне [[Бичурин 1834: 207](#)].

В своем труде Н. Я. Бичурин писал, что «за проявленную доблесть калмыки на Кубани обратили на себя внимание императрицы Анны Иоанновны» [[Бичурин 1834: 207](#)]. Благодаря милости императорского величества Дондук-Омбо, помимо постоянного годового жалования, стал получать ежегодную надбавку по 2 500 руб. деньгами и по 1 000 четвертей ржаной муки [[Бичурин 1834: 207](#)].

Далее Н. Я. Бичурин описал уничтожение племени жестускульцев, кочевавшего за рекой Кубанкой. В ходе сражения было убито до 15 тыс. татар, а часть из тех, кому удалось спастись, утонула при переправе через реку. Разгром жестускульцев позволил Дондук-Омбо пройти по всей Кубани, разоряя поселения кубанцев, и, в конечном итоге, взять штурмом укрепленный город Копыл — столицу Бахты-Гирея. По данным Н. Я. Бичурина, этот поход продолжался две недели, с 1 по 14 декабря 1736 г. Калмыки и донцы взяли в плен более 10 тыс. женщин и детей, а также за-

хватили огромное количество трофеев; калмыкам досталось до 20 тыс. лошадей, не считая рогатого скота и овец [Бичурин 1834: 211–212].

Значительным вкладом в изучение участия калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. стал труд П. Г. Буткова «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.» [Бутков 1869]. В этой работе он детально представил деятельность калмыцкого наместника Дондук-Омбо, которому было поручено сформировать калмыцкий корпус для защиты южных рубежей от набегов кубанских ногайцев, находившихся в вассальной зависимости от Османской империи. В апреле 1736 г. Дондук-Омбо с отрядом в 40 тыс. калмыков отправился к Кубани, где столкнулся с сопротивлением местных татарских группировок [Бутков 1869: 197].

Особое внимание автора уделено описанию тактики и стратегии, применявшихся с обеих сторон. Наурузовцы, противостоявшие калмыкам, укрепились в труднодоступных местах между реками Кубань и Уруп, создав оборонительные сооружения [Бутков 1869: 198]. В ответ Дондук-Омбо направил на них отряд под командованием Галдана-Нармо, что привело к успешной атаке и захвату части противника. Однако, несмотря на временные успехи, калмыцкий корпус столкнулся с трудностями, связанными с численным превосходством противника и сложными природными условиями.

П. Г. Бутков также отметил дипломатические аспекты конфликта, включая взаимодействие с местными татарскими лидерами, такими как Бай-Улу-Мусом (Муса) и Кара-Улу-Мисаусом [Бутков 1869: 198]. Эти переговоры и военные действия подчеркивают сложность политической ситуации на Кавказе в тот период, где пересекались интересы различных этнических и политических групп.

К началу XX в. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. стала предметом более тщательного изучения историком А. К. Баиовым. В 1906 г. вышла его диссертационная работа под названием «Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Кампания 1739 г.» [Баиов 1906б]. Эта диссертация является продолжением предыдущей работы А. К. Баиова — «Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года» [Баиов 1906а].

Эти два комплексных труда по Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. содержат большое количество ссылок на источники. В своих исследованиях А. К. Баиов опирался на обширный комплекс архивных материалов, обеспечивший его труду высокую научную значимость. Автор в большей степени рассматривал Крымский (основной) театр военных действий. В то же время участие калмыков на кубанском театре военных действий изучено им не столь детально. Его описание роли калмыцкого войска сводилось к обеспечению защиты левого фланга основной армии генерал-фельдмаршала Х. А. Миниха, которая вела боевые действия на крымском направлении.

По данным А. К. Баиова, перед российским командованием в весенне-летней кампании 1736 г. стояла следующая задача: в момент осады Донской армией крепости Азов произвести силами калмыцкого войска диверсию против кубанских ногайцев [Баиов 1906а: 201].

В начале XX в. вышла работа Е. Чонова «Калмыки в русской армии XVII–XVIII вв. и 1812 г.», приуроченная к столетию Отечественной войны 1812 г. Автор провел масштабное исследование, охватывающее период от становления Ойратского союза («Союза четырех ойратов») в XIV в. до расколов и обособления Хо-Урлюка, выведшего торгуотов из-под власти Хунь-тайши Хара-Улы [Чонов 1912].

В труде Е. Чонова рассматривается ключевая роль калмыцких войск под командованием Дондук-Омбо в боевых действиях против кубанских татар и крымских сил. В ходе осенней кампании 1736 г. калмыки совершили масштабный рейд вдоль Кубани, разрушив турецкие крепости Эски-Копыл и Темрюк, в результате чего противник потерял до 30 тыс. человек убитыми и пленными [Чонов 1912: 21]. Часть калмыцких отрядов была направлена в Крым, где она участвовала во взятии Карасубазара в составе армии графа Миниха. За эти заслуги Дондук-Омбо был удостоен титула хана, а также получил награды от императрицы Анны Иоанновны [Чонов 1912: 21].

Однако у Е. Чонова последующие этапы войны 1738–1739 гг. не получили детального анализа: дальнейшие действия калмыков в кубанских походах 1739 г., их взаимодействие с русской армией в завершающий период войны, а также влияние этих событий на последующие русско-калмыцкие отношения. Тем не менее автор убедительно доказал, что именно в первые годы войны калмыки внесли наиболее значимый вклад, ослабив турецко-татарские силы в регионе.

В 1912 г. издан фундаментальный двухтомный труд В. А. Потто «Два века Терского казачества» [Потто 1912а; Потто 1912б]. Данное подробное историческое исследование охватило обширный период военной истории терского казачества, включая его участие в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Описывая ход этой войны, исследователь также затрагивал вопрос участия калмыцкой конницы, указав ее успехи в военных кампаниях и ключевых сражениях.

В. А. Потто в своем труде уделил значительное внимание описанию боевых действий в ходе данной войны. Наиболее подробно им было рассмотрено участие отдельных казачьих формирований. В сферу его исследования, наряду с казачьими войсками, попало и калмыцкое войско. Это связано с тем, что, согласно планам высшего армейского командования, калмыки и казаки должны были действовать в рамках объединенного войска, совершая походы на Кубань с целью устранения угрозы со стороны кубанских ногайцев, поданных Крымского ханства.

На самой Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. автор особо не останавливается: после осенне-зимней кампании 1737 гг. повествование прекращается, поскольку в последние два года турецкой войны ни гребенским,

ни терским казакам не довелось принять участия [Потто 1912б: 54]. Далее военный историк коснулся внутренних процессов Калмыцкого ханства, когда Галдан-Нарма поднял восстание против своего отца, действующего правителя Дондук-Омбо, но с помощью российской власти конфликт удалось прекратить.

В своей работе В. А. Потто опирался на широкий круг источников и научной литературы. Основу исследования составили, с одной стороны, труд П. Г. Буткова «Материалы для новой истории Кавказа» [Бутков 1869], а с другой — документы Кизлярского архива.

4. Советский период

В рамках советской историографии в 1960 г. была опубликована монография Т. И. Беликова «Калмыки в войнах России (XVII – первая четверть XIX в.)» [Беликов 1960]. Это исследование стало одним из первых комплексных трудов, вышедших в советское время. Подобно многим предшествовавшим работам, монография Т. И. Беликова строится преимущественно на вторичных источниках, без привлечения архивных материалов, что ограничивает ее научную новизну. Основное внимание автор уделил военным операциям, в которых участвовали калмыцкие отряды под руководством Дондук-Омбо, их взаимодействию с русскими войсками и влиянию на исход сражений. В работе подробно анализируется участие калмыцких войск в различных операциях, таких как осада Азова, сражения на Кубани и в Крыму, а также их роль в сдерживании кубанских ногайцев.

Особенно внимательно Т. И. Беликов рассмотрел осеннюю кампанию 1736 г., продолжавшуюся с 19 ноября по 14 декабря 1736 г. В ходе этой кампании, как указал автор, основным улусом, пострадавшим от нападения объединенного калмыцко-казацкого войска, был так называемый Казиевский улус [Беликов 1960: 57]. По данным, на которые ссылался Т. И. Беликов, ногайцы Казиевского улуса потеряли только убитыми около 15 тыс. чел. и около 35 тыс. пленными. Кроме того, в ходе набега калмыки захватили свыше 20 тыс. лошадей, примерно столько же голов крупного и мелкого скота, а также большое количество другого имущества [Беликов 1960: 57].

В 1991 г. вышла книга К. П. Шовунова «Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.)» [Шовунов 1991]. В ней, помимо описания многочисленных войн в истории Калмыцкого ханства, начиная с XVII в., автор уделяет внимание и Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Эта работа дополняет некоторые детали и события данной войны. Благодаря его исследованию выясняется процесс организации калмыцкого войска.

Как отметил этот историк, перед войной с Портой перед русским правительством стояли две ключевые задачи: во-первых, не допустить мятежного Дондук-Омбо с его многочисленным войском к союзу с крымским ханом; во-вторых, необходимо было добиться прямого участия калмыков в военных действиях [Шовунов 1991: 88].

К. П. Шовунов также привел конкретные данные о размерах поощрения со стороны российского правительства. Согласно его исследованию,

сам Дондук-Омбо получал постоянное жалование в размере 2,5 тыс. руб. и 2 тыс. четвертей муки, а его владельцам на выплату жалования отпускалось 2,1 тыс. руб. [Шовунов 1991: 68].

5. Современный период

Современные исследования, благодаря привлечению архивных материалов, позволили в большей степени расширить знания о событиях и участии калмыцкого войска в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. К числу наиболее значимых работ относятся труды А. В. Цюрюмова, В. В. Батырова [Цюрюмов, Батыров 2006], В. Т. Тепкеева [Тепкеев 2020а; Тепкеев 2020б; Тепкеев 2020в; Тепкеев 2020г], С. В. Джунджужова, С. В. Любичанковского [Джунджужов, Любичанковский 2019] и У. Б. Очирова [Очиров 2020а; Очиров 2020б].

А. В. Цюрюмов и В. В. Батыров являются соавторами монографии «Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.)» [Цюрюмов, Батыров 2006]. Данная работа посвящена рассмотрению взаимоотношений между Крымским и Калмыцким ханствами в XVIII в. Авторы разделяют историю калмыцко-крымских взаимоотношений на три больших периода, границы между которыми определяются Русско-турецкими войнами. Исследователи подчеркивают, что ни Калмыцкое, ни Крымское ханства не начинали крупных войн друг против друга, будучи связанными мирным договором. Но при этом мир, заключаемый между Россией и Портой, не всегда останавливал военные действия между их вассалами [Цюрюмов, Батыров 2006: 6].

Существенный вклад в изучение участия калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. стала серия статей В. Т. Тепкеева [Тепкеев 2020а: 1003–1010; Тепкеев 2020б: 486–494; Тепкеев 2020в: 1459–1469; Тепкеев 2020г: 23–30]. В своих работах В. Т. Тепкеев опирается на значительный корпус источников Национального архива Республики Калмыкия, что существенно дополняет ранние исследования. Вводя в научный оборот новые архивные данные, автор указывает на необходимость комплексного анализа хода войны на протяжении всех четырех лет.

Важным аспектом в исследовании В. Т. Тепкеева является описание социально-экономического положения Калмыцкого ханства в ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Особенно оно проявилось в период января 1737 г., когда часть Калмыцкого ханства пострадала от крупного казахского набега, совершенного на Нижнюю Волгу [Тепкеев 2020б: 487]. Автор указывает, что произошедшие события поставили под вопрос дальнейшее участие калмыцкого войска в весенней кампании 1737 г., поскольку в период отсутствия значительного воинского контингента калмыцкие улусы находились в уязвимом положении, а российское правительство не было способно полностью обеспечить безопасность калмыцких улусов от набегов [Тепкеев 2020б: 488].

3 марта 1737 г. в знак признания прежних заслуг Дондук-Омбо был объявлен российской властью «ханом калмыцкого народа»; В. Т. Тепкеев

отмечает, что данный ход со стороны российского правительства был обусловлен желанием окончательно убедить Дондук-Омбо в необходимости участия в новой кампании [Тепкеев 2020б: 488].

Автор замечает, что на протяжении всей кампании 1737 г. калмыцкая конница действовала на двух направлениях: донском и крымском. Однако существовало и третье направление, откуда исходила постоянная угроза нападения на калмыцкие улусы [Тепкеев 2020б: 491]. В результате, как констатирует исследователь, «в начале 1738 г. 22-тыс. казахская конница все-таки нанесла массированный удар по калмыцким кочевьям» [Тепкеев 2020г: 492].

Статья С. В. Джунджузова и С. В. Любичанковского посвящена участию калмыцкого войска в кубанских походах 1736–1737 гг. [Джунджузов, Любичанковский 2019]. Помимо этого, авторы обращаются к предыстории этих событий, анализируя ситуацию в Калмыцком ханстве накануне Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. В преддверии конфликта с Османской империей российскому правительству необходимо было добиться повиновения калмыцких улусов. В тот период они были охвачены междоусобной борьбой между назначенным правителем Церен-Дондуком и Дондук-Омбо.

В результате конфликта большая часть улусов находилась под контролем Дондук-Омбо, которая составляла около 28 тыс. кибиток (семей), из которых более 10 тыс. были им захвачены и присоединены к его владениям. В то же время у хана Церен-Дондука оставалось не более 10 тыс. кибиток [Джунджузов, Любичанковский 2019: 500].

Согласно выводам С. В. Джунджузова и С. В. Любичанковского, ключевым решением российского правительства накануне военных действий стал стратегический выбор в пользу Дондук-Омбо как союзника. Исследователи подчеркивают, что, стремясь обеспечить лояльность и военную поддержку калмыков в предстоящей войне, российская администрация пошла на удовлетворение ключевых требований Дондук-Омбо. Этот шаг был закреплен во втором пункте грамоты, доставленной донским старшиной Данилой Ефремовым, где указывалось: «Когда он, Дондук-Омбо, к Волге придет и присягу верности учинит, и тогда повелено и главное правление над всеми калмыцкими ему поручить, которую команду иметь ему по прежним их правам и обыкновениям, как-то было при Аюке-хане...» [Джунджузов, Любичанковский 2019: 500]. Как отмечают авторы, официальная присяга на верность императрице была принята Дондук-Омбо 14 ноября 1735 г. в присутствии астраханского губернатора И. П. Измайлова, что стало важным дипломатическим актом, заложившим основу для участия калмыцких войск в начинавшемся конфликте [Джунджузов, Любичанковский 2019: 500].

Научная значимость работы С. В. Джунджузова и С. В. Любичанковского заключается во введении в научный оборот ранее не исследованных документов из Оренбургского архива, позволяющих уточнить отдельные аспекты Русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

Значительный интерес в данном контексте представляют исследования У. Б. Очирова, посвященные изучению роли калмыцкой конницы в российской армии XVIII – начала XIX вв. [Очиров 2020а; Очиров 2020б]. В частности автор анализирует участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг., приходя к выводу, что именно в ходе этого конфликта военная активность калмыцкого войска достигла своего апогея — как по численности выставляемых контингентов, так и по интенсивности проводимых походов [Очиров 2020а: 84].

По словам У. Б. Очирова, на протяжении всей войны калмыки не потерпели ни одного поражения, одержав серию впечатляющих побед. Причем некоторые из этих побед были достигнуты нетипичными для кочевников способами — в пешем строю или штурмом укрепленных позиций [Очиров 2020а: 85].

6. Заключение

Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг., несмотря на представленную историографию, остается недостаточно исследованным. На ранних этапах историографии этот аспект рассматривался фрагментарно как составная часть общей истории военного конфликта. Со временем в трудах советских и особенно современных исследователей данная тема стала предметом специального рассмотрения.

Основные перспективы дальнейшего исследования связаны с углубленным изучением значительного пласта архивных материалов, в частности фондов Архива внешней политики Российской империи. Их введение в научный оборот может дать новые, уточненные сведения об участии калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. и прояснить ряд малоизученных аспектов: особенности взаимодействия в совместных походах с русскими и казачьими частями, влияние войны на социально-экономическое состояние калмыцких улусов, механизмы мобилизации калмыцкого войска, последствия для безопасности калмыцких кочевий из-за отвлечения их сил в походах против кубанских ногайцев.

Литература

- Баиов 1906а — *Баиов А. К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны Россия с Турцией в 1736-1739 гг. Первые три года войны Т. 1. СПб.: Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1906. 828 с.
- Баиов 1906б — *Баиов А. К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны Россия с Турцией в 1736-1739 гг. Т. 2. Кампания 1739 г. СПб.: Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1906. 398 с.
- Беликов 1960 — *Беликов Т. И.* Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. 144 с.
- Бестужев-Рюмин 1872 — *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская История. Т. I. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1872. 742 с.
- Бичурин 1834 — *Иакинф (Бичурин Н. Я.).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. Мед. департамента Министерства внутренних дел, 1834. 269 с.

- Бутков 1869 — *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.: в 3-х чч. Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. 613 с.
- Джунджузов, Любичанковский 2019 — *Джунджузов С. В., Любичанковский С. В.* Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 494–524.
- Записки Манштейна о России 1875 — *Манштейн Х. Г.* Записки Манштейна о России. 1727–1744 / пер. с франц. с подлинной рукописи Манштейна. СПб.: Тип. В. С. Балашева (Бол. Садовая, № 49–2), 1875. 399 с.
- Миних 1874 — *Миних Б. К.* Записки фельдмаршала графа Миниха / пер. с франц. С. Н. Шубинский; под ред. С. Н. Шубинского. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1874. 406 с.
- Михайлов 2012 — *Михайлов А. А.* Русско-турецкая война 1736–1739 гг.: историографический аспект // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третье международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 16–18 мая 2012 г.). Ч. II. СПб.: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2012. С. 332–348.
- Очиров 2020а — *Очиров У. Б.* Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 1 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. №3. С. 64–97.
- Очиров 2020б — *Очиров У. Б.* Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 2 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. №4. С. 10–39.
- Потто 1912а — *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Т. I. Владикавказ: Электронпечатня Тип. Терского Областного Правления, 1912. 117 с.
- Потто 1912б — *Потто В. А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Т. II. Владикавказ: Электронпечатня Тип. Терского Областного Правления, 1912. 247 с.
- Тепкеев 2020а — *Тепкеев В. Т.* Калмыцкая конница в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг.: кампания 1736 г. // Былые годы. 2020. Т. 57. № 3. С. 1003–1010.
- Тепкеев 2020б — *Тепкеев В. Т.* Участие калмыцкого хана Дондук-Омбо в кампании 1737 г. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. // Былые годы. 2020. Т. 56. № 2. С. 486–494.
- Тепкеев 2020в — *Тепкеев В. Т.* Калмыки, казахи и кубанские ногайцы в кампании 1738 г.: одна из малоизвестных страниц Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // Былые годы. 2020. Т. 57. № 3. С. 1459–1469.
- Тепкеев 2020г — *Тепкеев В. Т.* «По указу Ея Императорского Величества обретается на Кубани для поиску над тамошними татарами». Участие калмыков в кампании 1739 г. Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // Былые годы. 2020. Т. 55. № 1. С. 23–30.
- Цюрюмов, Батыров 2006 — *Цюрюмов А. В., Батыров В. В.* Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: Джангар, 2006. 94 с.
- Чонов 1912 — *Чонов Е.* Калмыки в русской армии XVII–XVIII вв. и 1812 г. Пятигорск: Электронпечатня Г. Д. Сукиасянца, 1912. 73 с.
- Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.
- Rel Roider 1972 — *Rel Roider K. A., Jr.* The Reluctant Ally: Austria's Policy in the Austro-Turkish War, 1737–1739. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1972. 191 p.

УДК / UDC 94[47].083

**Курсовые сочинения студентов
миссионерского отделения Казанской духовной
академии, посвященные истории калмыков:
тематика и источниковедческий потенциал**

Нелли Максимовна Азванова¹

**Term Papers by Students of the Missionary Department
of the Kazan Theological Academy on the History of the
Kalmyks: Subject Matter and Source Potential**

Nelly M. Azvanova¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ¹ Kalmyk Scientific Centre of the RAS
ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian
Российская Федерация) Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0009-0000-7306-7351. E-mail: nel_max[at]mail.ru

Аннотация. *Введение.* В рамках современного источниковедения отмечается тенденция к переосмыслению значимости учебно-академических трудов, поскольку их содержание позволяет исследовать не только конкретно-исторические сюжеты, но и особенности мировоззренческих конструкций и идейных течений эпохи их создания. В этом ряду курсовые сочинения студентов миссионерского отделения Казанской духовной академии остаются недостаточно востребованным комплексом документов. Данная статья призвана заполнить этот пробел на примере работ, посвященных истории калмыков. *Задачи* исследования: провести тематическую классификацию и содержательный анализ группы сочинений, осуществить источниковедческий анализ, определить информационный потенциал сочинений для современных исторических и этнографических исследований. *Материалы и методы.* Объектом исследования выступает комплекс курсовых сочинений студентов миссионерского отделения Казанской духовной академии, написанных во второй половине XIX – начале XX вв. и посвященных истории калмыцкого наро-

да (фонд 10 «Казанская духовная академия» Государственного архива Республики Татарстан). В работе применяются методы историко-типологического анализа для систематизации тематики и источниковедческой критики для выявления информационной ценности этих трудов. *Результаты.* Проведенный анализ позволил выявить устойчивую тематическую структуру сочинений, сформировавшуюся на протяжении более чем шести десятилетий: 1) миссионерская деятельность (изучение истории христианизации калмыков, оценки ее успехов и методов); 2) религиозно-бытовая и культурная жизнь калмыков (описание традиционных верований (буддизма), обрядов, семейного уклада и хозяйственной деятельности); 3) переводческая и образовательная деятельность (анализ роли Казанской духовной академии и отдельных миссионеров в переводе духовной литературы и организации школ); 4) вопросы государственной политики (анализ законодательных актов и административных мер российского правительства в отношении калмыков); 5) историко-биографические исследования (сочинения, посвященные русским миссионерам). Источниковедческий потенциал сочинений определяется несколькими факторами: многие работы основаны на уникальных архивных данных, сегодня недоступных или утраченных; можно проследить, как менялись акценты в изучении калмыцкого народа на фоне изменений государственной политики и развития востоковедения; сочинения являются ценным источником для изучения эволюции научных и миссионерских подходов в российской академической среде, отражая переход от чисто конфессиональной трактовки к более объективному этнографическому и историческому описанию.

Ключевые слова: Казанская духовная академия, миссионерское отделение, курсовые сочинения, калмыки, источниковедение, миссионерская деятельность, государственная политика

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Азванова Н. М. Курсовые сочинения студентов миссионерского отделения Казанской духовной академии, посвященные истории калмыков: тематика и источниковедческий потенциал // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 106–120. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-106-120

Abstract. Introduction. Within the framework of modern source studies, there is a tendency to rethink the importance of educational and academic works, since their content allows us to explore not only specific historical subjects, but also the features of ideological structures and ideological trends of the era of their creation. In this regard, the term papers of students of the missionary department of the Kazan Theological Academy remain an insufficiently demanded set of documents. This article aims to fill this gap by using the example of works on the history of the Kalmyks. *Goals.* To carry out a thematic classification and a meaningful analysis of a group of works, to carry out a source analysis, to determine the informational potential of works for modern historical and ethnographic research. *Materials and methods.* The object of the research is a set of term papers by students of the missionary department of the Kazan Theological Academy, written in the second half of the 19th – early 20th centuries and dedicated to the history of the Kalmyk people (foundation 10 “Kazan Theological Academy” of the State Archive of the Republic of Tatarstan). The work uses methods of historical and typological analysis to systematize the subject matter and source criticism to identify the information value of these works. *Results.* The analysis made it possible to identify a stable thematic structure of the works, which has been formed over more than

six decades.: 1) missionary activity (study of the history of Kalmyk Christianization, assessment of its successes and methods); 2) religious, every day and cultural life of Kalmyks (description of traditional beliefs (Buddhism, Lamaism), rituals, family life and economic activities); 3) translation and educational activities (analysis of the role of the Kazan Theological Academy and individual missionaries in the translation of spiritual literature and the organization of schools); 4) issues of state policy (analysis of legislative acts and administrative measures of the Russian government in relation to the Kalmyks); 5) historical and biographical research (writings on Russian missionaries). The source potential of the writings is determined by several factors: many works are based on unique archival data that is currently unavailable or lost; it is possible to trace how the accents in the study of the Kalmyk people have changed against the background of the changes in the state policy and the development of Oriental studies; the writings are a valuable source for studying the evolution of scientific and missionary approaches in the Russian academic environment, reflecting the transition from a purely confessional approaches to a more objective ethnographic and historical description.

Keywords: Kazan Theological Academy, missionary department, term papers, Kalmyks, source studies, missionary activity, public policy

For citation: Azvanova N. M. Term Papers by Students of the Missionary Department of the Kazan Theological Academy on the History of the Kalmyks: Subject Matter and Source Potential. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 4. Pp. 106–120. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-106-120

1. Введение

Изучение истории и культуры народов Российской империи невозможно без привлечения широкого круга источников, среди которых особый интерес представляют материалы, созданные в образовательных учреждениях, особенно духовных. Казанская духовная академия (КДА), являвшаяся на протяжении XIX – начала XX вв. одним из ведущих центров востоковедения и миссионерства, сформировала обширный комплекс документов, отражающий процесс академического освоения «инородческого» вопроса. В этом ряду сочинения студентов миссионерского отделения, посвященные истории калмыцкого народа, до сих пор не были предметом специального источниковедческого исследования, несмотря на их очевидную научную значимость.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в современной историографии наблюдается «архивный поворот» и растущий интерес к работам, созданным на периферии академической науки. Студенческие сочинения, занимая промежуточное положение между официальными отчетами и научными трудами, часто содержат живые наблюдения, а иногда и уникальные полевые материалы. Во-вторых, возрастает внимание к имперским механизмам управления многоэтничными регионами, где миссионерство выступало инструментом как религиозной, так и культурной интеграции. В-третьих, введение в научный оборот новых источниковых комплексов дополнит сведения об истории калмыков в указанный период.

Степень научной разработанности проблемы изучения курсовых работ студентов КДА, посвященных калмыцкому народу, характеризуется фрагментарностью. Общая история Казанской духовной академии освещена в фундаментальных трудах И. П. Гвоздева [[Гвоздев 1868](#)], П. В. Знаменского [[Знамен-](#)

ский 1892], С. А. Терновского [Терновский 1892], И. С. Бердникова [Бердников 1892], К. В. Харламповича [Харлампович 1907], диссертационном исследовании А. В. Журавского [Журавский 1999]. Истории становления и развития востоковедческого образования в КДА в синодальный период посвящена работа Е. В. Колесовой [Колесова 2000].

Материалы по калмыцкой тематике, хранящиеся в фонде 10 «Казанская духовная академия» Государственного архива Республики Татарстан, проанализированы в работах А. Г. Кукеева [Кукеев 2019], А. Т. Баяновой, Р. Р. Сибгатуллиной [Баянова, Сибгатуллина 2020; Баянова 2024а; Баянова 2024б]. А. Г. Кукеев представляет общий обзор курсовых работ по буддизму. В целом работы А. Т. Баяновой и Р. Р. Сибгатуллиной подчеркивают многогранность фонда 10 Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ) как источника для междисциплинарных исследований. При этом авторы справедливо отмечают, что многие документы до сих пор остаются мало изученными [Баянова, Сибгатуллина 2020: 102], что открывает широкие перспективы для дальнейших изысканий в области филологии, истории и этнографии.

Несмотря на то, что фонд содержит уникальные материалы по калмыцкому языку, переводам буддийских текстов и миссионерской деятельности среди калмыков, он не выступал объектом специализированного источниковедческого анализа. Ученые акцентировали внимание либо на общих аспектах деятельности КДА, либо на других регионах миссионерства, например Восточная Сибирь в работе С. В. Мельниковой [Мельникова 2020], либо на другие направления научно-исследовательской деятельности студентов, например кафедры церковного права в работе А. А. Зотина [Зотин 2024].

Следовательно, проблема введения этого комплекса документов в научный оборот, его всесторонней источниковедческой критики является актуальной и научно значимой задачей, требующей исследования.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы составил комплекс опубликованных и неопубликованных курсовых сочинений студентов миссионерского отделения КДА, выявленный в фонде 10 «Казанская духовная академия» Государственного архива Республики Татарстан. Критерием отбора служила тематическая принадлежность — работы, непосредственно посвященные калмыцкому народу, его истории, культуре и миссионерской деятельности среди него. Хронологические рамки комплекса охватывают период с 1842 г. по 1917 г., что позволяет проследить динамику на протяжении шести десятилетий.

Для решения поставленных задач был использован комплекс взаимодополняющих методов: в отношении каждого сочинения был применен историко-типологический метод и метод источниковедческой критики.

3. Курсовые сочинения и их место в академической традиции

За весь период своего существования с 1842 г. по 1921 г. КДА действовала по трем академическим Уставам, и ни один из них не давал четкого определения и требований, предъявляемым к написанию сочинений, разве что только

тематики — две трети сочинений должны быть богословскими (Устав 1884, § 123, 124) [Бердников 1892: 61]. Тем не менее в Академии сочинения являлись одним из главных, если не главнейшим средством определения уровня знаний и критерием подготовки студентов. Так уже на этапе поступления воспитанники семинарии принимались в академию, причем перворазрядные (т. е. самые лучшие) должны были, кроме сдачи устного экзамена, написать два сочинения — одно на богословскую, другое на философскую тему [Терновский 1892: 190]. Как отмечает С. А. Терновский, на сочинения обращалось «особенное внимание, как на одно из действительнейших средств в оценке зрелости суждений и знания отечественного языка» [Терновский 1892: 190]. Абитуриент, получивший неудовлетворительную оценку по сочинению, в академию не принимался. За редким исключением иногда таких претендентов брали, но с условием содержания за свой счет [Терновский 1892: 191].

Срок обучения в академии составлял четыре года. На протяжении всех этих четырех лет главное внимание уделялось упражнениям студентов в сочинениях, дававшимся в качестве домашних заданий [Бердников 1892: 60]. «Почти все свободное от слушания лекций время студенты дореформенной Академии употребляли на составление сочинений. Они подавали не менее одного сочинения в месяц. Несмотря на краткий месячный срок, сочинения писались студентами иногда очень большие», — констатирует в своем очерке И. С. Бердников [Бердников 1892: 61]. Получается, в среднем в год воспитанники Академии должны были сдать около 10 сочинений.

Со времени Устава 1869 г. студенты первых трех курсов должны были в год написать три сочинения [Бердников 1892: 61]. Студенты IV курса, по Уставу 1814 г., писали выпускные сочинения [Бердников 1892: 62]. Каждому выпускнику по окончании обучения присваивалась ученая степень: начиная от действительного студента, кандидата и заканчивая магистром. Степень магистра присваивалась только за самые лучшие сочинения, за остальные — степень кандидата. Выпускнику, написавшему неудовлетворительное сочинение, присваивалась степень действительного студента. Некоторым студентам разрешалось улучшить степень, но только при условии подачи нового сочинения. Так, при успешной сдаче нового сочинения действительный студент имел право на степень кандидата, кандидат — на степень магистра. Все степени были богословскими. В составе ученых степеней в духовных академиях была еще и степень доктора, но она не присваивалась выпускникам. Доктором богословия мог стать только магистр. При получении докторской степени в духовных академиях главным этапом также являлась оценка диссертации — сочинения на латинском или русском языке [Сухова 2013: 46].

Приведем следующую статистику (по выпускным данным) о количестве магистерских и кандидатских степеней, присужденных Казанской духовной академией студентам первых тринадцати курсов, выпусков с 1846 г. по 1870 г. Выпусков было всего 13, потому что прием студентов проводился не каждый год, а через год, т. е. были выпуски 1846, 1848, 1850 гг. и т. д. Итого было выпущено 342 студента, из них степень магистра получили 104, т. е. меньше трети студентов; кандидата с правом получения магистерской степени — 56;

кандидата — 155; действительного студента с правом получения кандидатской степени — 14; действительного студента — 13 [Сухова 2013: 167]. Приведенные цифры раскрывают строгую иерархическую систему оценки курсовых сочинений. Академия проводила жесткий отбор: лишь менее трети работ получили высшую оценку, около двух третей были признаны удовлетворительными (кандидатскими), а примерно 8 % сочинений (27 работ) не соответствовали кандидатскому уровню.

В зависимости от того, когда и для чего писалось сочинение, оно называлось семестровым, курсовым (выпускным), кандидатским, магистерским. Выпускные сочинения были достаточно объемными и занимали 200–300, а то и больше страниц рукописного текста. Курсовые сочинения студентов считались достоянием Академии и не выдавались на руки студентам, а сдавались на хранение в библиотеку [Бердников 1892: 63].

В настоящей работе рассмотрены курсовые, т. е. выпускные сочинения, посвященные исключительно калмыцкой тематике.

4. Общая характеристика комплекса источников и его тематическая классификация

Темы для курсовых сочинений формулировались преподавателями, затем представлялись на просмотр ректору и после утверждения Правлением предлагались студентам для выбора, причем заявить о выбранной теме студент должен был в начале учебного года [Бердников 1892: 62]. Некоторые из ректоров назначали темы студентам лично, как например, ректор Иоанн (П. И. Оболенский) [Бердников 1892: 62]. Преосвященный Григорий (Н. В. Миткевич) поощрял темы по миссионерским предметам [Бердников 1892: 62]. При ректоре Агафангеле (А. Ф. Соловьев) преобладающими стали темы по расколу [Бердников 1892: 62].

Тематика курсовых сочинений студентов Казанской духовной академии конца XIX в. и начала XX в. отражает специфику академии как крупного центра православного просвещения и миссионерской деятельности на востоке России.

Основные направления, по которым распределяются темы курсовых сочинений по истории калмыков: миссионерская деятельность среди калмыков (исследования, связанные с анализом причин, затрудняющих обращение калмыков в христианство, а также с изучением методов миссионерской работы); переводческая и образовательная деятельность (исследования по вопросам перевода христианских текстов на калмыцкий язык и образовательной работы среди калмыцкого населения); изучение религиозно-бытовой и культурной жизни калмыков (исследования по вопросам повседневной религиозной и бытовой жизни калмыков, традиций, обрядов, влияние буддизма, язычества и шаманизма на мировоззрение калмыков, их религиозную идентичность и отношение к христианству); историко-биографические исследования; вопросы государственной политики и церковного управления.

Эти работы можно распределить на три группы:

1. Миссионерская деятельность, обращение в христианство и религиозная политика. Она объединяет темы, связанные с миссионерской работой, обращением в христианство и государственной религиозной политикой. Сюда входят следующие сочинения:

– *Карашев Василий Феодорович*, студент 26 курса. О взаимных отношениях между монгольскими ханами и русскими митрополитами и о значении сего для России [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 436. 45 л.];

– *Крылов Федор Егорович*, студент 3 курса. Рассуждение о причинах, затрудняющих обращение калмыков в христианство [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. 225 л.];

– *Амфилохий (Скворцов Александр Яковлевич)*, студент 51 курса. Религиозно-нравственные переводы на калмыцкий язык, как средства миссионерского воздействия [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. 339 л.];

– *Назарий (Андреев Николай)*, студент 52 курса. Православная миссия среди астраханских калмыков за последнее сорокалетие [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1318. 135 л.];

– *Дмитревский Александр Аркадиевич*, студент 54 курса. Мероприятия русского правительства в отношении к крещеным и некрещеным калмыкам [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. 311 л.];

– *Гаврилов Михаил Семенович*, студент 58 курса. Эпоха императрицы Екатерины II в отношении к русским инородцам [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1306. 124 л.]; и др.

2. История и современное состояние религиозной жизни калмыков. Группа охватывает исторические и современные (на время написания) аспекты религиозной и бытовой жизни калмыков:

– *Степанов Николай Федорович*, студент 39 курса. Религиозно-бытовая жизнь калмыков (Религиозно-этнографический очерк) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1210. 114 л.];

– *Рубилин Владимир Владимирович*, студент 40 курса. История распространения христианства среди калмыцкого народа и современное религиозно-нравственное состояние крещеных калмыков Европейской России [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. 245 л.];

– *Мефодий (Львовский)*, студент 45 курса. Современное религиозно-нравственное состояние калмыков [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1091. 314 л.]; и др.

3. Деятельность отдельных лиц и учреждений. Группа посвящена вкладу конкретных личностей и учреждений в религиозное просвещение и миссионерскую деятельность.

– *Наконечнев Андрей Васильевич*, студент 46 курса. Протоирей Пармен Смирнов и его деятельность среди калмыков Астраханской губернии (Миссионер, автор нескольких трудов о калмыках и переводчик церковно-учительных книг на калмыцкий язык) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1085. 185 л.];

– *Перфилов Павел Михайлович*, студент 56 курса. Астраханская духовная семинария и ее участие в христианском просвещении инородцев местного края [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. 401 л.]; и др.

5. Восприятие и анализ причин неудач в христианизации глазами самих миссионеров

С точки зрения тематики, сочинения демонстрируют широкий проблемный охват, который можно структурировать по нескольким ключевым направлениям. Во-первых, это исследования, непосредственно анализирующие государственную и церковную миссионерскую политику. К ним относятся работы, подобные труду А. А. Дмитриевского [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. 311 л.], где скрупулезно реконструируется законодательная база и административные меры Российской империи по отношению к крещеным и некрещеным калмыкам. Данные сочинения убедительно доказывают, что на протяжении всего исследуемого периода политика оставалась противоречивой, сочетая в себе элементы веротерпимости с жесткой административной ассимиляцией. Во-вторых, значительный блок сочинений посвящен критическому анализу конкретных миссионерских практик. Здесь эталонной является работа Амфилохия (А. Я. Скворцова) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. 339 л.], которая детально исследует такой инструмент, как переводческая деятельность. Его выводы свидетельствуют о системном кризисе методического подхода: переводы священных текстов были зачастую неадаптированными и распространялись бюрократическим путем [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 61–62]. В-третьих, представлены работы этнографического характера, нацеленные на понимание объема миссии. Сочинение Н. Ф. Степанова [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1210. 114 л.] и в особенности труд миссионера Мефодия (Н. В. Львовского) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1091. 314 л.], несмотря на свой апологетический и критический по отношению к буддизму характер, содержат ценнейшие описания религиозно-бытового уклада калмыков, фиксируя глубинную укорененность ламаизма во всех сферах жизни.

Источниковедческий потенциал данного комплекса текстов представляется чрезвычайно высоким. Прежде всего, необходимо констатировать, что студенты активно цитировали и использовали документы из Полного собрания законов Российской империи (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 216]); архива Святейшего Правительствующего Синода (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1318. Л. 18об.]); Собрания государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 436. Л. 25об.]); Никоновской летописи (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 436. Л. 25об.]); «Степенной книги» («Книга степенная царского родословия») (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 436. Л. 26]); Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 14]); Актов исторических, собранных и изданных Археографическою комиссией (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 40об.]); архива Астраханской духовной консистории (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. Л. 219]); архива Астраханской духовной семинарии (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. Л. 13, 86]); отчеты Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского Общества (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 180об.]); отчеты о деятельности Ставропольского церковного Андреевско-Владимирского братства (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2.

Д. 1389. Л. 301об.]); сборников Русского исторического общества (см., например: [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1306. Л. 13, 17]). Это делает их работы не только исследовательскими, но и публикациями источников, многие из которых ныне утрачены. Во-вторых, сочинения содержат статистические данные, отчеты миссионеров, протоколы заседаний комитетов, что позволяет количественно и качественно оценивать масштабы и эффективность миссионерской деятельности. В-третьих, эти тексты сами по себе являются ценным историческим источником, показывающим идеологию, ментальные установки и методический инструментарий православной миссии на рубеже веков. Они запечатлели внутренние осмысления самих миссионеров о причинах их неудач.

В целом все курсовые сочинения студентов-миссионеров последовательно и на обширном материале доказывают тезис о низкой эффективности политики христианизации калмыков. В качестве системных причин этого провала указываются: устойчивость и самодостаточность буддийской религиозно-культурной традиции¹, пронизывающей все стороны жизни калмыцкого общества; глубинное противоречие между кочевой цивилизацией калмыков и насаждаемыми оседлыми формами быта; сопротивление традиционной элиты (нойонов, зайсангов, духовенства), видевшей в христианстве угрозу своему статусу и доходам²; методическая несостоятельность миссионерских подходов, делавших ставку на административное принуждение, материальные стимулы и формальное просвещение в ущерб диалогу и глубокой катехизации.

Анализ представленных курсовых сочинений позволяет выявить комплекс системных причин, обусловивших низкую эффективность политики христианизации калмыцкого народа в Российской империи. В качестве основного методологического подхода следует применить многофакторный анализ, рассматривающий религиозные, социокультурные, политические и административные аспекты данной проблемы.

Прежде всего, необходимо констатировать, что ключевым препятствием для миссионерской деятельности являлась глубокая религиозно-культурная устойчивость буддизма (ламаизма) в калмыцком обществе. Как справедливо отмечал Ф. Е. Крылов [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 192], буддийское мировоззрение пронизывало все сферы жизни калмыков, формируя устойчивую картину мира, в которой христианство не воспринималось как единственно истинное учение, а скорее, как одна из равноправных религий. Данный тезис подтверждается источниками, где зафиксирована позиция калмыков, требовавших уважения к своей вере на основе принципа взаимности. Следовательно, миссионеры сталкивались не с «дикостью» или «невежеством», а с развитой религиозной системой, обладавшей собственной логикой и этикой.

¹ Ср.: «Нельзя сбрасывать со счетов и такой мощный фактор, как буддизм, который охватывал все социальные слои калмыцкого общества и пронизывал все сферы их деятельности» [Орлова 2006: 168].

² К. В. Орлова, анализируя многовековые усилия православной миссии, приходит к выводу, что «калмыцкая элита воспринимала крещение исключительно как инструмент борьбы за те или иные цели, чаще всего — как средство борьбы за власть. Естественно, основная ее часть негативно относилась к крещению своих подданных, ибо тем самым теряла над ними власть» [Орлова 2006: 168].

Важнейшим фактором, безусловно, выступала социокультурная специфика калмыцкого общества, основанная на кочевом образе жизни. Привязанность к степному быту, кибитке и улусу была настолько сильна, что переход к оседлости, предлагавшийся в качестве условия интеграции, воспринимался как утрата этнической идентичности [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 202–208]. Предложения переселиться в дома расценивались калмыками как заключение в темницу, что указывает на фундаментальный конфликт между кочевой и оседлой цивилизационными парадигмами [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 208об.]. Таким образом, христианизация ассоциировалась не только со сменой веры, но и с коренным разрушением традиционного уклада, что вызывало закономерное сопротивление.

С политической точки зрения, значительное противодействие оказывала калмыцкая элита — нойоны (князья) и зайсанги, а также буддийское духовенство (гелюнги). Распространение христианства напрямую угрожало их экономическим интересам (снижение доходов с кибиток) и идеологическому влиянию [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 211об.–212об.]. Авторитет гелюнгов, подкрепленный знаниями медицины и астрологии, был чрезвычайно высок, а их слово имело для простолюдинов силу закона [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1045. Л. 213об.–214]. Следовательно, миссионерская деятельность подрывала основы социальной иерархии калмыцкого общества, что делало элиту естественным противником христианизации.

Критическому осмыслению подвергаются в работах студентов и методы миссионерской работы. В частности сочинение Амфилохия (А. Я. Скворцова) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. 339 л.] систематически анализирует переводческую деятельность. Автор приходит к обоснованному выводу, что, несмотря на более чем вековую историю, переводы священных текстов на калмыцкий язык оказались малоэффективными [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 221]. Причины этого он видит, во-первых, в низком качестве самих переводов, которые были либо перифразами (И. Я. Шмидт [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 220]), либо излишне книжными и архаичными (А. М. Позднеев [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 233]), либо чрезмерно вольными в трактовке оригинала (П. А. Смирнов [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 231]). Во-вторых, и это принципиально важное наблюдение, распространение переводов через государственных чиновников, без живой проповеди и личного контакта с паствой, было изначально обречено на провал [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 61–62]. Амфилохий убедительно доказывает, что перевод — это не самоцель, а лишь инструмент, эффективный только в рамках грамотно выстроенной миссионерской стратегии [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369. Л. 83].

Сходные проблемы фиксируются в работе Назария (Н. Андреева) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1318. 135 л.], посвященной миссионерским школам. Автор свидетельствует, что обучение калмыцких детей на русском языке, без учета их языковой и культурной специфики, приводило к формальному усвоению знаний. Отсутствие учителей-инородцев и смешанный состав классов, где калмыки оказывались в заведомо проигрышном положении, сводили на нет просветительские усилия [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1318. Л. 122об.]. Этот вывод взаимосвязан с концепцией Н. И. Ильминского, о котором упоминает Наза-

рий, подчеркивавшего необходимость первоначального образования на родном языке [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1318. Л. 122об.].

Административные меры российского правительства, подробно описанные Александром Дмитриевским [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. 311 л.], такие как разделение калмыков на крещеных и некрещеных, налоговые льготы для новообращенных и, наконец, радикальная административная реформа 1892 г., упразднившая власть нойонов, также не принесли ожидаемого результата [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1389. Л. 238, 241об.]. Как следует из анализа, эти меры носили преимущественно внешний, принудительный характер и не затрагивали глубинных пластов религиозного сознания. Более того, они могли провоцировать скрытое сопротивление, усугубляя ощущение утраты культурной автономии.

Примечательно, что даже в работе Михаила Гаврилова [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1306. 124 л.], посвященной либеральной эпохе Екатерины II и провозглашенной ею веротерпимости, конечной целью государственной политики все равно признается ассимиляция [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1306. Л. 20об.]. Это свидетельствует о том, что, несмотря на смену риторики, базовые имперские основоположения, направленные на унификацию и интеграцию через правослаvie, оставались неизменным.

Исследовательский замысел студента П. М. Перфилова [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. 401 л.] был направлен на комплексное изучение роли Астраханской духовной семинарии как инструмента имперской политики христианизации. Первый блок его работы посвящен институциональной истории семинарии, а второй — ее конкретной миссионерской функции, что в совокупности позволяет выявить системные причины успехов и неудач в деле просвещения калмыков.

Хронологическое изложение истории семинарии при последовательной смене архиереев от Антония до Гаия позволяет проследить, являлась ли миссионерская деятельность изначальной и стабильной функцией этого духовного учебного заведения или же ее становление было хаотичным и зависимым от личной инициативы конкретных иерархов. Автор особо выделяет ректорство архимандрита Сильвестра (П. И. Лебединского) и называет его выдающейся личностью [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. Л. 38]. Сама структура работы указывает на то, что автор рассматривал семинарию не как автономный институт, а как инструмент в руках епархиального начальства, чья политика могла кардинально меняться. Это важное наблюдение, поскольку оно ставит под сомнение устойчивость и преемственность миссионерской стратегии на ее раннем этапе.

Вторая, самостоятельная часть работы, посвящена непосредственному участию семинарии в христианском просвещении инородцев [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. 401 л.]. Здесь основной фокус сосредоточен на истории класса калмыцкого языка, открывшегося в Астраханской духовной семинарии в 1838 г. (начало занятий). История этого класса представляет собой наглядную иллюстрацию системных проблем. Автор подробно описывает инициативу архиепископа Виталия, подбор первых учителей, разработку программ и льгот для калмыцких детей. Однако последующие события — закрытие класса, вторичное открытие, хроническое отсутствие квалифицированных преподавате-

лей и желающих учиться калмыцких мальчиков — свидетельствуют о глубоком кризисе. К. В. Орлова в своем исследовании отмечает: «С 1840 по 1849 г. семинарию закончили всего 39 учеников. После 1860 г. поступление калмыков в семинарию не было зафиксировано. В 1867 г. преподавание калмыцкого языка прекратилось из-за отсутствия учеников. В 1879–1880 гг. калмыцкий язык изучали трое, а в 1881–1883 гг. — никто. В 1884 г. приняли трех крещеных мальчиков, но и они не окончили училищный курс» [Орлова 2006: 148–149]. Характеристика («плачевная постановка дела») [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. Л. 401] и финальное закрытие класса являются ключевыми тезисами, которые автор подкрепляет анализом конкретных причин. Среди них выделяются: невозможность подготовки или привлечения педагогических кадров, владеющих не только калмыцким языком, но и методикой преподавания, а также слабая мотивация самих семинаристов.

Крайне показательным является упоминание о Переводческом комитете при семинарии [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. Л. 153об.] и предписании КДА о том, чтобы студенты из астраханских семинаристов совершенствовались в знании калмыцкого языка [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. Л. 153об.]. Это указывает на то, что П. М. Перфилов рассматривал проблему в общероссийском контексте, выявляя противоречие между формальными указаниями о необходимости усовершенствования в языке и реальными возможностями семинарии их выполнить.

Сочинение П. М. Перфилова [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1299. 401 л.] предстает как исследование, доказывающее, что участие Астраханской духовной семинарии в христианском просвещении калмыков было неэффективным и фрагментарным. Несмотря на отдельные инициативы, оно так и не стало системной, приоритетной задачей, обеспеченной кадрами, ресурсами и последовательной методикой. Институциональная слабость семинарии, ее зависимость от меняющейся воли архиереев, бюрократическая рутинная и отсутствие подготовленных миссионерских кадров привели к тому, что даже такие начинания, как класс калмыцкого языка, оказались нежизнеспособными. Работа П. М. Перфилова вносит вклад в понимание того, что провал миссионерской политики на южных рубежах России был обусловлен не только сопротивлением калмыцкого народа, но глубокими внутренними противоречиями и недостатками в самом механизме ее реализации.

Исследование В. В. Рубилина [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1248. 245 л.], основанное на архивных материалах Астраханской духовной консистории, ценно, прежде всего, своей структурой, которая выстроена по хронологическому принципу. Предложенная им периодизация истории распространения христианства среди калмыцкого народа (1724, 1737, 1762, 1796, 1871 гг.) обозначает ключевые вехи становления миссионерской политики, что позволяет проследить ее эволюцию от периодических, нерегулярных усилий до попыток создания централизованной системы. Важнейшим выводом, который следует из его анализа, является констатация постоянного кризиса этой политики на всех этапах. В частности В. В. Рубилин убедительно демонстрирует, что уже на втором этапе (1724–1737 гг.) крещение стало инструментом получения материальных

и правовых льгот, а не следствием внутренней религиозной трансформации калмыков [ГА РТ. Ф. 10 Оп. 2 Д. 1238. Л. 35об.]. Это указывает на формирование «прагматичного» неохристианства, изначально лишённого прочной духовной основы.

Далее, анализ мероприятий, связанных с основанием Ставрополя, служит ярким примером системной ошибки имперской администрации [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1238. Л. 115об.–116]. Как свидетельствует В. В. Рубилин, колоссальные финансовые и организационные вложения государства в обустройство крещёных калмыков на новых землях не принесли ожидаемого результата. Причиной тому, помимо сопротивления элит, стал фундаментальный цивилизационный разрыв: насаждение оседлости и земледелия вступало в непримиримое противоречие с кочевым укладом и культурной идентичностью калмыков. Более того, автор справедливо отмечает дисбаланс в распределении государственных субсидий, что лишь усиливало социальное расслоение и недовольство среди простых кочевников [ГА РТ. Ф. 10 Оп. 2 Д. 1238. Л. 115об.–116]. Следовательно, можно утверждать, что материальные стимулы, будучи главным рычагом миссии, не только не обеспечивали глубинной христианизации, но и порождали новые формы социальной напряжённости.

Работа миссионера Мефодия (Н. В. Львовского) [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1091. 314 л.] предлагает иную, но взаимодополняющую перспективу — взгляд изнутри миссионерской практики. Его труд, несомненно, содержит элементы субъективной, апологетической оценки буддизма, что характерно для богословских дискуссий того времени. Однако его ценность заключается в детальном этнографическом описании религиозной жизни калмыков. Мефодий фиксирует не просто обряды, но целостную мировоззренческую систему, пронизывающую все аспекты быта — от устройства кибитки до календарных циклов. Его критика «хурульного образования» и утверждение о невежестве лам лам [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1091. Л. 105–106], хотя и тенденциозны, косвенно подтверждают тезис о смешанном характере народного буддизма, сочетавшего сложную философию с суеверными практиками.

Таким образом, провал политики христианизации был предопределён комплексом взаимосвязанных факторов: во-первых, инструментальным использованием веры как средства получения социальных благ, что порождало лишь внешнее, поверхностное принятие крещения; во-вторых, игнорированием цивилизационных основ калмыцкого общества — кочевого уклада и связанной с ним культурной идентичности; и, в-третьих, недооценкой прочности и адаптивности буддийской традиции, глубоко интегрированной в повседневную жизнь и поддерживаемой авторитетной социальной структурой.

Следует подчеркнуть, что совокупность представленных источников позволяет сделать обоснованный вывод о том, что неудачи христианизации калмыков были предопределены комплексом взаимосвязанных причин. К ним относятся: устойчивость и самодостаточность буддийской религиозной традиции; неразрывная связь веры с кочевым укладом жизни; сопротивление элит, видевших в христианстве угрозу своему статусу; и, наконец, методические

просчеты самой миссионерской политики, которая делала акцент на внешние, административные и формально-просветительские меры, не находя путей для подлинного диалога и учета культурной специфики калмыцкого народа. Ср.: К. В. Орлова отмечает, что «основные методы работы миссионеров среди калмыков не отличались разнообразием. Отсюда и некий формализм, стремление приукрасить в отчетах истинное состояние дел» [Орлова 2006: 168].

7. Заключение

Тематический анализ выявил три ключевых направления исторических исследований академистов: государственно-церковная политика христианизации, критическое осмысление миссионерских методик и этнографическое изучение калмыцкого общества. Принципиально важно, что работы демонстрируют эволюцию от описательного подхода к аналитическому — поздние сочинения содержат не только констатацию неудач миссии, но и системный анализ их причин.

Особого внимания заслуживает выявленная в ходе исследования источниковедческая парадоксальность этих работ: будучи продуктом административно-церковной, идеологической установки, они, тем не менее, содержат критический анализ проводившейся политики, что отражает сложность и противоречивость процессов осмысления миссионерской практики в академической среде.

Источники

ГА РТ — Государственный архив Республики Татарстан.

Литература

- Баянова, Сибгатуллина 2020 — *Баянова А. Т., Сибгатуллина Р. Р.* «Материалы о калмыках из фонда 10 «КДА» в Государственном архиве Республики Татарстан // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 1. С. 90–104. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-90-104
- Баянова 2024a — *Баянова А. Т.* Курсовые работы студентов Казанской духовной академии как источник изучения буддизма (по материалам Государственного архива Республики Татарстан). Часть 1 // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 3. С. 579–590. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-579-590
- Баянова 2024b — *Баянова А. Т.* Курсовые работы студентов Казанской духовной академии как источник изучения буддизма (по материалам Государственного архива Республики Татарстан). Часть 2 // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 822–834. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-822-834
- Бердников 1892 — *Бердников И. С.* Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за пятьдесят лет её существования. 1842–1892. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. 115 с.
- Гвоздев 1868 — *Гвоздев И. П.* Двадцатипятилетие Казанской духовной академии. Историческая записка // *Православный собеседник* 1868. Ч. 3. С. 200–344.
- Журавский 1999 — *Журавский А. В.* Казанская духовная академия на переломе эпох, 1884–1921 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1999. 301 с.
- Знаменский 1891 — *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период её существования (1842–1870 годы). Вып. 1. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. 380 с.

- Знаменский 1892 — *Знаменский П. В.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период её существования (1842–1870 годы). Вып. 2. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. 593 с.
- Зотин 2024 — *Зотин А. А., диак.* Основные направления научно-исследовательской деятельности студентов кафедры церковного права в Казанской духовной академии // *Праксис*. 2024. № 3(16). С. 65–91.
- Колесова 2000 — *Колесова Е. В.* Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани (середина XIX – начало XX веков): дисс.... канд. ист. наук. Казань, 2000. 206 с.
- Кукеев 2019 — *Кукеев А. Г.* Обзор курсовых работ Казанской духовной академии по буддизму // Сборник материалов региональной научно-практической конференции с международным участием «Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык-культура-образование-музей (теоретические и прикладные проблемы)» (г. Элиста, 24 апреля 2019 г.). Элиста: Калм. гос. ун-т, 2019. С. 77–80.
- Мельникова 2020 — *Мельникова С. В.* Рукописи диссертационных сочинений восточносибирского православного духовенства XIX – начала XX века в архиве Казанской духовной академии // *Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2020. № 2(5). С. 61–76.
- Орлова 2006 — *Орлова К. В.* История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М.: Вост лит., 2006. 207 с.
- Сухова 2013 — *Сухова Н. Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.) М.: ПСТГУ, 2013. 374 с.
- Терновский 1892 — *Терновский С. А.* Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после её преобразования. 1870–1892. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. 652 с.
- Харлампович 1907 — *Харлампович К. В.* Казанская духовная академия (1842–1907). Исторический очерк // *Православная богословская энциклопедия*. Т. 8. СПб., 1907. С. 702–853.

УДК / UDC 93

Предметы кочевого быта калмыков на выставочных мероприятиях Российской империи

Ирина Ивановна Мучаева¹

Items of Kalmyk Nomadic Life at Exhibition Events of the Russian Empire

*Irina I. Muchaeva*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ¹ Kalmyk Scientific Centre of the RAS ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Российская Федерация) Federation)

кандидат исторических наук, старший Cand. Sc. (History), Senior Research Asso- научный сотрудник ciate

 0000-0002-7555-3182. E-mail: muchaevaii[at]yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Российская империя, исторически складываясь как полиэтничное и поликонфессиональное государство, в своей внутренней политике стремилось интегрировать национальные административно-территориальные автономии в общеимперское пространство, относительно сохраняя их этнокультурные особенности и проявляя к ним научный интерес. *Цель* статьи заключается в исследовании процесса сбора предметов материальной культуры калмыков и участия их во Всероссийской этнографической выставке в г. Москве. *Методы.* С использованием проблемно-хронологического метода анализа удалось определить перечень предметов, предоставленных калмыками для презентации их на выставочном мероприятии. Дальнейший анализ с использованием историко-генетического метода позволил выявить указанные артефакты в музейных учреждениях России. *Результаты.* Всероссийская этнографическая выставка в г. Москве 1867 г. стала одним из первых выставочных мероприятий, которое отразило материальную культуру всех групп калмыцкого этноса, проживавших в составе различных административных территориальных образований: Астраханская и Ставропольская губернии, Область войска Донского.

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Мучаева И. И. (Muchaeva I. I.), 2025

Ключевые слова: Всероссийская этнографическая выставка 1867 г., этнографический отдел, калмыки, астраханские калмыки, донские калмыки, ставропольские калмыки, кочевая культура, кочевой быт, экспозиция, инородцы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Мучаева И. И. Предметы кочевого быта калмыков на выставочных мероприятиях Российской империи // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 121–134. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-121-134

Abstract. Introduction. The Russian Empire, historically developing as a multiethnic and multi-confessional state, in its domestic policy sought to integrate national administrative-territorial autonomies into the imperial space, preserving their ethno cultural characteristics and showing scientific interest in them. The *purpose* of the article is to study the process of collecting Kalmyks' material culture objects and their participation in the All-Russian Ethnographic Exhibition in Moscow. *Methods.* By using the problem-chronological method of analysis, it was possible to determine the list of objects provided by the Kalmyks for their presentation at the exhibition event. Further analysis using the historical and genetic method made it possible to identify these artifacts in Russian museum institutions. *Results.* The All-Russian Ethnographic Exhibition in Moscow of 1867 became one of the first exhibitions that reflected the material culture of all groups of the Kalmyk ethnic group living in various administrative territorial formations: Astrakhan and Stavropol provinces, the Donskoy Army Region.

Keywords: All-Russian Ethnographic Exhibition of 1867, ethnographic department, Kalmyks, Astrakhan Kalmyks, Don Kalmyks, Stavropol Kalmyks, nomadic culture, nomadic way of life, exposition, foreigners

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: a Study of the Political and Cultural History of Social Communities and Groups”

For citation: Muchaeva I. I. Items of Kalmyk Nomadic Life at Exhibition Events of the Russian Empire. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2025. No. 4. Pp. 121–134. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-121-134

1. Введение

23 апреля 1867 г. в Манеже на Моховой улице под эгидой Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, организованного при Московском университете, состоялось открытие Всероссийской этнографической выставки [РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 228. Л. 1]. Почетным председателем мероприятия выступил известный меценат и президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович [РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 228. Л. 1об.], что способствовало государственной поддержке мероприятия и выделения финансовой поддержки в размере 20 тыс. руб.

Идея организации этнографической выставки, выдвинутая в 1862 г. антропологом, экстраординарным профессором Московского универси-

тета А. П. Богдановым, была принята Обществом любителей естествознания [РГИА. Ф. 733 Оп. 142 Д. 228 Л. 2]. И уже 29 декабря 1864 г. избранный для решения организационных вопросов Комитет на первом же своем заседании обозначил основные направления деятельности, в том числе «для более верного исполнения порученной ему Обществом задачи» проведение экспедиций [РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 228. Л. 2].

Комитетом была проведена большая подготовительная работа, начиная от финансового обеспечения мероприятия и формирования колллекций до достижения аутентичности экспозиций. Для точной передачи антропологических характеристик народов, представленных на выставке, были разработаны так называемые «наставления» для художников, в которых указывалось на необходимость использования при изготовлении манекенов, масок, полученных путем слепков с лиц, или фотографий, сделанных и в фас, и в профиль [Этнографическая выставка 1878: 4]. С целью передачи культурных особенностей и ценностных ориентаций подданных императора интерьерная атмосфера экспозиции, по мнению ее организаторов, должна была включать предметы домашнего быта народов, например, «группу калмыков не разлучать от их походной кибитки» [Этнографическая выставка 1878: 4]. Это положение настоятельно рекомендовалось художникам использовать в работе [Этнографическая выставка 1878: 4].

В результате экспозиция выставки представила широкую панораму этнического многообразия подданных Российской империи, населявших различные природно-климатические пояса: тундра, тайга, смешанные леса, степи и пустыни, обусловившие образ жизни народов и отложившие отпечаток на их материальной и духовной культуре.

В общей сложности на выставке экспонировалось 12 тыс. предметов и 359 антропологических манекенов, в том числе несколько детских, иллюстрирующих типы народонаселения Российской империи [Систематическое описание 1893: 8]. Этнография калмыцкого народа на выставке представлялась по принципу административно-территориальной принадлежности в трех группах: астраханских, ставропольских и донских калмыков. В количественном отношении калмыцкую экспозицию составляли: три кибитки, в состав интерьера которых входило 56 предметов; восемь манекенов, чье облачение включало 59 наименований одежды и обуви [Систематическое описание 1893: 8]. Кроме того, два женских костюма и один мужской, в общей сложности, состоящие из 10 наименований одежды, экспонировались в составе общего этнографического отдела и 21 предмет — в разделе «Предметы домашнего быта и орудия» [Систематическое описание 1893: 8].

Объектом исследования данной статьи выступает процесс сбора предметов материальной культуры калмыков и участие их во Всероссийской этнографической выставке в Москве.

Данная проблематика не стала предметом специального исследования. Незначительное количество работ посвящено участию калмыков в

организации выставочных мероприятий последней трети XIX – начала XX в. [Каруева 2022; Матвенов 2009].

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили документальные источники, выявленные в фондах центральных архивных учреждений Российской Федерации, с опорой на достижения современного калмыковедения. Одновременно к анализу были привлечены документы из архива Российского этнографического музея. Путем использования проблемно-хронологического метода удалось определить перечень предметов, предоставленных калмыками для презентации их на выставочном мероприятии. Дальнейший анализ с использованием историко-генетического метода позволил выявить указанные артефакты в музейных учреждениях России.

3. Результаты

На следующий день после открытия выставки посетили император Александр II, цесаревич Александр Александрович и цесаревна Мария Федоровна. Авторы, описавшие ход мероприятия, указали, что император, рассматривая часть экспозиции, посвященной калмыкам, «нашел очень красивым костюм калмычки» [Этнографическая выставка 1878: 21]. Сопровождающий императора секретарь Общества любителей естествознания Н. К. Зингер сообщил, что этот костюм был пожалован его императорским высочеством наследником цесаревичем Александром Александровичем [Этнографическая выставка 1878: 56]. Краткое описание упомянутого женского костюма, облаченного на манекен под номером 77, дано в табл. 1.

Таблица 1. Калмыцкая национальная одежда на антропологических манекенах Этнографической выставки 1867 г. в г. Москве [Этнографическая выставка 1878: 43–44, 56]

№	№ в коллекции	Предмет	Источник поступления
<i>Калмыки Астраханской губернии</i>			
1.	72	<i>Калмык.</i> Одевание его состоит из следующих частей: рубашка; бархатные шаровары (калм. <i>шалвр</i>), обшитые позументом; сапоги (калм. <i>носн</i>); кафтан (калм. <i>бүшмүд</i>) бархатный, обшитый галуном; на голове надета желтая шапка с барашковой опушкой. В одной руке — трубка (калм. <i>ханз</i>), в другой — кисет.	Дар нойона Церена-Давида Цанджиновича Тундутова
2.	73	<i>Калмычка.</i> Одевание ее состоит из следующих частей: рубашка, желтый глазетовый с высоким воротником полукафтан (калм. <i>күлме</i>); верхний кафтан без рукавов (калм. <i>цегдг</i>)	

		такого же глазета, с пришитыми к нему розовым, шелковым пояском; на голове надета парчовая шапка (калм. <i>хажлһ</i>) с красным шелковым верхом; на косах надеты узкие чехлы (калм. <i>шиврлг</i>); на ногах — красные сапоги.	
<i>Калмыки Области Войска Донского</i>			
3.	74	<i>Калмык</i> . Одевание состоит из следующих частей: рубашки, штаны, сапоги, кафтан (калм. <i>худуң</i>) из зеленой шелковой материи, верхний кафтан из голубой китайки без подкладки (калм. <i>бүшмүд</i>); на голове — зимняя шапка (калм. <i>бүчлэч</i>). На плечах накинут халат из жеребьячих шкур (калм. <i>дах</i>).	Дар бакши донских калмыков Джембо Ганджиновичем Ганджиновым при содействии Донского Войскового Статистического комитета
4.	75	<i>Калмычка</i> . Одевание ее состоит из следующих частей: рубашка, шаровары, нижний кафтан красного штофа с высоким воротом и с обшивкой; верхний кафтан без рукавов и голубой полосатой шелковой материи; верхняя часть его обшита галуном. На голове — шапка с шелковым верхом. На косах — плисовые чехлы; в руках — кувшин для кумыса и воды (калм. <i>бөрв</i>); на ногах — красные сапоги.	
<i>Калмыки Ставропольской губернии</i>			
5.	76	<i>Калмык гелюнг (духовное лицо)</i> . Одевание его состоит из следующих частей: сорочка, порты, сапоги, нижний бешмет красного штофа, верхний желтый шелковый халат, канаусовый кушак, красная кумачовая перевязь. На голове надета желтая шляпа. Желтый и красный цвета составляют принадлежность калмыцкого духовенства и прочие калмыки, за исключением лиц нойонов и зайсангов, не имеют права употреблять одежды этих цветов.	Дар ставропольских калмыков, доставленный главным приставом кочующих народов Ставропольской губернии
6.	77	<i>Калмычка, стоявшая перед гелюнгом</i> . Одевание ее состоит из следующих частей: сорочка с застежками из шести жемчужных пуговиц, нижний полукафтан с высоким воротником из розовой шелковой материи; рукава его сшиты золотом обшлагами (калм. <i>терлг</i>); верхний кафтан без рукавов из черного бархата (калм. <i>цегдг</i>). На голове надета парчовая шапка с красным шелковым верхом; на косах — узкие чехлы (калм. <i>шиврлг</i>); в ушах серьги с драгоценными камнями. На ногах надеты сапоги. Рукой калмычка опиралась на трость, обвитую серебряной и золотой нитками с золотой тесьмой.	Дар его императорского высочества государя наследника

7.	78	<i>Калмык, стоящий возле гелюнга.</i> Одевание его состоит из следующих частей: сорочка, шаровары, синий нанковый кафтан с красным отворотом на груди, ременный пояс с металлической оправой и сапоги; на голове надета шапка с высоким барашковым околышем.	Дар ставропольских калмыков, доставленный главным приставом кочующих народов Ставропольской губернии
8.	79	<i>Калмык, стоявший на коленях и прислуживающий гелюngu.</i> Одевание его состоит из следующих частей: сорочка, шаровары, сапоги, демикотонный черный кафтан и нанковый кушак; на голове обыкновенная калмыцкая шапка. В одной руке фигура держит чайник удлиненной формы — посуда (калм. <i>донжгэ</i>), употребляемая духовенством и зажиточными калмыками для разливания калмыцкого чая; в другой руке блюдце для чая.	

Продолжая осмотр, Александр II остановился у внутреннего устройства калмыцкой кибитки, где ему подробно, акцентируя внимание на изображениях божеств и атрибутах богослужения, было рассказано об особенностях ее интерьера и кочевом быте калмыков.

Следуя рекомендациям авторов выставки, художники разместили все манекены, изображающие калмыков, рядом с кибитками, являющимися жилищем кочевых народов. Манекены, изображающие астраханских калмыков, одетые в мужскую и женскую национальную одежду, были выполнены художником А. М. Любимовым. Их одеяние преподнес в дар выставке нойон Малодербетовского улуса Церен-Давид Тундутов [[Этнографическая выставка 1878: 43](#)]. Однако следует отметить, что во всех путеводителях манекены в одежде, дарованной Ц.-Д. Ц. Тундутовым, обозначены как «калмык Эркетеновского улуса» и «калмычка Эркетеновского улуса» [[Этнографическая выставка 1878: 43](#); [Каталог 1877: 12](#); [Путеводитель 1893: 11](#); [Путеводитель 1898: 11](#)]. На наш взгляд, в этом случае закралась фактическая ошибка, хотя не принципиальная в плане одежды. Владелец Малодербетовского улуса, скорее, показал одеяния своих подданных, т. е. своего улуса. Выпускник Катковского лицея, по утверждению писателя-публициста Ш. Н. Балинова, Ц.-Д. Ц. Тундутов «представлял из себя любопытное соединение европейской культуры с глубоким знанием тибетских наук и буддийской философии» [[Балинов 1936: 12](#)]. Супруга нойона Тундутова Эльзьяте Багалиевна, являясь членом Петербургского географического общества, нередко выступала консультантом в области этнографии, географии и буддизма для его членов [[Балинов 1936: 12](#)].

Кибитка из этой части экспозиции, как и внутреннее ее убранство, были принесены в дар владельцем Харахусо-Эрдниевского улуса, сотником Церен-Убуши Дугаровым, при содействии главного попечителя калмыцкого народа Капитона Ивановича Костенкова [[Этнографическая выставка 1878: 44](#)]. По утверждению современных исследователей, в Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX в. стоимость обычной

кибитки достигала от 80 до 100 руб., что являлось значительной суммой [Бадмаева, Батыров 2023: 414]. В каталоге выставки дано описание кибитки и ее внутреннего убранства. Так, традиционная кибитка калмыков состояла из решеток (калм. *терм*), жердей (калм. *уньн*) и круга (калм. *хара-рач*), связанных тесьмами (калм. *хошлң* и *бүслүр*) и покрытых кошмами (калм. *дер туурһ* и *көл туурһ*). Деревянная дверь (калм. *үүдн*) закрывалась кошмой (калм. *эркн*). Внутри кибитки размещалась кровать (калм. *орндг*). На кровати — стеганая кошма, крытая ситцем (калм. *девскр*), и ковер (калм. *кевс шарлджн*). В изголовье и в ногах — мешки для одежды (калм. *дер бокцо* и *көль бокцо*) и подушка (калм. *дер*). Над кроватью висел полог (калм. *көшг*). Перед кроватью стояла другая низенькая кровать (калм. *бичкн орндг*), покрытая также кошмой. По правую сторону от кровати помещался деревянный станок (*баран*), покрытый ковром, на котором стояли три сундука. Посередине кибитки находились таган (калм. *тулһ*) и котел (калм. *хэсн*). К древкам возле полога привешивалось рисованное изображение божества (калм. *бурхн*). На земле, под изображением, стоял деревянный футляр со складным столиком работы духовных лиц (калм. *тэклин ширә*). На этом столике размещалось семь бронзовых чашечек, наполненных хлебными зёрнами. Посередине стояла большая чашка с маслом, имеющая значение лампы, рядом с ней благовонные свечи, зажигаемые перед бурханом. Перед столиком вбит в землю резной столбик, и на нем была поставлена чашка из желтой меди, в которую кладут пищу для освящения. У стены около кровати был помещен восьмиструнный инструмент (калм. *ятх*). По левую сторону от кровати был вколот кол с сучками, к которому подвешивался лоток для посуды. На решетке висел шерстяной мешок для муки и под ним на полу кожаный мешок для сбора кизяка (калм. *арһсн*) [Этнографическая выставка 1878: 29].

Манекены, изображавшие донских калмыков, были выполнены художником И. Гейзертом по заказу Императорского Русского географического общества. Кибитка донских калмыков так же, как и в первом случае, состояла из решеток, древков, верхнего круга, кошм нижних и верхних, двери и тесемок для обвязывания. Внутри кибитки — кровать, покрытая кошмами, заменяющими перину (калм. *девскр*), на ней подушки и два красных мешка. Подушка была покрыта двумя четырехугольными накидками (калм. *дерин өңгвч*). На полу были разостланы четыре кошмы (калм. *ширдг*). Над кроватью висел полог (калм. *көшг*). Кроме того, в кибитке были размещены три ковра: один на стойке с чемоданами, другой на кровати и третий на полу. У решеток помещены четыре красных мешка (калм. *дугту*) для хранения домашних вещей и кожаный сосуд для воды (калм. *бортх*) [Этнографическая выставка 1878: 29]. Экспонируемые на выставке предметы, иллюстрирующие быт калмыков-казаков, были представлены бакшой донских калмыков¹, известным филантропом Джембо Ганджиновичем Ганджиновым. В годы Крымской войны, по сведениям,

¹ Ганджинов Джембо Ганджинович — бакша донских калмыков с июня 1842 г. по февраль 1869 г.

приведенным К. Н. Максимовым, Д. Г. Ганджинов внес в благотворительный фонд защитников Севастополя от духовенства Калмыцкого округа Войска Донского 200 руб. [Максимов 2024: 42].

Группу ставропольских калмыков изображали четыре манекена, выполненные А. М. Любимовым [Этнографическая выставка 1878: 29], стоящие у кибитки, состоявшей из таких же частей, как и предыдущие две. Сама кибитка была принесена в дар выставки коммерции советником Я. Я. Фейгиным [Этнографическая выставка 1878: 29]. По оценке русского историка-востоковеда В. В. Григорьева, манекены инородческой части выставки исполнены вообще удовлетворительно, а некоторые даже превосходно, а костюмы и вещи из области их домашнего быта собраны в большем обилии [Этнографическая выставка 1878: 29]. Перечень всех предметов, составляющих костюмы, одетых на манекенах, приведен в табл. 1.

В состав выставки входила экспозиция общего этнографического отдела, включавшая ряд предметов женской и мужской одежды калмыков. Согласно описаниям из инвентарной книги Музея народов СССР [АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 28], мужская одежда, предоставленная Ц.-Д. Ц. Тундутовым, (рис. 1) состояла из нижеприведенных элементов:

1) бешмет из темно-синего бархата, длиной до колен, по бокам сборки, над ними нашит золотой с серебром галун, воротник стоячий низкий; на груди бешмет расходится и только ниже груди полы сходятся и застегнуты на 5 простых железных крючков и петель; рукава прямые, узкие, длинные, на плечах нашит галун золотой с серебром, и таким же галуном обшиты воротник, кругом весь бешмет на талии, боках и низ рукавов с разрезом на них, весь бешмет на розовой подкладке;

2) рубашка («кийлик») из белого миткаля, короткая, покроя в роде халата, воротник шалью, без застежек, рукава прямые, узкие без обшлагов;

3) штаны («шалбур») из темно-синего бархата, покроя обыкновенного, длинные, не широкие, по бокам нашита в виде лампасов «тасма», серебряный с золотом галун, таким же галуном обшит низ;

4) пояс («бюс») из ремня, окрашенного в зеленый цвет, шириной в один вершок¹, на одном конце стальная с травленным рисунком пряжка — «босын тату», а другой вделан в стальную с рисунком пластину «бюлю»; на поясе восемь стальных передвижных скобочек, с таким же рисунком, как на пряжке, еще пять скобочек с ушком и с медным колечком проде- ты в ушко, одна четырехугольная пластинка с рисунком, одна скобочка с крючком, загнутым кверху. На поясе привязаны тонким ремешком за колечко у скобочки: 1) два мешочка дробницы («хаптага»), небольшие продолговатые, сшитые из толстой кожи, с отворотом на лицо с пропущенными в отвороты на верху ремешками; 2) два деревянных футляра, крышка открывается сверху, повертывая металлическую скобку, за которую продет ремешок, привязывающий футляры к колечку у пластинки на

¹ Вершок — старорусская единица длины, первоначально равнялась длине основной фаланги указательного пальца.

поясе; в одном футляре какой-то желтый кусок жира, в другом кисточка из черного конского волоса и белая бусина, в этом в футляре внутри выдолблены три длинных и круглых углубления; 3) сумка кожаная в виде полукруглого кармана, из толстой кожи, окрашенной в зеленый цвет с лицевой гораздо больше, чем карман с прикрывающей его крышкой из той же кожи, тисненной рисунком и с набитыми на ней металлическими украшениями, одно в виде сердца, а другое — кружка с лунным серпом; с обратной стороны вверху пришиты две ременные петли, надеты за пояс; 4) на длинном узеньком ремешке огниво «кете» в форме кожаного портсигара, из черной кожи, с металлической пластинкой кругом и такими же украшениями на верхней крышке, по углам и середине, внутри застегивается медным крючком в такую же скобочку; на небольшой ременной петле привязан за колечко, на украшенной обратной стороне огнива деревянный шарик; 5) крючок большой железный со сквозными дырочками и с травленным рисунком; 6) кусок белой замши; 7) пороховница («шакшик») из коровьего рога, с деревянной крышкой, с медным кольцом, сбоку приделанным, в которое пропущен ремешок, за который одним концом пороховница привязана к поясу, а на другом конце приделана небольшая железная мерка «эльшик»; 8) нож («утуча»), небольшой железный, с закругленным острием и длинной роговой рукояткой, в узком кожаном чехле, привешен к поясу двумя тоненькими ремешками, пропущенными сбоку чехла вверху;

5) сапоги («госон») из черной кожи, с круглыми ноками и невысокими голенищами;

6) шапка («хаджилга») из желтого сукна, подобие конфедератки с высокой продольно стеганой тульей, верх четырехугольный, значительно шире тульи, на макушке нашита в несколько рядов в кружок бахромы «даган-зала», крученая из красного шелку; околыш из черного поддельного барашка («джулубдык»), вся шапка на подкладке из красного канаса;

7) трубка («кганза»), деревянная, полированная, обложенная в отверстиях медной пластинкой. При ней: а) чубук ивовый, очищенный в нижней половине от коры; б) кожаный чехольчик, привязанный синим ремешком к чубуку; в) железный прутик для прочистки трубки и чубука;

8) кисет «тунгорцык», в виде длинного мешочка из шелковой пестрой материи с вшитым донышком, по ширине нашита черная с серебром тесемка; кисет собран на пропущенный сквозь дырочки вверху кисета шелковый зеленый с розовым, плетеный шнурок, на концах которого с обеих сторон висят обтянутые глазом маленькие четырехугольники; для растягивания кисета с обеих сторон вверху возле шнурка пришито по басонному плетеному из серебряного шнурка украшенью [АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 28. Л. 84].

Визуальный анализ костюма, изображенного на рис. 1, и описания из инвентарной книги позволяют сделать вывод о том, что костюм не соответствовал традиционной мужской одежде калмыков, а, скорее, напоминал форму иррегулярных войск.

Рис. 1. Одежда калмыков Астраханской губернии, предоставленная Ц.-Д. Ц. Тундутовым [[Государственный каталог](#)]

В табл. 2 приведены сведения о трех костюмах, два из которых были предоставлены Императорским Русским географическим обществом и один — главным приставом кочующих народов Ставропольской губернии, подполковником В. П. Мевесом.

Таблица 2. Предметы калмыцкой материальной культуры в экспозиции общего этнографического отдела выставки [[Этнографическая выставка 1878: 42–44](#)]

№	№ в коллекции	Предмет	Источник поступления
1.	21	Мужской костюм калмыков Астраханской губернии: кафтан, штаны	Дар Императорского Русского географического общества
2.	22	Женский костюм калмыков Астраханской губернии: нижнее платье, верхний кафтан	
3.	23	Женский костюм калмыков Ставропольской губернии: шаровары (калм. <i>шалвр</i>), нижнее платье (калм. <i>цегдг</i>), верхний кафтан (калм. <i>култ</i>), пояс, сапоги и шапка	Дар ставропольских калмыков, доставленный главным приставом кочующих народов Ставропольской губернии

Особое место в составе экспозиции занимал отдел, демонстрирующий ремесленное производство народов Российской империи. В рамках данного стенда демонстрировался 21 предмет материальной культуры калмыков, в большей степени как предметы, изготовленные из кожи и дерева, которые указаны в табл. 3.

Таблица 3. Предметы домашнего быта и оружия
[Этнографическая выставка 1878: 44]

№	№ в коллекции	Предметы	Источник поступления
1.	156	Блюдо под мясо (калм. <i>тавэг</i>)	Дар главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии
2-3.	157-158	Два седла	Дар нойона Церена-Давида Цанджиновича Тундутова
4-5.	159-160	Два красных суконных чепрака, с двумя подушками	
6.	161	Сбруя и узды лошадиные, украшенные серебром	
7-8.	162-163	Два нахвостника, украшенных серебром	
9-15.	164-170	Семь кожаных и деревянных, в серебряной оправе, сосудов для чая и водки	Дар его императорского высочества государя наследника
16-19.	173-176	Четыре маленькие чашки для чая	Дар Я. Я. Фейгина
20.	177	Ковшик	
21.	526	Балалайка (домбра. — <i>И. М.</i>)	Дар зайсанга Церен-Убуши Дугарова

Как следует из сведений, приведенных в табл. 3, нойоном Ц.-Д. Ц. Тундутовым на выставку были предоставлены два седла. Согласно описанию из книг поступления Российского этнографического музея, следует, что одно седло было деревянным, необитым, второе — деревянное с элементами украшения в виде серебряных пластин с нанесенным растительным орнаментом [АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 28. Л. 92об.-93]. Далее следует, что Я. Я. Фейгиным были принесены в дар в пользу выставки три ковшика. Первый — продолговатой формы с короткой ручкой и выступающим посередине носиком. В нижней части имеется крючок для вешания. Второй — в форме продолговатой глубокой ложки, с длинной толстой прямой ручкой. Третий — половник овальной формы с прямой ручкой, длиной более аршина [АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 28. Л. 83об.-84].

Кроме того, на выставке были девять фотографий с изображением астраханских, ставропольских и донских калмыков, предоставленные действительными членами общества любителей естествознания, антропологии и этнографии К. И. Костенковым и Г. И. Федченко, а также Дон-

ским Войсковым статистическим комитетом [[Этнографическая выставка 1878: 65](#)].

Предложение В. А. Дашкова о передаче собрания выставки в собственность Московского публичного музея, прозвучавшее на одном из заседаний Комитета, было включено в ходатайство Общества, направленное императору об открытии выставки, с обозначением ее как «Дашковского этнографического музея, устроенного при содействии Общества любителей естествознания при Московском университете» [[Путеводитель 1893: 10](#)]. Уже 15 июня 1865 г. ходатайство получило высочайшее одобрение Александра II [[Путеводитель 1893: 10](#)].

Экспозиция главного зала Дашковского этнографического музея, известного как Этнографическое отделение Румянцевского музея, начиналась с инородческого населения. Ее часть, посвященная калмыкам, включала только шесть из восьми манекенов, из которых три изображали буддийских священнослужителей, женщину и мужчину из Области войска Донского, два изображали калмыка и калмычку Астраханской губернии и один — мужчину Ставропольской губернии [[Путеводитель 1893: 11](#)]. В следующем каталоге, изданном спустя девять лет, количество манекенов осталось прежним, однако изменения произошли в составе: три манекена, иллюстрирующие калмыков Ставропольской губернии (священнослужитель, мужчина и женщина), два — из Области войска Донского (мужчина и женщина) и один — из Астраханской губернии (мужчина) [[Путеводитель 1898: 11](#)].

Формирование калмыцкой коллекции в составе Дашковского музея началось еще в 1864 г., когда сам В. А. Дашков приобрел для Московского публичного музея первые антропологические манекены и некоторые предметы быта после состоявшейся по инициативе Императорского Московского общества сельского хозяйства в г. Москве Всероссийской выставки сельских произведений [[Путеводитель 1905: 5](#)]. Из четырех отделов выставки: предметы земледелия; предметы скотоводства; сельская заводская и сельская ремесленная промышленность; машины, орудия и снаряды, произведения Калмыцкой степи были представлены нойоном Д.-Ц. Ц. Тундутовым в двух отделах [[Описание 1865: 99](#)]. Скот калмыцкой породы (лошади, бык и овцы), владельцем которого был Д.-Ц. Ц. Тундутов, вызвали неподдельный интерес публики. Например, баран весом 5 пудов¹ и 12 ½ фунтов² и овца — 4 пуда и 23 ½ фунтов, которые после завершения выставки, как и верблюды, были переданы в зоологический сад [[Описание 1865: 114](#)]. Князь Д.-Ц. Ц. Тундутов был удостоен малой и большой серебряными медалями и денежным поощрением в размере 90 руб. [[Описание 1865: 257–259](#)]. Следует предположить, что им еще был представлен ряд предметов бытовой утвари, производства калмыцких мастеров кожевников и столяров. Так, согласно инвентарной книги Му-

¹ Пуд — устаревшая единица измерения массы русской системы мер, равная 16,4 кг.

² 1 русский фунт равен 1/40 пуда;

зея народов СССР, который являлся правопреемником Московского публичного музея, в 1864 г. в дар от нойона Ц.-Д. Ц. Тундутова поступило восемь предметов: «домб» — деревянный кувшин продолговатой формы, «бортх» — кожаный сосуд, фляга для молочной водки, «тонх» — небольшой кожаный бурдюк для кумыса и «бурле» — подойник из толстой черной кожи с вшитым деревянным обручем по верхнему краю [АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 28. Л. 84, 86, 87, 89, 90, 94]. Изучая быт калмыков Большедербетовского улуса, И. В. Бентковский выделил три вида кожаной посуды, согласно ее назначению, бытовавшей у калмыков: 1) для приготовления молочного алкогольного напитка «аркэ»; 2) для хранения напитков вообще; 3) для ношения воды [Бентковский 1868: 91].

Октябрьские события 1917 г. привели к установлению нового по своей форме государства, и как следствие введению новых стандартов в культурном его развитии, в том числе и в музейное дело. Калмыцкие коллекции в составе Этнографического отделения Румянцевского музея перешли в состав нового музейного учреждения страны — Центральный музей народоведения (с 1931–1934 гг. — Музей народов СССР). Деятельность детища революции продолжилась недолго. В 1948 г. Музей народов СССР подвергся реорганизации, а его коллекции — передаче в музеи г. Ленинграда. В частности предметы этнографии калмыков попали в Государственный музей этнографии СССР (с 1992 г. — Российский этнографический музей) [АРЭМ].

4. Заключение

Начавшаяся в третьей четверти XIX в. выставочная кампания в Российской империи демонстрировала не только хозяйственно-экономическое развитие государства, но и ее полиэтничный и поликонфессиональный состав. Всероссийская этнографическая выставка в г. Москве 1867 г. стала одним из первых выставочных мероприятий, которое отразило материальную культуру всех групп калмыцкого этноса, проживавших в составе различных административных территориальных образований: Астраханская и Ставропольская губернии, Область войска Донского.

Аутентичные экспонаты, в том числе калмыцкая кибитка, реконструирующие кочевой быт, вызывали неподдельный интерес публики и администрации музейных учреждений. Однако их зачастую немалая стоимость предопределила привлечение привилегированных слоев калмыцкого общества для участия в выставочных мероприятиях.

Источники

АРЭМ — Архив Российского этнографического музея.

Государственный каталог — Государственный каталог музейного фонда РФ [электронный ресурс] // URL: <https://goskatalog.ru/portal/> (дата обращения: 18.09.2025).

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Литература

- Бадмаева, Батыров 2023 — *Бадмаева Е. Н., Батыров В. В.* Трансформация жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость в имперский и советский периоды // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 5. С. 409–426.
- Балинов 1936 — *Балинов Ш.* О княжеском роде Тундутовых // Ковыльные волны. 1936. № 13–14. С. 11–15.
- Бентковский 1868 — *Бентковский И. В.* Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Издание Ставропольского губернского статистического комитета. Вып. 1. Ставрополь: Тип. губернского правления, 1868. С. 82–105.
- Каруева 2022 — *Каруева М. Д.* У истоков формирования «калмыцкой» коллекции Астраханского музея-заповедника // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 104–143. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-104-143
- Каталог 1877 — Каталог Дашковского этнографического музея. Составлен хранителем музея Н. Г. Керцелли. (Приложение к отчету музеев с 1873–75). М.: Тип. М. Н. Лаврова, 1877. 105 с.
- Максимов 2024 — *Максимов К. Н.* Духовенство калмыков-казаков Дона во второй половине XIX – начале XX вв. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 39–63. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-39-63
- Матвенов 2009 — *Матвенов Е. Р.* Об организации выставки калмыцких экспонатов в Петербурге // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 162–164.
- Описание 1865 — Описание бывшей в Москве в 1864 г. Всероссийской выставки сельскохозяйственных произведений / сост. А. В. Советов и др. СПб.: Народная польза, 1865. 262 с.
- Путеводитель 1893 — Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1889. 36 с.
- Путеводитель 1898 — Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею. (Новое, дополненное издание). М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1898. 34 с.
- Путеводитель 1905 — Путеводитель по Дашковскому этнографическому музею (новое, исправленное и дополненное издание). М.: Тип. К. Л. Миньшова, 1905. 60 с.
- Систематическое описание 1893 — Систематическое описание коллекции Дашковского этнографического музея, составленное хранителем Музея профессором В. Ф. Миллером. Вып. III. М.: Типо-лит. Лашкевич, 1893. 224 с.
- Этнографическая выставка 1878 — Этнографическая выставка 1867 года Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. Издание Комитета Антропологической выставки на средства, пожертвованные В. Х. Спиридоновым. М.: Тип. М. Н. Лаврова, 1878. 93 с.

УДК / UDC 398.21

Мотив иного / подводного мира в калмыцкой волшебной сказке

Баира Басанговна Горяева¹

The Motif of the other World / Underwater World in a Kalmyk Fairy Tale

Baira B. Goryaeva¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Российская Федерация) Federation)

кандидат филологических наук, стар- Cand. Sc. (Philology), Senior Research ший научный сотрудник Associate

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Мотив трехмирия в калмыцких волшебных сказках отражает архаичные представления о мироздании, состоящем из трех ярусов. Иной / подводный мир воспринимается через призму срединного мира. *Результаты.* Рассмотрение текстов калмыцких сказок показало, что вода (*хол* 'река', *теңс*, *дала* 'море; океан') отражается в картине мира предков калмыков как рубеж двух миров. В калмыцких сказках на сюжет СУС 325 «Волшебник и его ученик» река — локус, в котором происходят превращения. Ученик при бегстве от учителя — хтонического существа — принимает облик разных животных, рыб и птиц, что демонстрирует возвращение героя из иного мира в мир живых. В калмыцких сказках на сюжетный тип СУС 313 «Чудесное бегство» река как локус, разделяющий миры, становится непреодолимой для преследователей-антагонистов (мусов). Внешний океан *hazad dala* представляет границу между мирами, которую можно пересечь по огромной рыбе или заморозив его. В рассмотренных сказочных текстах владыка хозяев вод *усн хадын хан* выступает как распорядитель душ, отмеряющий жизнь человека: его слуга приходит забрать душу старика-табунщика, но тот обменивает ее на жизнь своего сына. Дочь владыки хозяев вод становится женой героя, ко-

торый выполняет ее трудные задачи. Доставив дочь подводного владыки в средний мир, герой также пригоняет табун ее кобылиц, чтобы она могла питаться кумысом из их молока. В систему хтонических персонажей, представителей водного мира, включается также большой черный человек *ик хар күн*. В калмыцких сказках на сюжетный тип СУС 400 «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа)» чудесный муж ханской дочери — представитель подводного мира — лягушка с золотым брюшком и серебряной головой *алтн чеэжтэ, мөңгн дүрстэ меклэ*. В сказке на сюжетный тип СУС 313 С «Чудесное бегство» герой попадает в иной / подводный мир, ведомый посланником владыки хозяев воды, и по его повелению женится на девушке этого мира. Таким образом, калмыцкие волшебные сказки содержит архаичный мотив, отражающий ранние представления калмыков об ином / подводном мире.

Ключевые слова: калмыки, волшебная сказка, мотив, иной / подводный мир

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Горяева Б. Б. Мотив иного / подводного мира в калмыцкой волшебной сказке // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 135–145. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-135-145

Abstract. Introduction. The motif of the three worlds in Kalmyk fairy tales reflects archaic ideas about the universe consisting of three tiers. The otherworld / underwater world is perceived through the prism of the middle world. **Results.** A review of the texts of Kalmyk fairy tales has shown that water (*gol* ‘river’, *tengs*, *dala* ‘sea’, *dala* ‘ocean’) is reflected in the worldview of the Kalmyks’ ancestors as the boundary of two worlds. In Kalmyk fairy tales based on the plot of SUS 325 “The Wizard and his Pupil”, the river is a locus in which transformations take place. The student, while fleeing from the teacher, a chthonic being, takes the form of various animals, fish and birds, which demonstrates the hero’s return from another world to the world of the living. In Kalmyk fairy tales based on the plot type of SUS 313 “Miraculous Escape”, the river as a locus separating the worlds becomes insurmountable for pursuing antagonists (muses). The outer ocean (*gazad dala*) represents the boundary between the worlds, which can be crossed by a huge fish or by freezing it. The lord of the masters of the waters, *usn khadyn khan*, considered in the fairy-tale texts acts as the steward of souls, measuring out a person’s life: his servant comes to take the soul of an old herder, but he exchanges it for the life of his son. The daughter of the lord of the masters of the waters becomes the wife of a hero who performs her difficult tasks. Having delivered the daughter of the underwater lord to the middle world, the hero also brings a herd of her mares so that she can eat *kumis* from their milk. The system of chthonic characters, representatives of the aquatic world, also includes *ik khar kun* ‘the big black man’. In Kalmyk fairy tales based on the plot type of the SUS 400 “The husband is looking for a missing or abducted wife (the wife is looking for a husband)”, the wonderful husband of the Khan’s daughter is a representative of the underwater world — a frog with a golden belly and a silver head *altn cheegtei, mongn durstei meklya*. In the tale of the plot type SUS 313 С “Miraculous Escape”, the hero finds himself in another / underwater world, led by the messenger of the lord of the masters of the water and, at his command, marries a girl of this world. Thus, Kalmyk fairy tales

represent an archaic motif reflecting the Kalmyks' early ideas about the other / underwater world.

Keywords: Kalmyks, folktale, plot, motif, another / underwater world

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198 "Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China" .

For citation: Goryaeva B. B. The Motif of the other World / Underwater World in a Kalmyk Fairy Tale. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 4. Pp. 135–145. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-135-145

1. Введение

В волшебной сказке калмыков представлены верхний, средний и нижний миры. Чудесно рожденный герой калмыцкой волшебной сказки путешествует по ним в поисках своей суженой или за диковинками, чтобы выполнить трудные задачи хана. Герой попадает в эти миры с помощью волшебных помощников, из-за козней старших братьев, иногда бывает обещан хтоническому существу взамен своего отца или по другим причинам.

В калмыцкой фольклористике на материале калмыцких волшебных сказок рассматривался мотив трехмирия [Болдырева 2018], верхний мир небожителей [Горяева 2025a], а также нижний мир [Горяева 2025b]. Загробный мир в них понимается как иной мир или тот свет [Надбитова 2011: 153–159].

Мотив преодоления водного пространства [Убушиева 2011: 302–308], а также архетипический концепт «вода», основанный на сюжетообразующих ядерных темах и мотивах архаического эпоса [Убушиева 2020: 95–106], ассоциация Водного мира с Нижним миром [Убушиева 2018: 35–45] изучались на материале песен Багацохуровского цикла «Джангара». Описывался водный мир в отдельных сказочных сюжетах астраханских и донских калмыков [Убушиева 2017: 54].

При этом на материале калмыцкой волшебной сказки иной / подводный мир специально не изучался. В данной статье нами рассматривается мотив иного / подводного мира в калмыцких волшебных сказках на международные сюжетные типы.

2. Материал

Материалом для статьи стали калмыцкие сказки на универсальные сюжеты, соотносимые с типами СУС 313 «Чудесное бегство», СУС 325 «Волшебник и его ученик», СУС 551 «Молодильные яблоки», а также сказка, представляющая контаминацию сюжетных типов СУС 551 «Молодильные яблоки» и 460 В «Путешествие к солнцу» [СУС 1979], опубликованные в различных сборниках.

При рассмотрении мотива иного / подводного мира в калмыцких волшебных сказках мы опирались на исследования В. Я. Проппа по генезису («истории») волшебной сказки [Пропп 2000], работы С. Ю. Неклюдова

[Неклюдов 1990; Неклюдов 1994; Неклюдов 2002], Т. Д. Скрынниковой [Скрынникова 2003], М. М. Содномпиловой [Содномпилова 2009] по мифологии и культуре монгольских народов.

4. Река, море, океан — граница между мирами и дорога в иной / подводный мир

Вода (в частности река, море, океан) отражается в картине мира предков калмыков как рубеж двух миров. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» отмечаются случаи представления океана как пограничной черты между двумя странами (Бумбой и вражеской страной Замбал хана), моря Шарту как некой мифологической границы, разделяющей два мира [Убушиева 2011: 304].

Как отмечает Т. Д. Скрынникова, рассматривая символическое сакральное пространство бурятского фольклора: «в традиции не только бурят, но и многих народов алтайской языковой семьи существуют представления об оппозиции Небу не только в форме Земли, но и земля — вода (*hazp* – *усн*), что может образовывать тернарную структуру: Небо – Земля – Вода, поскольку Земля – Вода (Земля – Море) выступает в качестве универсальной оппозиции: верх – низ в мифе о сотворении мира (мотив погружения птицы на дно за землей). Примеров того, что вода / море служат маркером чужого мира или границей между своим и иным мирами, множество. Моря окружают свою территорию — Желтое море, Черное море. И часто для того, чтобы достичь иного мира, где живут существа иной природы, можно перейти реку, преодолеть море или погрузиться в него» [Скрынникова 2003: 71].

В калмыцких сказках на сюжет СУС 325 «Волшебник и его ученик» река — локус, в котором происходят превращения, является границей миров. Калмыцкие сказки на этот сюжетный тип показывают цепь превращений учителя и его ученика, спасающегося бегством.

Исследовав материалы по воплощениям в различных животных в Африке и сходные представления в Египте, В. Я. Пропп заключает: «Возвращение из страны мертвых в страну живых сопровождается превращением в животных» [Пропп 2000: 303].

Калмыцкие сказки на сюжетный тип СУС 325 «Волшебник и его ученик» показывают, что ученик при бегстве от учителя — хтонического существа, принимает облик разных животных, рыб и птиц. Эти превращения на границе миров демонстрируют возвращение героя из иного мира в мир живых:

Алдрад һарсн мөриг үзсн мус ардаснь усн хадын эзнэ алтн нооста ажрһ болад, арднь орад, көөһэд һарв. Һолд киисэд, жирмэхэ захсн болад, тарад, һарад одв. Ик хар күн алдл уга шүүрдг алг хар цурх болад, арднь орад, гүүһэд, күцэд ирсн цагт хоңхта алг нүһсн болад нисэд һарв. Тигэд нисэд һархлань шүүрсэн алддг уга харцх хар шовун болад, ардаснь көөһэд күцн гигэд ирхлән, дээрэс бууж хүвлэд, өлн маңхн туула болад һарад гүүв. Тигхлән, адргин аратиг алдл уга бэрдг, көдәһин туулаг көндэл уга бэрдг, тормин

начн болад арднь орад көөһад күцэд, хойр һурв шүүрүләд, ик хар күн болад һарад йовб.

Ардаснь хойр холван ик күн болад арднь орад көөв.

Генткн күрәһән эргжс йовсн ламла харһад: — Намаг багтатн, — гиж келн, тач йовсн эркнәннь бумбднь көвүн орад одна.

‘Мус, увидев вырвавшегося коня, превратился в жеребца усун хадын эзена с золотой шерстью, пустился вслед за ним в погоню. [Юноша] прыгнул в реку, превратился в мальков рыбы, которые рассыпались в разные стороны. В то время, когда большой черный человек, превратившись в пестро-черную щуку, хватающую без промаха, погнался следом и уже настигал, [юноша], превратившись в утку, улетел. Когда так вылетел, [мус], превратившись в черного ястреба, не выпускающего добычу, погнался и уже настигал, сверху спустился, превратился в сизо-белого зайца и пустился наутек. Тогда превратился в сокола, не упускающего лису холмистой местности, ловящего, не нанося ран, зайца пустынной местности, погнался, настиг, дважды-трижды схватил, [юноша] большим черным человеком стал.

[Мус] вслед за ним превратился в человека в два раза больше и погнался.

Вдруг [юноша] встретил ламу, который обходил свой монастырь:

— Спасите меня, — сказав, юноша воплотился в главный шарик-бумб четок, которые перебирал лама¹ [[Седклин күр 1960: 9](#)].

Как отмечает С. Ю. Неклюдов: «Вода рубежна: она, во-первых, очерчивает труднопреодолимые границы земного ландшафта (река / берег водоема), причем по ту сторону остается неосвоенное (или не достаточно освоенное) пространство, и, во-вторых, она фиксирует непреодолимую для живого человека границу по вертикали (водная поверхность как грань между мирами — „этим“, человеческим, и „тем“, хтоническим)» [[Неклюдов 2002: 22](#)].

Река как локус, разделяющий миры, представлена в калмыцких сказках на сюжетный тип СУС 313 «Чудесное бегство». Так, в сказке «Һорвн күүктә эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха с тремя дочерьми») сестры, благодаря предметам, оставленным родителями, сбегают от мусов-людоедов. Спасаясь от стариков-мусов, героини заговаривают точило, рубель и шумовку [[Хальмг туульс 1968: 35](#)]. Эти предметы после произнесения заклинания при бросании трансформируют сказочное пространство, превращаясь в труднопреодолимые горы и густой дремучий лес. Материал калмыцких волшебных сказок показывает, что непреодолимой для преследователей-антагонистов становится река, которая в традиционном мировоззрении этноса представляется границей миров.

Схожее явление в русской сказочной традиции объясняется следующим образом: «Это связано с сильной магической и мифологической функцией воды. Мифомагическая семантика воды была столь сильна, что даже после разрушения мифологического сознания и частичной транс-

¹ Здесь и далее наш перевод. — Б. Г.

формации сказочной поэтики, когда вместо трех элементов остается один, им является именно водная преграда. Вероятно, причина этого заключалась также в том, что вода и в реальном быту наиболее опасная и трудно преодолимая преграда» [Добровольская 2009: 104].

В сказке «Көгшн Буурл Шатрч хан» («Старый седой хан Шатарчи»), представляющей контаминацию сюжетных типов СУС 551 «Молодильные яблоки» и СУС 460 В «Путешествие к солнцу», герой попадает в иной мир, пройдя по огромной рыбе-таймену. Младший из братьев желает успеха трем старухам, зашивавшим трещину в земле. В благодарность они подсказывают ему, как пересечь внешний океан:

Чи ода, көвүн, һазад дала һатлхмч, Нарнд күрхмч. Чини аавчн түнд күрэд уга болх. Һазад далад тул захсн дөчн йисн хонгтан мөңкәһад, гесән цадхачкад, дөчн йисн хонгтан унтдмн. Толһань эн көвәднь, сүүлнь һазад далан телтр көвәднь. Тер цагла әмтн деегүрнь йовад, һазад далад йовададмн. Үлгүрнь келхлә, чи бас тиигәд һатлхч. Тиигәд Нарнд күрхч.

‘Сейчас ты, парень, пересечешь внешний океан, попадешь к Солнцу. Твой отец, наверное, туда еще не добирался. Во внешнем океане рыба-таймень сорок девять дней, наевшись досыта, сорок девять дней спит. Голова на этом берегу, хвост на противоположном берегу внешнего океана. В это время люди по ней ходят через внешний океан. Ты, к примеру, тоже так пересечешь. Так достигнешь Солнца’ [Хальмг туульс 1968: 21–22].

Из текста сказки становится ясным, что рыба лежит во внешнем океане *һазад дала*, представляющемся границей между мирами и дорогой в иной мир. Здесь приведем наблюдения С. Ю. Неклюдова о воде, аморфность, бесструктурность, вездесущность и всепроникаемость которой порождают представление о воде, «как о стихии хаоса», в том числе первоизданного, о «мировом океане, со всех сторон обволакивающим космос» [Неклюдов 2002: 22].

В приведенной выше сказке «Көгшн Буурл Шатрч хан» («Старый седой хан Шатарчи») герой через внешний океан *һазад дала* по огромной рыбе, засыпающей на 49 дней, добирается до солнца. По народным представлениям, сформировавшимся под влиянием буддийской картины мира, именно за это время душа умершего достигает иного мира [Эрдниев 1985: 216].

Море *дала* является границей миров в сказке «Арж-Бурж хан» («Арджи-Бурджи хан»), соотносимой с сюжетным типом СУС 551 «Молодильные яблоки». Третий младший сын хана, добравшись до моря, с помощью волшебного камня зада замораживает его и преодолевает по льду границу миров, причем обратно он уже перелетает через море на коне своего отца [Хальмг туульс 1961: 156].

5. Представители иного / подводного мира в калмыцкой волшебной сказке

«В ойрат-калмыцкой мифологии хозяином водной стихии (и локальным хозяином вообще) является лу (лун), он же производитель дождя и

громовержец», — отмечал С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 1994: 248]. Особое значение среди локальных духов-хозяев в мифологии калмыков имеет водяной хозяин Усун-хадын эзен. «Для его умиловления прибегали к серебряным монетам (отражение мифологических взглядов о связи серебра с водой). В сказках владыка хозяев воды изображается седым стариком; его дочь, выходящая из озера и спасенная героем, имеет облик змеи (что соответствует общемонгольским мифологическим представлениям о змееподобии хозяев урочищ и водоемов)», — поясняет С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 1990: 551].

Море *ик дала* (букв. 'большой океан') в сказке «Усн хадын хан» («Владыка хозяев воды») на тип СУС 313 С «Чудесное бегство» является местом водопоя ханского табуна. Однажды лошади в страхе отказываются пить, учуяв в воде легкие и печень. Посланец владыки хозяев воды (*усн хадын хан*) превращается в человека из этих внутренних органов. Он был отправлен за душой табунщика, который обменял свою жизнь на душу сына. И в назначенный срок сын табунщика является в подводный мир, видит большую красивую войлочную кибитку, где встречает девушку, с помощью которой выполняет трудные задания хана и потом женится на ней. Убегая от владыки хозяев воды, они превращаются в разных животных и предметы. Покинув иной мир, герой расстается с женой и забывает о ней, а голубь и голубка, подаренные женой, напоминают ему о его путешествии в подводный мир и женитьбе [Хальмг туульс 1968: 163–166]. В рассмотренном сказочном тексте *усн хадын хан* выступает как распорядитель душ, отмеряющий жизнь человека.

Другим персонажем подводного мира является мус в виде большого черного человека. При рассмотрении образа муса в калмыцких сказках Д. В. Убушиева пишет: «В цикле сказок „Седклин күр“ „Задушевный разговор' *ик хар күн* назван мусом, но сюжет демонстрирует его непосредственную связь с хтоническими существами. Образ хтонического „ут (*ик*) хар күн“ встречается в ряде калмыцких волшебных сказок и связан с водным миром» [Убушиева 2017: 54].

В сказке «Хурһар заһс дольж авад, уснд хайж окдг көвүнэ тууль» («Сказка о юноше, обменявшем ягнёнка на рыбу и отпустившем ее в воду») описывается, как из воды появляется *ут хар күн* 'длинный черный человек' и приглашает главного героя, юношу-сироту, в подводный мир. В сказке «Иван Царевичин тууль» («Сказка про юношу Ивана Царевича») он, названный чертом, является главному герою Ивану Царевичу из колодца. В сказке, записанной Г. Й. Рамstedтом в начале XX в., этот персонаж представлен циклопом. Отметив, что *ут (ик) хар күн* встречается в калмыцкой сказочной традиции, исследователь включает этот образ в систему хтонических персонажей, представителей водного мира [Убушиева 2017: 54].

Калмыцкие сказки на сюжет СУС 325 «Волшебник и его ученик» описывают учителя-муса, имеющего жилище, детей. Он обозначен как большой черный человек — *ик хар күн* и как высокий черный человек — *өндр хар күн* [Седклин күр 1960: 9].

В сказке «Арж-Бурж хан» («Арджи-Бурджи хан»), соотносимой с сюжетным типом СУС 551 «Молодильные яблоки», персонаж *ут хар күн* находится за морем и охраняет коня хана-отца. Он имеет единственный глаз на макушке — *ора дееран ор ханц нүдтэ ут хар күн* [Хальмг туульс 1961: 156].

6. Женитьба героя / замужество героини на представителе иного / подводного мира

На материале песен Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар» Д. В. Убушиевой отмечено, что Джангар-хан берет в супруги представительницу Водного мира — дочь Гюши Замба-хана, хозяйина восьми тысяч лубсурга. Этот эпизод отражает медиативные функции Джангар-хана, повелителя Среднего мира, одержавшего победу над сыном тенгрия-небожителя и взявшего в супруги представительницу Водного (Нижнего) мира [Убушиева 2018: 40].

Материал калмыцкой волшебной сказки также описывает женитьбу героя на представительнице иного / подводного мира. В сказке «Ном Төгс хаана тууж» («История о Номо Тексег хане»), включающей как эпизод сюжета АТУ 300 «Победитель змея», герой, младший из трех сыновей Номо Тексег хана, добывает дочь владыки вод с помощью своего коня, который превращается в лодку и кружит по морю. На третий раз дочь владыки вод поднимается из глубин на звуки дудочки, и герой хватает ее. Добыв по поручению хана дочь хозяина вод, герой в итоге сам женится на ней, пройдя испытание кипящим молоком. Купание в молоке для старого хана становится роковым. По словам дочери владыки вод, кипящее молоко должно очистить старого хана, чтобы она могла выйти за него замуж. Герою представительница подводного мира кладет в рот золотое кольцо, благодаря которому он без вреда окунается в котел с кипящим молоком [Алtn чеежтэ келмрч 2010: 50]. Анализируя данный сюжет, Б. Б. Манджиева указывает, что испытание старого хана кипящим молоком — известный сказочный мотив [Манджиева 2005: 106–110].

В сказке «Көгшн Буурл Шатрч хан» («Старый седой хан Шатарчи») герой добывает дочь владыки вод по приказанию хана Шатарчи. Прежде чем отправиться за красавицей, герой спрашивает совета у людей, живущих на берегу внешнего океана, как добыть представительницу подводного мира. Узнает о том, что дочь владыки вод в полночь покидает свой мир и бродит по берегу моря, любясь земным миром. Герой с помощью веревки из человеческих жил ловит дочь хозяина вод. Попав в средний мир людей, дочь владыки вод требует от хана Шатарчи, чтобы сюда доставили ее домашний скот — водных животных. Герой отправляется к берегу моря, трижды свистит, трижды кричит, собирает и пригоняет аранзала и кобылиц дочери хозяина вод. Представительница подводного мира ставит условие хану-старика, желающему на ней жениться, искупаться в кипящем молоке подводных кобылиц. После того, как хан отказался, герой первым

окунулся в три котла с молоком и превратился в красавца-мужчину, тогда хан тоже лезет в кипяток и сваривается [Хальмг туульс 1968: 23–24].

В сказке «Арж-Бурж хан» («Аржи-Бурджи хан»), соотносимой с сюжетным типом СУС 551 «Молодильные яблоки», младший сын хана во время полета над морем видит дымоход жилища дочери владыки хозяев вод. Конь опускает героя на дымоход, через который он попадает к девушке и забирает ее с собой в мир людей. Однако представительница иного мира не может есть земную еду, поэтому герой с помощью своего коня приводит пятьсот кобылиц из подводного мира, ведомых черным жеребцом. Вместе с ними из моря выходят жеребята. Дочь владыки вод питается курысом из молока кобылиц подводного мира [Хальмг туульс 1961: 157].

В сказке «Усн хадын хан» («Владыка хозяев воды») на тип СУС 313 С «Чудесное бегство» герой попадает в иной / подводный мир, ведомый посланником владыки хозяев вод, женится на представительнице этого мира [Хальмг туульс 1968: 163–166].

В калмыцких сказках на сюжетный тип СУС 400 «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа)» чудесный муж ханской дочери — представитель иного / подводного мира. В сказке «Меклэ дүрстэ көвүтэ эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха с сыном-лягушкой») старик однажды вылавливает лягушку с золотым брюшком и серебряной головой *алтн чеежтэ, мөңгн дүрстэ меклэ* [Хальмг туульс 1974: 115]. Золотое брюшко и серебряная голова лягушки отражают связь компонентов семантического ряда «золотой – солнечный»: золотая грудь персонажа заключает в себе солнце, а серебряная часть тела — месяц. Согласно В. Я. Проппу, «все, что окрашено в золотой цвет, этим самым выдает свою принадлежность к другому царству» [Пропп 2000: 245].

В сказке «Цецн күүкн» («Мудрая девушка») через семь дней после усыновления лягушка отправляет старика к хану сватать его дочь. Три дня подряд старик ездит к хану, его изрубают в куски с мясом коровы-трехлетки, барана, кладут в ведро и отправляют домой. Сын-лягушка оживляет старика-отца и животных [Буутан Санжин 2008: 88–89].

При выполнении трудной задачи хана благодаря чудесным способностям сына-лягушки появляются золотой, серебряный мост, сто старух, похожих на старуху-мать, сто стариков, похожих на старика-отца, сто юношей, похожих на приемного сына [Хальмг туульс 1974: 12].

В сказочном тексте после того, как спалили лягушачью кожу, главный герой, превратившись в желтоголового лебедя, улетает. Жена отправляется на поиски мужа. Через несколько дней на ее пути встречается белая юрта, в которой одна женщина расчесывала волосы. Оказалось, что она сестра мужа. Досыта накормив девушку, золовка дает ей белый платок. Таким же образом поступают две другие сестры чудесного супруга, покинувшего свою жену. Обратим внимание на то, что каждая из сестер дает девушке белый платок. Этими платками ханская дочь оборачивает своего умершего мужа, найдя его у тропинки, ведущей к небу. Первым платком обернула она скелет мужа и стала катать, на кости мясоросло. Когда

этот платок износился, девушка взяла другой платок, обернула тело, стала катать. После оборачивания третьим платком мужчина ожил [Хальмг туульс 1974: 14].

7. Заключение

Вода предстает в мировосприятии калмыцкого народа как рубеж двух миров. Река *хол*, море *дала*, внешний океан *һазад дала* в калмыцкой волшебной сказке — локусы, являющиеся границей миров — земного и иного / подводного.

В сказках на сюжетный тип СУС 325 «Волшебник и его ученик» река предстает как граница миров. Герой попадает в воду и, спасаясь от учителя-волшебника, превращается в разных животных и птиц. Среди преследователей героя мус демонстрирует свою «непосредственную связь с хтоническими существами», превращаясь в золотошерстного жеребца владыки хозяев вод *усн хадын эзн*, являя принадлежность «чужому» водному миру.

В калмыцких сказках, соотносимых с сюжетным типом СУС 313 «Чудесное бегство», предметы после произнесения заклинания при бросании трансформируют сказочное пространство, превращаясь в труднопреодолимые горы и густой дремучий лес. Материал калмыцких волшебных сказок показывает, что непреодолимой для преследователей-антагонистов становится река, которая в традиционном мировоззрении этноса представляется границей миров.

Владыка хозяев вод *усн хадын эзн*, по мифологии калмыков, дух-хозяин водной стихии. Его дочь становится женой героя, который проходит ее испытания. Иногда, наоборот, дочь земного хана выходит замуж за представителя иного / подводного мира.

Таким образом, калмыцкие волшебные сказки представляют архаичные сюжеты: а) женитьба / замужество, б) получение магических знаний от учителя-волшебника, отражающие ранние представления калмыков об ином / подводном мире.

Источники

- Алтн чеежтэ келмрч 2010 — Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с. Сер. Өвкнрин зөөр (Сокровища предков).
- Буутан Санжин 2008 — Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х кн. Кн. 1 / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с. Сер. «Өвкнрин зөөр» (= Сокровища предков). На калм. и рус. яз.
- Седклин күр 1960 — Седклин күр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. 86 х.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 с.
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс. 2-гч боть / запись и сост. Бембеевой А. Ц. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1968. 267 с.
- Хальмг туульс 1974 — Хальмг туульс. 4-гч боть / сост. Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элиста: Респ. тип. Управления по делам изд-в, полиграфии и книжной торговли Совета министров Калмыцкой АССР, 1974. 274 с.

Литература

- Болдырева 2018 — *Болдырева И. М.* Трехмирие в героическом эпосе «Джангар» и сказочной традиции калмыков (на материале архивных аудиозаписей КалмНЦ РАН) // Монголоведение. 2018. № 10(3). С. 140–155. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-14-140-155
- Горяева 2025a — *Горяева Б. Б.* Мотив верхнего мира в калмыцких волшебных сказках // Новый филологический вестник. 2025. № 1(72). С. 324–331.
- Горяева 2025b — *Горяева Б. Б.* Мотив нижнего мира в калмыцких волшебных сказках // Новый филологический вестник. 2025. № 3(74). С. 469–477.
- Добровольская 2009 — *Добровольская В. Е.* Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2009. 224 с.
- Манджиева 2005 — *Манджиева Б. Б.* Сказание о Номо Тексег хане «как предтеча» «Джангара» // Исследователь монгольских языков: к юбилею Б. Х. Тодаевой. Сер. «Калмыцкая интеллигенция». Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 106–110.
- Надбитова 2011 — *Надбитова И. С.* Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: Джангар, 2011. 260 с.
- Неклюдов 1990 — *Неклюдов С. Ю.* Усун-хадын эзен // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 551.
- Неклюдов 1994 — *Неклюдов С. Ю.* Ойрат-калмыцкая мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 тт. Т. 2: К–Я / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. С. 247–248.
- Неклюдов 2002 — *Неклюдов С. Ю.* Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира // Признаковое пространство культуры / ред.: Виноградова Л. Н., Узенева Е. С., отв. ред.: Толстая С. М. М.: Индрик, 2002. С. 21–31.
- Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / научн. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- Скрынникова 2003 — *Скрынникова Т. Д.* Символическое сакральное пространство бурятского фольклора // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации / сост. М. Г. Туров. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 59–90.
- Содномпилова 2009 — *Содномпилова М. М.* Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
- СУС 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Убушиева 2011 — *Убушиева Д. В.* Мотив преодоления водного пространства и преодоления пути посредством скачек (на материале песен Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Монголоведение (Монгол судлал). 2011. Т. 5. № 5. С. 302–308.
- Убушиева 2017 — *Убушиева Д. В.* Водный мир в сказках астраханских и донских калмыков // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 4(4). С. 49–81. DOI: 10.22162/2587-6503-4-4-49-81
- Убушиева 2018 — *Убушиева Д. В.* Космогонические мотивы в прологе эпоса «Джангар» // Новый филологический вестник. 2018. № 3(46). С. 35–45.
- Убушиева 2020 — *Убушиева Д. В.* Архетипический концепт «вода» в ранних образцах калмыцкого эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2020. № 6(80). С. 95–106.
- Эрдниев 1985 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.

УДК / UDC 294.321+930.253+821.51

Легендарные повествования о бодхисаттве Авалокитешваре (К сравнению сюжетов 1-й части «Мани-камбума» и «Сутры о мудрости и глупости»)

*Деляш Николаевна Музраева*¹

Legendary Stories of the Bodhisattva Avalokiteshvara (On the comparison of the plots of Part 1 of “Mani- Kambum” and “The Sutra of the Wise and the Fool”)

*Deliash N. Muzraeva*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Pishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Leading Research Associate

 0000-0002-8619-9369. E-mail: deliash[at]mail.ru

Аннотация. *Введение.* В данной публикации представлены результаты сравнения текстов двух известных сочинений «Мани-камбума» и «Сутры о мудрости и глупости» (или «Дзанлундо»). «Мани-камбум», как известно, представляет собой собрание текстов, приписываемых тибетскому царю Сронцзан-гампо (VII в.), которые посвящены культу Бодхисаттвы сострадания Авалокитешваре. При анализе состава и содержания 1-го раздела «Мани-камбума», включающего 36 повествований на разные сюжеты, неминуемо возникают ассоциации со сходными сюжетами и персонажами, встречающимися в тибетском «Дзанлундо» (или «Сутре о мудрости и глупости»). *Материалы.* Для сравнения взяты тексты 1-го цикла из 36 повествований «Мани-камбума» по ойратскому списку из библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (шифр Calm D 22) и ойратский текст «Моря притч» в переводе Тугмюда-гавджи. *Результаты.* В данной работе приводятся транслитерация и русский пере-

вод ряда глав из «Мани-камбума», при этом приводятся отсылки на главы «Моря притч», в которых присутствуют сходные сюжеты.

Ключевые слова: буддизм, письменные источники, «Мани-камбум», 1-я часть, Авалокитешвара, легендарные повествования, «Сутра о мудрости и глупости», сюжеты

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Музраева Д. Н. Легендарные повествования о бодхисаттве Авалокитешваре (к сравнению сюжетов 1-й части «Мани-камбума» и «Сутры о мудрости и глупости») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 146-155. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-4-36-146-155

Abstract. Introduction. This publication presents the results of a textual comparison of two well-known works: the “Mani-kambum” and the Sutra of the Wise and the Fool (or Zanolundo). The “Mani-kambum” is a collection of texts attributed to the Tibetan king Srontsang-gampo (7th century) dedicated to the cult of the Bodhisattva of compassion, Avalokiteshvara. When analyzing the composition and content of the first section of the “Mani-kambum”, which includes 36 narratives on various subjects, associations inevitably arose with similar plots and characters found in the Tibetan Zanolundo (or Sutra of the Wise and the Fool). *Materials.* For comparison, the texts of the first cycle of 36 narratives of the “Mani-kambum” were taken from the Oirat manuscript stored in the library of the Faculty of Oriental Studies at St. Petersburg State University (code Calm D 22), and the Oirat text of “The Sea of Parables” translated by Tugmyud-gavdzhi. *Results.* This paper presents the transliteration and Russian translation of several chapters from the first part of the “Mani-kambum”, including references to chapters of “The Sea of Parables” that contain similar plots.

Keywords: Buddhism, written sources, Mani-kambum, Part 1, Avalokiteshvara, legendary narratives, Sutra of the Wise and the Fool, plots

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy project no. 123021300198-4 “Universals and Specificity of Traditions of Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”.

For citation: Muzraeva D. N. Legendary Stories of the Bodhisattva Avalokiteshvara (On the comparison of the plots of Part 1 of “Mani-Kambum” and “The Sutra of the Wise and the Fool”). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2025. No. 4. Pp. 146–155. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-4-36-146-155

1. Введение

Бодхисаттва Авалокитешвара является одним из самых почитаемых монгольскими народами божеств буддийского пантеона, что нашло отражение в образцах сочинений девиционального (культового) характера. Они представлены в составе канонического свода Ганджур на монгольском языке [Музраева 2025а]. Ярким примером отражения культа бодхисаттвы Авалокитешвары может послужить сочинение «Мани-камбум», представляющее собой собрание текстов, которые приписываются тибетскому царю Сронцзан-гампо (VII в.). Исследователи, рассматривавшие тексты сборника

«Мани-камбум», выделяют три больших цикла: 1) «Цикл сутр» (тиб. *mdo skor*), который содержит жизнеописания и легендарные повествования о деяниях Авалокитешвары и царя Сонгцэн-гампо; 2) «Цикл садхан» (тиб. *sgrub thabs kyi skor*), содержащий литургические сочинения, описывающие ритуалы и медитативные практики культа Авалокитешвары и 3) «Цикл наставлений» (тиб. *zhal gdams kyi skor*) [Кантор 2013: 45–46]. В данном исследовании рассматриваются тексты первой части, включающей 36 повествований на разные сюжеты, в которых главным действующим персонажем выступает Великий Милосердный Всевидящий Оком, т. е. Бодхисаттва сострадания Авалокитешвара. Наше знакомство с этим памятником началось с первых двух глав этого цикла [Музраева 2023]. Примечательно, что первый рассказ-повествование начинается с описания Сукхавати [МКО: л. 1b], райской страны Будды Амиабхи — духовного отца Авалокитешвары [Музраева 2023]. В этой же главе дано описание Будды Амиабхи и перечисляются его способности [Музраева 2023: 64–68]. Во второй главе излагается история чудесного рождения юноши из цветка лотоса [МКО: л. 3b (5–7)]. Этот юноша был одним из воплощений бодхисаттвы Авалокитешвары [Музраева 2023: 72]. В 34-й главе первой части «Мани-камбума» описаны деяния бодхисаттвы как покровителя Тибета. Ее содержание сводится к легенде о том, что тибетцы являются потомками повелителя обезьян и демоницы скалы [Музраева 2025б].

При анализе состава и содержания первой части сочинения «Мани-камбум» становится ясно, что ряд сюжетов имеет сходство с сюжетами, представленными в известном сочинении «Дзанлундо» или «Сутра о мудрости и глупости».

2. Материалы и методы

Материалом для сравнения послужили тексты 1-го цикла «Мани-камбума» по ойратскому списку, хранящемуся в коллекции монгольских книг библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (шифр Calm D 22) [МКО]. Он описан в каталоге библиотечной коллекции [Uspensky 2001: 252]. Для сравнения привлекался ойратский перевод «Моря притч» (1968 г.), автором которого является калмыцкий буддийский священнослужитель Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиев) (1887–1980) [ТГ; Музраева 2017а; Музраева 2017б]. Следует отметить, что первый перевод на ойратский язык был осуществлен Зая-пандитой Намкай Джамцо (1599–1662) [ЗР]. Далее в качестве примера приведем тексты ряда глав (в транслитерации и переводе) из ойратского списка «Мани-кабума», а также рассмотрим сюжеты, имеющие сходство с сюжетами из «Сутры о мудрости и глупости».

3. Фрагменты из 1-й части «Мани-камбума» на ойратском языке

В 27-й главе «Мани-кабума» представлена история о пятистах торговцах, оказавшихся на материке ракшас-демониц. Им удалось спастись бегством с этого материка благодаря царю лошадей Бхалахе — воплощению Бодхисаттвы Всевидящего Оком.

Глава 27

[59b:20] om ma (22) ni pad me hum[:] bodhi-sadv xütoqtu nidü/bēr üzeqçi ereketü: gadädü dalan yadana (24) eme rakša orošoiqsan zes tib kemëkü büyidü (25) taban zoün xüdaldačini daxül[u]n dalai-ēce (26) eredeni abaxā odüqsan-dü: ülü talaxü (27) salkin ongyoco sali rakša-yin zes tib-tü (28) aban odči: üsüni zaxadü küriqsan-dü tabün (29) zöün eme rakša tabün zoün zalaļü emeyin [60a:1] beye-{bēr} xübilün tede xüdaldačini ömönö-ēce (2) üqtüji: zampara modün buyin deregedü (3) tedendü eyin kemën ügüülebei: ta ere ügei (4) manai ere bol: tandü idën ügün undā ügümüi (5) kim[e]gēd: eme rakša tede niļēd xüdaldači (6) abun odboi: eme rakša tede dēdü zoün (7) amtatü idën-yēr xangyan üledbei: tede/-lügē söni xamtü untün: eme untuqsan xoyino (9) inēn bosboi: tendü xüdaldačini noyon yoün (10) bui kemën asayaqsan-dü: eme noyir serel-gül (11) ügegüye ene eme rakša-yin tib mün:: (12) ta šine xüdaldačiyin ireqsan-dü xoüčün zoün (13) xüdaldučini tümür balyasün-dü orülād (14) amidü-bēr alan nöqčibe kememüi: tende/-ēce xoda{ }duči noyon tere eme rakša (16) üntüyadülxüi-tür kemëkü noyir-yēr (17) daran üyiledēd: söni bosün odüqsan-dü (18) tümür balyasün-dü olon xüdaldučini oroü/lün: zarimüüd ükün zarimüüd ükül ügegüye (20) axüyin maxa eme rakša-nar idën amüi: basa (21) emeyin deregedü kebetēd yeke eke šing/-ka-la eme rakša-yin tib-ēce tonilxü arya (23) yoün bui kemën asayüqsan-dü: basa eme noyir sir/gül ügegüye: šing-ka-la emeyin tib-ēce tonilxü-dü: (25) bodhi-sadv xütüqtü nidübēr üzeqçi-yin (26) xübilyan moreni xān bha-la-ha kemën čü ügüülün: (27) üülēni küčitü kemën čü ügüülekü: rakša rali (28) übüsü kemëküi idën: altan elesüni taldü ina{q}ši [60b:1] činaqši yuraban-ta külbürin üyiledči beyebēn šile/gēn üyiledēd: činadü ken yabaxü bui eme rakša-yin (3) tib-ēce toniloxoi küseqčin ken bui: nada-ēce bari (4) kemën irekü toün-ēce barixülā: tung yaqca üsün-ēce (5) bariba čü tonilxü: eme noyir serēd kümüni beye (6) aran küyitön xamiyā odba kemēqsan-dü: yadana o/dküni orqkixo odoqsan-{dü} beyē körbei: kemën (8) ögüülebei: tendē-ēce xodaldočini noyon mana/yār xamoq xodaldočini xorāji ene tib eme (10) rakša-yin tib aļiyōi: bida yorabon xonoqtü (11) moreni xān bha-la-ha kemëkü-ēce bariji toni/laxu mün: eme rakša-noyoüd-tü bü tačā xoyiši (13) bü xara kemën oğüülebei: yorbon xonoqsoni (14) manayār morini xān bha-la-ha iraqsen-{dü} odori/doqči noyon irēd onon busu-noyoüdi ali (16) čidaxü-bēr bariqsan-dü: šang-ka-la-yin tib (17) dolgison küdülebei: eme rakša-noyoüd mede/ji uyilan duudaqsan-dü: eme rakša-dü tačāji (19) xoyiši xaraqsan bügüde ina{q}ši onan rakša abči (20) idebei: ese tačāqsan-noyoüd öbörön yaza/ratü kürün morini xān bha-la-ha üzeqdel (22) ügei odbai: üdüridaqči noyon teregüü/ten öbör öböröyin yazartü kürči ecege (24) eke terigüüten xamoq-lüyā zolyon maši (25) bayasxolang bolboi: **yeke nigüülesüqçi (26) šang-ka-la-yin tibtü üzüüleqsan bülüq (27) inü xorin doladoyār büi:: : :**

Перевод

[59b] Ом ма ни пад ме хум. Бодхисаттва Великий Святой Всевидящий Оком [увидел], как на материк из желтой меди, находившийся по другую сторону внешнего океана, на котором обитали ракшаси¹, собравшись, пять-

¹ Ракшаси — демоницы-людоедки.

сот торговцев (купцов), отправились раздобыть драгоценности из океана. Неблагоприятный ветер унес корабль в сторону медного материка ракшас. Когда достигли берега (букв. края воды), их встретили пятьсот ракшаси, обернувшись в женщин. Выйдя навстречу пятистам торговцам, рядом с деревом зампара произнесли:

— Вы станьте мужьями для нас, не имеющих мужей. Мы дадим вам еды, дадим еды, — сказав так, каждая из ракшаси взяла себе по одному торговцу и увела с собой. Те ракшаси удовлетворили их сотней видов угощений. А ночью легли с ними спать.

Женщина-ракшаси, после того, как уснула, пробудилась со смехом. Тогда предводитель торговцев спросил у нее:

— В чем дело? — когда спросил, то женщина, не просыпаясь, ответила: Это воистину материк ракшаси. Поскольку вы — вновь прибывшие торговцы, то прежних сто торговцев поместят в железный город, еще живыми убьют и избавятся [от них].

Вслед за этим предводитель торговцев усыпил ракшаси, встал посреди ночи и направился [в железный город]. В железный город заключили множество торговцев. Некоторые из них погибли, а мясо тех, кто еще не умер, поедали ракшаси.

[Вернувшись,] вновь лег рядом с женщиной-ракшаси и спросил:

— Есть ли способ спастись с этого материка великой ракшаси Шинкалы?!

И вновь, женщина, не просыпаясь, [отвечала:]

— Чтобы спастись с материка [ракшаси] Шинкалы, говорят о воплощении Бодхисаттвы Святого Всевидящего Оком, царе лошадей по имени Бхалаха, о котором сказывают, что наделен силой облака. Поедая сено (траву) ракша рали, на равнине из золотого песка, трижды перевернувшись туда и обратно, отряхнувшись, [он] явится с такими словами: «Кто хочет отправиться по другую сторону? Кто желает спастись с материка ракшаси? Держитесь за меня!». Если ухватитесь за него, даже если будете держаться за один его волос, то спасет.

Женщина, проснувшись, [поняла, что] спина человека стала холодной, спросила:

— Куда ходил?

— Вышел наружу, чтобы помочиться, так и замерз, — ответил.

Вслед за этим поутру предводитель торговцев, собрав всех купцов, сказал:

— Этот материк — материк ракшас. Мы через трое суток, ухватившись за царя лошадей Бхалаху, воистину так спасемся. Не проявляйте привязанности к ракшаси, не оборачивайтесь. По прошествии трех суток, утром, когда явился царь лошадей Бхалаха, предводитель пришел, сел на него верхом и, приложив все силы, схватил всех остальных. Материк Шинкалы затрясся. Ракшаси, все поняв, разрыдались и стали взывать. Все те, кто, испытывая привязанность к ракшаси, обернулись, упали в сторону, [их] хватили и поедали. Все те, кто не проявил привязанности к ракшаси,

достигли своей земли. Царь лошадей Бхалаха скрылся из виду. [Торговцы] во главе с нойоном-предводителем добрались каждый до своих родных мест, встретившись со всеми во главе с родителями, испытали великую радость. Это двадцать седьмая глава, о том, как Великий Милосердный [проявился] на материке Шинкалы.

В «Море притч», переведенном Тугмюд-гавджи, сюжет о пятистах купцах мы обнаруживаем в 15, 30 и 33-й главах.

В 15-й главе, в которой «восхваляются достоинства [того, кто] удалился наилучшим образом» (т. е. решил стать монахом), дважды упоминается история о пятистах купцах. В ней повествуется о домохозяине по имени Сарпаг Чингби родом из города Раджагрихи. О нем речь заходит в связи с его супругой, обладавшей прекрасной внешностью, к которой он относился с большой нежностью [TG: 75a–75б; Музраева 2017a: 79]. Когда настал момент Сарпагу отправляться в море, он не смог оставить жену, взял ее с собой и вместе с пятьюстами купцов вышел в море. О том, как вела себя супруга, описывается так: «его жена то и дело связывала вместе кончики трех деревяшек, сооружала что-то вроде подставки, внутрь помещала зеркальце и смотрелась в него. Смотрясь в зеркало, видела свое прекрасное отражение, отчего зарождалась сильная привязанность» [TG: 75б; Музраева 2017a: 79]. Когда корабль с купцами столкнулся с огромной черепахой, та стала царапать корабль и повредила его. Так погибли пятьсот купцов. Их судьба оказалась плачевной, об этом в данной главе сказано следующим образом: «В соответствии с качеством закона моря останки умерших не оставляются [на] сутки, подталкиваемые водой, оказываются на берегу моря» [TG: 75б; Музраева 2017a: 79]. Эту историю завершают строки, в которых звучит мораль: «Живые существа, когда умирают, получают рождение в том [обличье], к чему имели привязанность» [TG: 75б; Музраева 2017a: 79]. Подтверждением этому может послужить фрагмент, описанный в этой же главе, но истории, ранее представленной. В нем описывается, как Маудгальяяна и гелюнг Балджи увидели на берегу океана труп женщины, по которой ползала змея. Объяснением увиденной картины стали такие слова Маудгальяяны: «Жена того домохозяина Сарпага в силу того, что была привязана к своему телу, после того как наступил срок жизни, вновь переродилась в змею, [ползающую] на теле той женщины» [TG: 78; Музраева 2017a: 80].

Интересно отметить, что в этой же 15-й главе история о пятистах купцах упоминается повторно, но уже как иллюстрация к истории про морское чудовище матара (от санскр. *makara*). Как следует из текста «Моря притч», в матаров могут перерождаться после того, как умрут, даже цари и сановники, «в силу своей власти и могущества отнимавшие жизни у живых существ или же совершавшие деяния, из-за которых разлучаются с чем-то дорогим, либо деяния, наносящие вред живым существам» [TG: 80б; Музраева 2017a: 82]. О матарах сказано, что они спят сто лет, а когда просыпаются, то раззевают свою пасть, и тогда в нее устремляются потоки морской воды. В данной истории купцы отправились на море в поис-

ках драгоценностей. Оказавшись посреди моря, повстречались с матаром, который хотел есть и разинул пасть. Корабль купцов стал стремительно приближаться к пасти матара [TG: 806; Музраева 2017а: 82]. В такой отчаянной ситуации купцы стали громко кричать, рыдать, попеременно призывать тенгриев (небожителей), близких родственников. В самый последний момент, когда они почти оказались в пасти морского чудовища, произнесли слова: «Поклоняемся Будде». Сразу же после этого матар прикрыл пасть, и купцы были спасены. Как следует из текста главы, в матара превратился царь по имени Чоджи Пагба по той причине, что когда-то убил человека [TG: 806–81а; Музраева 2017а: 82].

В 30-й главе «Моря притч» пятьсот купцов во главе с сыном брахмана по имени Джимбе Чимби отправились в море добыть драгоценности [TG: 171а–172б; Музраева 2017а: 138–139]. Этим юношей двигала благородная цель — отыскать драгоценностей как можно больше, чтобы оказать пользу множеству бедных и нищих. Выслушав разные советы, он решил, что единственный выход — это отправиться в море. С этой целью он обратился к людям: «Я отправляюсь добыть из моря драгоценностей. Те из вас, кто пожелает, давайте отправимся вместе. Я буду и нойоном-руководителем, и все необходимое я подготовлю» [TG: 171а; Музраева 2017а: 138]. На призыв юноши отозвалось пятьсот человек. В этой главе описываются проводы отправлявшихся в долгий путь: «их провожали родители юноши, а также царь, царевич, сановники и все люди. Родители, рыдая, совершили последнее моление» [TG: 171а; Музраева 2017а: 138]. Это было еще не отправление в плаванье, поскольку из текста следует, что сначала они достигли пустыни, где заночевали и где на них напали разбойники и отобрали все имущество. Затем эта группа отправилась дальше и достигла города Ашубур (Нгашувар), где юноше удалось заручиться поддержкой брахмана Гаджили (Кацили) в обмен на обещание по возвращении жениться на его дочери. Брахман же не только дал юноше три тысячи мер золота, но и приготовил все необходимое для плавания. До отплытия прошло семь дней, в каждый из которых юноша увещевал своих спутников отказаться от путешествия, если они испытывают привязанность к родителям, женам, братьям, сестрам и родственникам. Наконец, дождавшись попутного ветра, подняв паруса, они отправились в плаванье и вскоре достигли материка с драгоценностями. Поскольку Джимбе Чимби был сведущ в распознавании драгоценностей, он разъяснил купцам, какие следует брать, а какие не стоит. Когда все драгоценности погрузили на корабль и собирались отплыть, юноша сообщил спутникам, что остается ради драгоценности чиндамани, которая находится во дворце драконов. Но чтобы успокоить купцов, он совершил подношение четырем сторонам света и прознес благопожелание о благополучном возвращении купцов домой. Благодаря этому они вместе с драгоценностями спокойно вернулись домой. Как следует из заключительной части 15-й главы «Моря притч», юношей Джимбе Чимби в одном из прошлых перерождений был сам Будда.

Сюжет о купцах повторяется в 33-й главе «Моря притч», где главным действующим лицом является царевич Гедун [TG: 192a–195a; Музраева 2017a: 152–154]. Он тоже, как и сын брахмана Джимбе Чимби из 15-й главы, задался целью раздобыть из моря много драгоценностей и раздать в качестве подаяния бедным и нищим столько, сколько пожелают [TG: 192a; Музраева 2017a: 152]. Царь и царица не хотели отпускать сына, но вынуждены были согласиться с его доводами. Далее, как и в 15-й главе, повторяется момент, когда будущий предводитель купцов объявляет о своем намерении выйти в море и предлагает всем, кто пожелает, присоединиться к нему. На его призыв откликнулись пятьсот купцов. Сопровождать его вызвался также и сводный младший брат, рожденный от второй царицы. В этой главе так же, как и в 15-й, повторяется история, когда на протяжении семи дней царевич взывал к своим спутникам, если есть сомнения, остаться. Но, пожалуй, наиболее веским аргументом стали такие слова царевича: «Если готовы рискнуть жизнью, не [испытывая] привязанности ни к кому — ни к родителям, ни к сыновьям, ни к женам, ни к родственникам, достигнув материка драгоценностей, благополучно возвратимся, то на протяжении семи поколений и после не будете знать нужды» [TG: 194a; Музраева 2017a: 154]. Когда купцы достигли материка драгоценностей, царевич объяснил, какие следует собирать, какие хорошие, а какие плохие, а также указал на их размеры. Младший же брат посоветовал купцам брать как можно больше драгоценностей. Последствия были печальными: из-за того что купцы набрали много драгоценностей, а они были тяжелы, то некоторые из них утонули вместе с кораблем. Царевич Гедун, который раздобыл драгоценность чиндамани, остался жив и помог своему младшему брату. В последующем эта драгоценность помогла царевичу исполнить все желания людей и настроить их на путь десяти добродетелей [TG: 201a; Музраева 2017a: 158]. Как следует из заключительных строк 33-й главы, царевичем Гедуном в одном из прошлых рождений был Будда.

В 30-й главе «Мани-кабума» приводится имя царя «Не рожденный враг» (букв. перевод тиб. *ma skyes dgra*), указывающее на индийского царя Аджаташатру, который упоминается в 6-й главе «Моря притч», повествующей о юноше Гангадаре [TG: 236; Музраева 2017a: 40].

Глава 30

[61b:18] om̄ ma ni (19) padme huṃ: xütoqtü nidübēr üzeqči (20) ereketü: yeke nigüülesüqči: zabsār (21) ügei üledüqsen kümün-dü nigüülesküi-bēr (22) üzekülē: mayada oroni abxü balyadtü (23) **dürastü zürükün** xāni kübüün **ese töröqsön** (24) **dayison**: ecege alaqsan üyileyin bolbosoraqsan (25) üre-bēr küyiton tamdü: töröd maši enelün (26) zobaxoi-dü: xotoqtü nidübēr üzeqči (27) ereketü nigüülesküi nidübēr üzēd: (28) alyoqsan šakyamüni-dü xobilyan biye-ēce (29) genel sacürüülād: om̄ ma ni pad me (30) huṃ: kemēn ögüüleqsen-dü: küyiton [62a:1] tamüyin zobolong ar[i]lji yelbe metü bur/xani tälal uryon bodhi xutuq olboi: **ese törüq/sön dayison küyiton tamu-ēce toniloqsan** (3) **büloq inü yučiduyār büi:: :**

Перевод

[1b] Ом ма ни пад ме хум. Могущественный Святой Всевидящий оком, не переставая наблюдать со своим милосердием за людьми, когда увидел, как в городе Магадхе царевич по имени Дурасту Зурекен в силу того, что созрел плод от совершенного убийства своего отца [по имени] «Не рожденный враг», переродился в холодном аду, где испытывал невероятные страдания. Могущественный Святой Всевидящий оком узрел [это] своим милостивым взором, превратился в Шакьямуни, испуская сияние от своего тела, когда произнес «Ом ма ни пад ме хум», то избавился от страданий холодного ада, взрастил подобное иллюзии благоволение Будды и обрел святость просветления. Это тридцатая глава о том, как «Не рожденный враг» был спасен из холодного ада.

В 31-й гл. «Мани-кабума» вкратце изложена история Обладателя четками-пальцами.

Глава 31

[62a:5] om̄ ma ni padme huṃ: bodhi-sadv nigüüles/küyin ezen xutoqtü nidbēr üzoqçi: (7) oxor oroni xoryon erketü-du: buruü (8) üzeltei teris mingyan kümü alaxolā burxan bolxu (9) kemēqsen-du: yesen zoün yeren yesen kümü (10) alād: nigen kümü dutaḡi eke alxoi toürbiqsan/-du: nigüülesküi ezen nid[ü]bēr üzüqçi (12) nigüülesküi-bēr üzēd: sayitar duüsoqsan (13) burxan-du xübilḡi tamuyin arban nayiman oron-dü (14) orčilonggiyin zobolong edeleküi-du: (15) om̄ ma ni pad me huṃ: kemēn ögüüleqsen/-du: xaluün tamuyin zobolong-ēce (17) tonilun amuyuuüüng-gi olon: arslani (18) küčini tālal uryoḡi dēre bodhi хотуq (19) olboi: **хорҫон еркитойин болоq ину yočin (20) nigedügēr bui:: : ::**

Перевод

[1b] Ом ма ни пад ме хум. Бодхисаттва Владыка милосердия Святой Всевидящий оком [увидел], как Обладателю четками [из] пальцев было сказано, если убьет тысячу еретиков с неправедными воззрениями, то станет буддой, и тогда он убил девятьсот девяносто девять человек. Когда не хватило еще одного человека, то решил убить свою мать. Владыка милосердия Святой Всевидящий узрел это своим милосердием, превратился в Будду, когда [тот] испытывал страдания сансары, пребывая в области всезнадцати ад, произнес «Ом ма ни пад ме хум», то избавился от страданий горячего ада, возросло благоволение силы льва, обрел высшее просветление. Это тридцатая первая глава об Обладателе четками [из] пальцев.

Примечательно, что в «Море притч» мы встречаем более полную версию этой истории, которая изложена в 36-й главе о Мидунгбо [TG: 214a–229b; Музраева 2017a: 168–181].

4. Заключение

Первая часть сборника буддийских текстов «Мани-камбум» на ойратском языке состоит из повествований, в которых описываются деяния

бодхисаттвы Авалокитешвары, принимающего различные воплощения. В этих повествованиях встречаются сюжеты, имеющие сходства с сюжетами «Сутры о мудрости и глупости». При сравнительном анализе текстов «Мани-камбума» и «Моря притч» в переводе Тугмюд-гавджи можно отметить сюжет о пятистах купцах, изложенный в 27-й главе первого сочинения и присутствующий в канве повествования в 15, 30 и 33-й главах «Моря притч». История об Обладающем четками-пальцами, кратко изложенная в 31-й главе «Мани-кабума», в более развернутом виде содержится в 36-й главе «Моря притч».

Таким образом, присутствие одних и тех же сюжетов в 1-й части «Мани-камбума» и «Сутре о мудрости и глупости» говорит о том, что эти сюжеты, известные по более ранним памятникам и фольклору, могли быть использованы авторами-составителями при создании этих двух сочинений.

Источники

- МКО — *Mani kambum*, 1 (Мани-кабум. Ч. 1). Рукопись на ойратском языке // Научная библиотека Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Calm D 22. 86 л.
- TG — *Oulgurun dalai* ('Море притч'). Рукопись перевода Тугмюд-гавджи на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг») // ИА КалмНЦ РАН. Ф-8 (Фонд редких рукописей). Оп. 1. Ед. хр. 2. Тетради 1–4. 289 л.
- ZP — *Oirat Version of Damamukonamasutra. Uligeriyin dalai* // *Corpus Scriptorum Mongolorum*. Т. XVI. Fasc. 2. *Ulayanbayatur*, 1970. 120 p.

Литература

- Кантор 2013 — *Кантор Е. А.* «Мани-кабум» в Тибете и Монголии // *Mongolica*-XI. 2013. С. 45–51.
- Музраева 2017а — *Музраева Д. Н.* «Море притч». Ойратский перевод Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева). В 2 кн. Кн. 1 / предисл., пер. на русский язык, коммент., глоссарий Д. Н. Музраевой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 242 с.
- Музраева 2017б — *Музраева Д. Н.* «Море притч». Ойратский перевод Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева). В 2 кн. Кн. 2. Факсимиле рукописи. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 290 с.
- Музраева 2023 — *Музраева Д. Н.* Описание райской страны Сукхавати (по ойратскому переводу «Мани камбума») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 3. С. 60–76.
- Музраева 2025а — *Музраева Д. Н.* Тексты из состава монгольского Ганджура, посвященные Бодхисаттве сострадания Авалокитешваре // Новый филологический вестник. 2025. № 2 (73). С. 339–345.
- Музраева 2025б — *Музраева Д. Н.* Деяния бодхисаттвы Авалокитешвары как покровителя Тибета, описанные в «Мани-камбуме» (на материале 34-й главы 1-го тома ойратского перевода) // *Oriental Studies*. 2025. № 3. С. 598–613. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-598-613
- Сутра 1978 — *Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо)* / Пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. 2-е изд. М.: Наука. ГРВЛ, 1978. 320 с.
- Uspensky 2001 — *Uspensky V. L.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by V. L. Uspensky. Tokyo: ILCAA. (University of Tokyo Press Production Centre). 2001. 530 p.

УДК / UDC 314.7

Миграционные процессы на Дальнем Востоке на современном этапе¹

Глеб Вадимович Латыш¹

Migration Processes in the Far East at the Present Stage

Gleb V. Latish¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (стр. 1, д. 82, пр. Вернадского, 119571 Москва, Российская Федерация)

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, build. 1, Vernadsky Ave., 119571 Moscow, Russian Federation)

аспирант

Postgraduate Student

 0009-0001-8857-6252. E-mail: gleblatish[at]yandex.ru

Аннотация. Целью настоящей работы является исследование миграционных процессов на Дальнем Востоке, выявление их причин и последствий, а также разработка предложений по улучшению текущей ситуации. Особое внимание уделяется причинам текущего уровня миграционного прироста (убыли), последствиям и возможным путям решения возникающих проблем. Дальневосточный федеральный округ сталкивается с рядом демографических и экономических вызовов, связанных с географической удаленностью, сложными климатическими условиями и низкой плотностью населения. Эти факторы способствуют эмиграции населения, особенно молодежи и высококвалифицированных специалистов, что негативно сказывается на социально-экономическом развитии региона. В рамках данной работы подчеркивается необходимость координации усилий федеральных и региональных властей, а также активного участия бизнес-сообщества и общественных организаций в решении миграционных вопросов. Предложенные рекомендации направлены на создание условий для устойчивого развития региона, роста численности населения и повышения качества жизни в Дальневосточном федеральном округе, что безусловно является

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Латыш Г. В. (Latish G. V.), 2025

одним из ключевых факторов региональной, а также государственной безопасности и обеспечения экономического развития страны.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, иммиграция, Дальний Восток, миграционный прирост

Для цитирования: Латыш Г. В. Миграционные процессы на Дальнем Востоке на современном этапе // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 156–168. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-156-168

Abstract. The *purpose* of this work is to study migration processes in the Far East, identify their causes and consequences, and develop proposals to improve the current situation. Special attention is paid to the causes of the current level of migration growth (decrease), the consequences and possible ways to solve emerging problems. The Far Eastern Federal District is facing a number of demographic and economic challenges related to geographical remoteness, difficult climatic conditions and low population density. These factors contribute to the emigration of the population, especially young people and highly qualified specialists, which negatively affects the socio-economic development of the region. This work highlights the need to coordinate the efforts of federal and regional authorities, as well as the active participation of the business community and public organizations in addressing migration issues. The proposed recommendations are aimed at creating conditions for the sustainable development of the region, population growth and improving the quality of life in the Far Eastern Federal District, which is undoubtedly one of the key factors of regional, as well as state security and ensuring the economic development of the country.

Keywords: migration, emigration, immigration, the Far East, migration growth, migration processes

For citation: Latish G. V. Migration Processes in the Far East at the Present Stage. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 4. Pp. 156–168. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-156-168

1. Введение

Дальний Восток представляет собой регион с уникальным природно-ресурсным потенциалом, важным транзитным положением, богатой историей и сравнительно низким уровнем антропогенной нагрузки. Однако, несмотря на большой потенциал, регион сталкивается с неоднозначными демографическими процессами, вызванными в том числе высоким уровнем миграционного оттока населения. Ситуация усугубляется сложными географическо-климатическими условиями, отдаленностью от наиболее экономически развитых регионов страны и сравнительно низким уровнем развития инфраструктуры и социально-экономического развития региона.

Особую актуальность исследованию придает парадоксальное сочетание двух взаимосвязанных процессов: интенсивного оттока местного населения в центральные регионы страны и одновременного притока иностранной рабочей силы из сопредельных государств [[Численность и миграция населения РФ](#)]. Такая двойственность миграционной динамики формирует комплекс проблем, затрагивающих все сферы регионального развития — от демографической стабильности до экономической безопасности.

Миграция населения оказывает значительное влияние на большинство сфер регионального развития, начиная от рынка труда и заканчивая социальными структурами. Проблемы, связанные с миграционным оттоком, становятся все более ощутимыми, поскольку они ведут к сокращению численности трудоспособного населения, ухудшению демографической структуры и снижению уровня экономической активности. Особенно остро стоит вопрос об утрате квалифицированных кадров, что препятствует развитию высокотехнологичных отраслей и инноваций.

Одной из основных причин миграционного оттока является сравнительно низкий уровень жизни в регионе [Митрошин 2023: 16]. В этой связи жители Дальневосточного федерального округа (ДФО) предпочитают более экономически развитые субъекты федерации, такие как Москва, Санкт Петербург и т. д. Ограниченные возможности трудоустройства, сравнительно невысокие заработные платы, слаборазвитая жилищная и транспортная инфраструктура заставляют многих жителей региона искать более перспективные для проживания регионы Российской Федерации или другие страны.

Вместе с тем по ряду причин регион уже долгое время является привлекательным для мигрантов из соседних стран, таких как Китай, Корея и Япония и стран СНГ, однако данная тенденция имеет амбивалентный характер. Так, с одной стороны, иностранные рабочие помогают компенсировать нехватку трудовых ресурсов, особенно в таких отраслях региональной экономики, как сельское хозяйство, строительство и промышленность. С другой стороны, их пребывание в регион может стать причиной социальной напряженности, связанным с вопросами адаптации и интеграции мигрантов в социальную систему региона.

Вопросы миграционной политики приобретают особую значимость в контексте государственной стратегии по освоению и развитию северных и восточных территорий России. Стратегия предполагает активизацию инвестиционных проектов, развитие транспортных коридоров и создание специальных экономических зон. Однако успех этих инициатив во многом зависит от наличия достаточного количества трудовых ресурсов и социальной стабильности региона, что в свою очередь говорит о необходимости рационального подхода к проведению миграционной политики в Дальневосточном макрорегионе с учетом региональных особенностей.

В рамках исследования рассмотрены исторические предпосылки текущих миграционных процессов, современные тенденции и возможные сценарии будущего развития. Особое внимание уделяется вопросам регулирования миграции, формирования эффективной миграционной политики и созданию благоприятных условий для привлечения и удержания квалифицированной рабочей силы.

Таким образом, данная работа направлена на выработку практических рекомендаций, которые помогут стабилизировать демографическую ситуацию в регионе и создать основу для устойчивого социально-экономического роста.

2. Обзор научной литературы

В научной литературе последних лет активно изучаются миграционные процессы и их влияние на демографическое развитие Дальнего Востока России. В своей работе Е. Л. Мотрич выделяет миграционный отток как ключевую причину сокращения населения региона. В период 2018–2020 гг. Дальний Восток потерял значительную часть населения из-за межрегиональной и внешней миграции. При этом миграция в регион могла бы компенсировать естественную убыль, однако миграционный отток усугубляет депопуляцию. Автор подчеркивает необходимость экономических мер, таких как повышение доходов выше среднероссийских уровней, для привлечения и закрепления населения [Мотрич 2022б]. Аналогичные выводы содержатся в исследовании современных тенденций миграции в ДФО, где международная миграция лишь частично компенсирует потери от внутреннего оттока, а изменение ситуации в ближайшей перспективе маловероятно из-за структурных факторов [Мотрич 2022а: 66].

Особое внимание в литературе уделяется роли иностранной миграции. Исследование А. В. Винокуровой и А. Ю. Ардальяновой акцентирует двойственную роль иностранных мигрантов: они смягчают депопуляцию и нехватку трудовых ресурсов, но редко остаются на постоянном месте жительства, ориентируясь преимущественно на временные заработки. Это требует углубленного изучения барьеров для их интеграции, включая социально-экономические условия и миграционную политику [Винокурова, Ардальянова 2023: 19].

Важным аспектом исследований стало влияние пандемии COVID-19 и внешних факторов на миграционные процессы. Анализ Е. Л. Мотрич за 2019–2022 гг. показывает, что пандемия и санкции усилили миграционный отток и естественную убыль населения, связанную с его старением. Отрицательное сальдо миграции из зарубежных стран усугубилось введенными ограничениями на въезд, что подчеркивает хрупкость демографического баланса региона и его зависимость от разных факторов, в том числе и эпидемий [Мотрич 2023: 131].

Все указанные авторы сходятся в необходимости комплексного экономического развития Дальнего Востока. Е. Л. Мотрич предлагает ориентироваться на повышение доходов населения до уровня, сопоставимого с более успешными регионами России [Мотрич 2022а: 64], в то время как А. В. Винокурова и А. Ю. Ардальянова делают акцент на изучении мотивации мигрантов [Винокурова, Ардальянова 2023: 18].

В методологическом плане рассмотренные исследования опираются на данные официальной статистики (Росстат), вторичный социологический анализ и интервью, что позволяет сочетать количественные и качественные методы. Особое внимание уделяется учету возрастной структуры населения, профессионального статуса мигрантов и региональных различий внутри ДВО.

Проведенный обзор литературы выявляет консенсус среди исследователей относительно критической роли миграции в демографической дина-

мике Дальнего Востока. Однако отмечается существенный разрыв между теоретическими выводами ученых и практической реализацией миграционной политики. Для стабилизации демографической ситуации необходимы не только экономические стимулы, но и адаптация миграционного законодательства, а также разработка долгосрочных стратегий интеграции иностранных трудовых ресурсов в социально-экономическую структуру региона.

3. Материалы и методы

Настоящее исследование миграционных процессов на Дальнем Востоке России основано на комплексной методологии, сочетающей количественные и качественные методы анализа. В работе использован междисциплинарный подход, интегрирующий методы демографии, экономики, социологии и регионоведения. Источниковая база исследования основывается на официальных статистических данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за 2018–2023 гг. [[Численность и миграция населения РФ](#)].

Методологическая основа исследования включает несколько взаимодополняющих подходов. Статистический анализ применялся для изучения динамики миграционных потоков, проведения корреляционного анализа взаимосвязи экономических и демографических показателей, а также использования методов демографического прогнозирования [[Микрюков 2023: 68–77](#)]. Сравнительно-исторический анализ позволил осуществить ретроспективный анализ миграционных тенденций, сравнить региональные особенности миграционных процессов и оценить эффективность реализованных программ [[Вишневский 2006: 26–41](#)]. Институциональный анализ включал оценку эффективности миграционной политики и экспертную оценку управленческих решений.

Особое внимание в исследовании уделено верификации данных через перекрестную проверку информации из различных источников. Применение триангуляции методов обеспечило достоверность полученных результатов и минимизировало возможные статистические погрешности. Все используемые методы были адаптированы с учетом специфики дальневосточных территорий и особенностей местного социума, что позволило получить комплексное представление о миграционных процессах в регионе и разработать обоснованные рекомендации по совершенствованию миграционной политики.

4. Результаты

Миграционные процессы на Дальнем Востоке России характеризуются устойчивым оттоком населения, обусловленным комплексом взаимосвязанных факторов структурного характера [[Рязанцев, Лукьянец 2021: 228](#)]. Эмпирические исследования свидетельствуют о доминировании экономических детерминант в миграционном поведении населения региона. Наблюдается выраженная диспропорция в уровне социально-экономиче-

ского развития по сравнению с центральными регионами страны, проявляющаяся в значительном разрыве показателей среднедушевых доходов и ограниченной диверсификации экономики [[Уровень жизни](#)].

Экономические детерминанты миграционных процессов. Регион, обладая значительным природно-ресурсным потенциалом, демонстрирует заметное отставание в темпах экономического развития по сравнению с центральными районами страны [[Рейтинг 2024](#)]. Ключевыми проявлениями данной диспропорции выступают: существенный разрыв в уровне заработной платы [[Уровень жизни 2025](#)], высокая стоимость потребительской корзины при ограниченном товарном предложении [[Стоимость 2025](#)], а также дефицит перспективных рабочих мест в высокотехнологичных секторах экономики [[Погребцова 2024: 74](#)]. Указанные обстоятельства формируют устойчивые миграционные настроения среди экономически активного населения, что подтверждается статистикой оттока трудовых ресурсов в более развитые регионы страны.

Климатические условия, характеризующиеся континентальностью климата (годовая амплитуда температур достигает 60°C [[Климатическое районирование](#)]) и повышенной частотой опасных природных явлений (15–20 % территории подвержено регулярным наводнениям [[Воды суши](#)]), создают дополнительные ограничения для устойчивого развития человеческого капитала. Особенно заметно это воздействие на профессионально-возрастную структуру миграционных потоков.

Анализ образовательной и профессиональной мобильности выявляет устойчивую тенденцию «утечки умов»: большая часть выпускников вузов Дальнего Востока рассматривают возможность трудоустройства в других регионах. Этот процесс усугубляется слабой интеграцией региональной системы образования с потребностями локального рынка труда [[Бравок, Найден 2025: 150–151](#)] и ограниченным присутствием инновационных компаний (менее 5 % от общего числа предприятий [[Погребцова 2024: 74](#)]).

Геополитический фактор, включающий демографическое давление со стороны сопредельных государств, создает дополнительные вызовы для демографической стабильности региона. Проведенный анализ позволяет констатировать, что миграционный отток представляет собой системную проблему, требующую комплексного междисциплинарного подхода к разработке мер региональной политики.

Миграционный отток населения из Дальнего Востока имеет широкий спектр негативных последствий, затрагивающих практически все аспекты общественной и экономической жизни региона.

Современные миграционные тенденции на Дальнем Востоке порождают комплекс взаимосвязанных проблем [[Донец, Чудиновских 2017: 90](#)]. Демографическое старение, вызванное оттоком молодежи, приводит к дисбалансу возрастной структуры населения [[Моисеева, Мищук 2023: 26](#)], увеличивая нагрузку на социальные системы при одновременном сокращении экономического потенциала региона. Это проявляется в:

1) дефиците квалифицированных трудовых ресурсов, что создает существенные ограничения для развития ключевых отраслей промышленности и сельского хозяйства [Бравок, Найден 2025: 150];

2) деградации населенных пунктов [Мазаев 2021: 14], особенно в сельской местности, где наблюдается сокращение социальной инфраструктуры (закрытие образовательных и медицинских учреждений [Шестнадцать школ 2024; Информацию о закрытии 2025]) из-за уменьшения численности населения [Численность и размещение 2022];

3) трансформации этно-религиозного состава региона [Национальный состав 2022], что требует дополнительных затрат на интеграцию новых жителей.

Эти процессы формируют замкнутый круг депопуляции, когда ухудшение социально-экономических условий провоцирует дальнейший отток населения, усугубляя существующие проблемы.

Демографическое старение. Одной из главных проблем является резкое увеличение доли пожилого населения вследствие отъезда молодежи и трудоспособных граждан [Численность и миграция населения РФ]. Демографическое старение ведет к повышению нагрузки на пенсионную систему и медицинские учреждения, снижая общий потенциал экономического роста [Потапенко 2025: 27].

Проблемы национальной безопасности. Сокращение численности населения ослабляет контроль государства над обширными территориями Дальнего Востока. Это повышает риски возникновения территориальных споров и создает потенциальные угрозы для суверенитета страны.

Анализ статистических данных миграционного притока в ДФО (общее количество прибывших из-за рубежа приблизительно 48 925 чел. в 2023 г.) выявляет выраженную трансграничную асимметрию и специфические закономерности формирования миграционных потоков. Наиболее значительный вклад в общую миграционную картину вносят граждане Киргизии, составляющие более трети всех иммигрантов (18 564 чел. в 2023 г.). Этот показатель существенно превышает аналогичные данные по другим странам и свидетельствует о формировании устойчивого миграционного коридора между Дальним Востоком и Киргизией [Численность и миграция населения РФ].

Вторую по значимости группу мигрантов образуют выходцы из Таджикистана и Узбекистана, совокупная доля которых достигает 28 % от общего числа прибывших в 2023 г. Примечательно, что миграция граждан Китая, несмотря на географическую близость, демонстрирует относительно скромные показатели (6 560 чел. в 2023 г.), уступая центрально-азиатским потокам [Численность и миграция населения РФ]. Это может объясняться как особенностями миграционной политики, так и спецификой спроса на рынке труда Дальневосточного региона.

Среди других постсоветских государств выделяется Армения, обеспечивающая почти десятую часть миграционного притока (4 241 чел. в 2023 г.). В то же время миграция из Казахстана и Азербайджана носит

менее выраженный характер, не превышая 2–3 % от общего объема в 2023 г. Особого внимания заслуживает крайне ограниченное представительство стран Юго-Восточной Азии (в 2023 г. Вьетнам — 335 чел., Индия — 234 чел.), что контрастирует с географическим положением региона и потенциальными возможностями экономического сотрудничества [Численность и миграция населения РФ].

Структура миграционных потоков отражает сложившуюся систему факторов притяжения, среди которых можно выделить исторические связи, культурно-языковую близость и особенности регулирования трудовой миграции [Численность и миграция населения РФ]. Преобладание центральноазиатского вектора (66 % от общего потока в 2023 г.) свидетельствует о высокой значимости этих факторов по сравнению с чисто экономическими стимулами. Полученные данные подчеркивают необходимость учета региональной специфики при разработке мер миграционной политики, направленных на привлечение и закрепление трудовых ресурсов в Дальневосточном регионе.

Эмиграционные процессы из Дальневосточного федерального округа (общее количество выехавших за рубеж из данного региона приблизительно 49 404 чел. в 2023 г. [Численность и миграция населения РФ]) формируют сложную картину территориальной мобильности населения, отражающую глубинные социально-экономические трансформации региона. Центральноазиатский вектор миграции приобретает особую значимость, демонстрируя неожиданно высокую интенсивность — каждый третий уезжающий выбирает Киргизию (19 625 чел. [Численность и миграция населения РФ]), что может говорить о ведении активной трудовой деятельности выходцев из этих стран на территории Дальнего Востока.

Особый интерес представляет сравнительный анализ двух ключевых направлений эмиграции в 2023 г. — Таджикистана (7 112 чел.) и Узбеки-

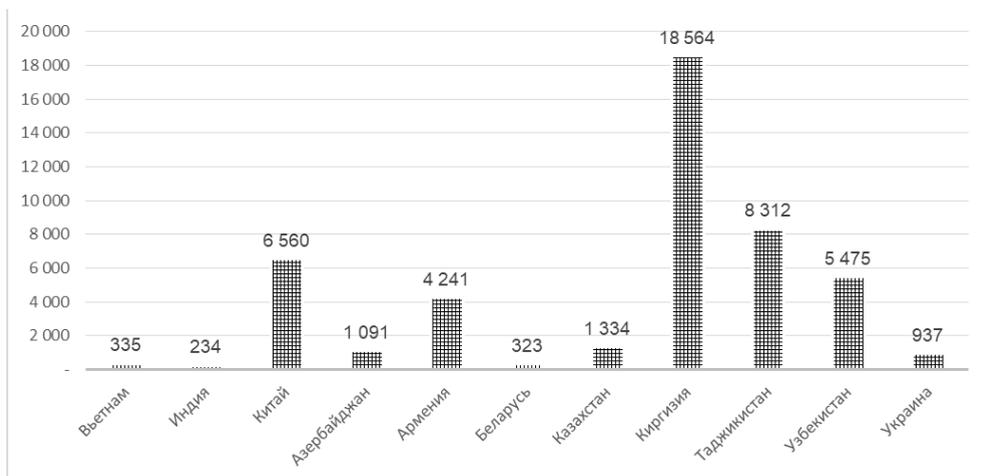

Рис. 1. Иммиграция на Дальний Восток (2023 г., чел.)
Сост. автором по: [Численность и миграция населения РФ]

стана (7 036 чел. [Численность и миграция населения РФ]). Практически равные показатели при разной экономической ситуации в этих странах указывают на сложную систему факторов, определяющих миграционный выбор. Армянский миграционный коридор (4 903 чел.) демонстрирует устойчивость, превышая показатели других закавказских и европейских направлений [Численность и миграция населения РФ].

В то же время миграция в Беларусь (421 чел. в 2023 г. [Численность и миграция населения РФ]) остается на минимальном уровне, что может быть связано с особенностями межгосударственного регулирования границ [Соглашение 2015]. В свою очередь на Украину выехало 1 956 чел. Геополитический аспект эмиграции проявляется в крайне ограниченных потоках в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (Вьетнам — 517 чел. [Численность и миграция населения РФ]), что контрастирует с распространенным мнением о большом количестве выходцев из азиатско-тихоокеанского региона на Дальнем Востоке [Численность и миграция населения РФ; Балаш 2017: 69; Ларина 2005: 15] Но вместе с тем важно учитывать существующие возможности по трансформации трудовой миграции с учетом политических договоренностей, достигнутых позднее исследуемого периода.

Для преодоления негативных миграционных тенденций на Дальнем Востоке необходим системный подход, объединяющий экономические, социальные и культурные аспекты. Ключевым условием является создание привлекательной среды для постоянного проживания через модернизацию экономики и инфраструктуры. Это предполагает развитие высокотехнологичных производств, совершенствование транспортной системы и жилищного строительства, что в совокупности способно повысить качество жизни и создать новые рабочие места.

Особое значение имеет развитие человеческого капитала через укрепление образовательной и научной базы региона [Захаров 2024: 120]. Формирование центров компетенций и академической мобильности

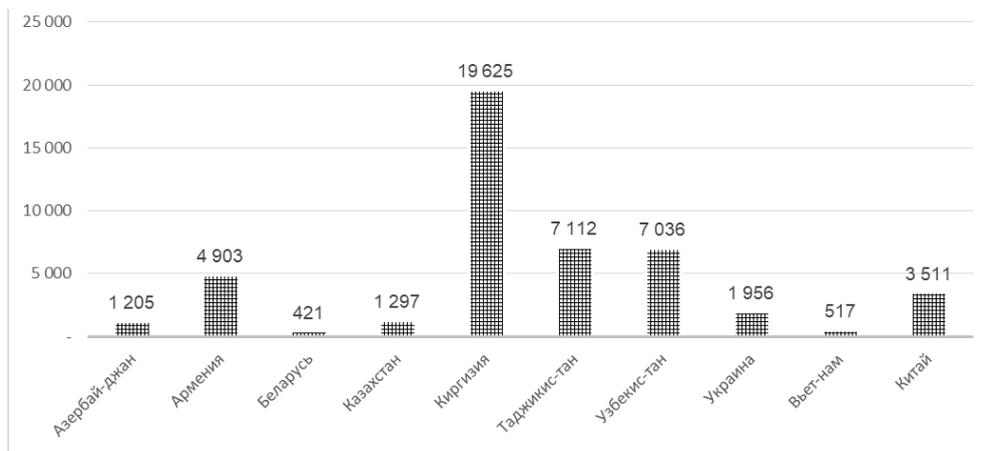

Рис. 2. Эмиграция с Дальнего Востока (2023 г., чел.)
Сост. автором по: [Численность и миграция населения РФ]

позволит не только готовить квалифицированные кадры на месте, но и привлекать специалистов из других регионов. Параллельно требуется реализация адресных социальных программ, направленных на поддержку различных демографических групп.

Эффективная миграционная политика должна учитывать этнокультурные особенности региона. Интеграция мигрантов требует сбалансированного подхода, сочетающего адаптационные программы с сохранением культурного наследия коренных народов. Важную роль в этом процессе играют институты гражданского общества, способные выступать посредниками между различными этническими группами и органами власти.

Реализация локальных инициатив в сфере образования, здравоохранения и культуры способствует формированию устойчивых местных сообществ. Такие проекты не только улучшают качество городской среды, но и создают условия для самореализации населения, что является ключевым фактором снижения миграционной подвижности.

5. Обсуждение

Особый интерес для научной дискуссии представляет выявленная специфика международных миграционных потоков, которая несколько расходится с устоявшимися публицистическими нарративами. Полученные данные за 2023 г. убедительно демонстрируют, что доминирующим вектором как иммиграции, так и эмиграции является не Китай или страны Азиатско-Тихоокеанского региона, а государства Центральной Азии, прежде всего Киргизия. Этот факт согласуется с тезисом А. В. Винокуровой и А. Ю. Ардаляновой [Винокурова, Ардалянова 2023: 19] о двойственной роли иностранных мигрантов, но дополняет его важным наблюдением: культурно-языковая и историческая близость в рамках постсоветского пространства оказывается более сильным фактором притяжения и формирования миграционных коридоров, чем географическая близость или масштабы экономик соседних азиатских стран.

Важным предметом для обсуждения являются методологические ограничения, присущие данному и большинству аналогичных исследований. Основная источниковая база — официальная статистика Росстата, хотя и обеспечивает репрезентативность и сопоставимость данных, фиксирует преимущественно легальные и зарегистрированные миграционные акты, оставляя за рамками анализа значительные объемы временной, сезонной и неформальной трудовой миграции. Вместе с тем миграционные процессы в контексте Белоруссии сложно оценить в полной мере ввиду особенностей межгосударственного регулирования границы [Соглашение 2015]. Это может приводить к недооценке реальных масштабов как притока, так и оттока, и искажению представлений о профессионально-квалификационном профиле мигрантов.

Наконец, результаты работы дают основания для переосмысления эффективности существующих мер государственной политики, направленных на закрепление населения на Дальнем Востоке. Устойчивость мигра-

ционного оттока, несмотря на реализацию ряда федеральных программ, свидетельствует о том, что предлагаемые меры зачастую носят точечный или компенсационный характер и не затрагивают фундаментальных причин — системного социально-экономического неравенства по сравнению с центральными регионами [Уровень жизни 2025]. Выявленный «замкнутый круг депопуляции», в котором отток ведет к деградации социальной инфраструктуры, что в свою очередь стимулирует новый отток, указывает на необходимость не просто наращивания финансовых вливаний, а коренного изменения парадигмы регионального развития.

6. Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что миграционные процессы на Дальнем Востоке России носят системный и устойчиво негативный характер, выступая ключевым фактором депопуляции и социально-экономической деградации стратегически важного региона. Центральным выводом работы является идентификация глубинной причины наблюдаемых тенденций порождается не столько объективными географическими или климатическими условиями, сколько сохраняющимся критическим разрывом в уровне и качестве жизни по сравнению с центральными регионами страны. Низкие доходы, высокая стоимость жизни, ограниченность карьерных и бытовых перспектив формируют среду, в которой миграционный выбор становится рациональной стратегией выживания и самореализации для наиболее активной части социума. Это подтверждается структурой миграционных потоков, где выезд в европейскую часть России доминирует над любыми другими векторами. При этом исследование выявляет существенный парадокс, усугубляющий проблему. Дальний Восток, испытывающий острый дефицит человеческого капитала, одновременно выступает реципиентом значительных потоков международной трудовой миграции, преимущественно из стран Центральной Азии, которая носит временный характер.

Многослойные последствия этих процессов создают замкнутый круг региональной стагнации. Отток трудоспособного населения ускоряет демографическое старение, увеличивая нагрузку на социальную инфраструктуру. Следствием становится сокращение социальной инфраструктуры, что в свою очередь делает территорию еще менее привлекательной для жизни и закрепления, провоцируя новую волну отъезда. Таким образом, миграция выступает не просто демографическим индикатором, но и мощным механизмом, воспроизводящим и усиливающим пространственное неравенство, подрывающим основу для долгосрочного экономического роста и ослабляющим потенциал данной территории.

С учетом отмеченных проблем для стабилизации демографической и социально-экономической ситуации необходима долгосрочная стратегия регионального развития, в центре которой находится повышение уровня и качества жизни населения. Это предполагает реализацию скоординированных мер по диверсификации экономики и созданию современных рабочих мест, сопряженных с масштабными инвестициями в развитие

человеческого капитала, социальной и городской инфраструктуры. Реализация такой стратегии позволит создать условия для закрепления населения и устойчивого развития Дальневосточного региона.

Источники и литература

- Балаш 2017 — *Балаш Н. А.* Китайцы на Дальнем Востоке России: миф или реальность? // Проблемы науки. 2017. № 7(20). С. 69–71.
- Бравок, Найден 2025 — *Бравок П. С., Найден С. Н.* Рынок труда Дальнего Востока России: тенденции 2024–2025 гг. // Регионалистика. 2025. Т. 12. № 5. С. 148–165.
- Винокурова, Ардальянова 2023 — *Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю.* Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: основные тренды // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 11–22. DOI: 10.24866/1998-6785/2023-4/11-22
- Вишневецкий 2006 — *Вишневецкий А. Г.* Демографическая модернизация России: 1900–2000. М.: Новое изд-во, 2006. 608 с.
- Воды суши — Воды суши [электронный ресурс] // Национальный Атлас России. URL: <https://nationalatlas.ru/tom2/196-197.html> (дата обращения: 30.05.2025).
- Донец, Чудиновских 2017 — *Донец Е. В., Чудиновских О. С.* Современные тенденции миграции в регионах Дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 3. С. 88–94. DOI: 10.12737/article_5a3c3cbe53bd4.28855803
- Захаров 2024 — *Захаров С. М.* Молодежь и миграция: особенности дальневосточного кейса // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 114–125. DOI: 10.24866/1998-6785/2024-2/114-125
- Информацию о закрытии 2025 — Информацию о закрытии детской больницы на Фоломеева подтвердил минздрав [электронный ресурс] // DVHAB. 02.12.2025. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2025/12/02/188215/> (дата обращения: 02.12.2025).
- Климатическое районирование — Климатическое районирование [электронный ресурс] // Национальный Атлас России. URL: <https://nationalatlas.ru/tom2/167.html> (дата обращения: 30.05.2025).
- Ларина 2005 — *Ларина Л. Л.* Китайцы на Дальнем Востоке России: динамика их восприятия за последнее десятилетие // Взгляд вне рамок старых проблем: опыт российско-китайского пограничного сотрудничества. Саппоро: [б. и.], 2005. С. 15–26.
- Мазаев 2021 — *Мазаев А. Г.* Феномен «слабой приживаемости» поселений Дальнего Востока // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2021. № 2. С. 14–19.
- Микрюков 2023 — *Микрюков Н. Ю.* Межрегиональная и международная миграции как факторы гендерных диспропорций в регионах России // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 4. С. 65–84. DOI: 10.19181/nko.2023.29.4.6
- Митрошин 2023 — *Митрошин И. В.* Уровень жизни в отдельных регионах Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 2. С. 6–18. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-103-2-6-18.
- Моисеева, Мищук 2024 — *Моисеева Е. М., Мищук С. Н.* Региональные особенности возрастной структуры миграции на Дальнем Востоке России // Народонаселение. 2024. № 4. С. 18–33. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33
- Мотрич 2022а — *Мотрич Е. Л.* Современные демографические процессы на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 4(101). С. 59–68. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-101-4-59-68

- Мотрич 2022б — *Мотрич Е. Л.* Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 27–40. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.2
- Мотрич 2023 — *Мотрич Е. Л.* Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России (2019–2022 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4(105). С. 124–137. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-105-4-124-137
- Национальный состав 2022 — Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 5: Национальный состав и владение языками. Таблица 1. Национальный состав [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. 31.12.2022. URL: https://www.rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 30.05.2025).
- Погребцова 2024 — *Погребцова Е. А.* Инновационная активность субъектов Дальневосточного федерального округа: сравнительная оценка // Экономика высокотехнологичных производств. 2024. Т. 5. № 1. С. 71–84.
- Потапенко 2025 — *Потапенко В. В.* Старение населения и демографическая нагрузка на российскую пенсионную систему // Вестник Института экономики РАН. 2025. № 5. С. 27–45.
- Рейтинг 2024 — Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2024 г. [электронный ресурс] // РИАРЕЙТИНГ. URL: <https://riarating.ru/infografika/20250623/630282378.html> (дата обращения: 30.05.2025).
- Рязанцев, Лукьянец 2021 — *Рязанцев С. В., Лукьянец А. С.* Демографическая безопасность дальневосточных геостратегических территорий России // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 2. № 1. С. 228–234.
- Соглашение 2015 — Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств — участников Союзного государства [электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79643/ (дата обращения: 30.05.2025).
- Стоимость 2025 — Стоимость минимальной продуктовой корзины в России выросла на 1,9 % [электронный ресурс] // ТАСС. 25.03.2025. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23451125> (дата обращения: 30.05.2025).
- Уровень жизни 2025 — Уровень жизни [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. 2025. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 30.05.2025).
- Численность и миграция населения РФ — Численность и миграция населения Российской Федерации [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 30.05.2025).
- Численность и размещение 2022 — Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 1: Численность и размещение населения. Таблица 1. Изменение численности населения России [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. 31.12.2022. URL: https://www.rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 30.05.2025).
- Шестнадцать школ 2024 — Шестнадцать школ и тринадцать детских садов закроют в Хабаровском крае [электронный ресурс] // Инфомрагенство «Хабаровский край сегодня». 16.11.2024. URL: <https://todaykhv.ru/news/in-areas-of-the-province/79227/> (дата обращения: 30.05.2025).

УДК 316.344.34:378.2

Профессиональное самочувствие учителей в условиях реализации менеджеристской политики

Виталий Владимирович Ковалев¹, Александр Викторович Дятлов²

Teachers' Professional Well-Being in the context of Managerial Policy Implementation

Vitaly V. Kovalev¹, Alexander V. Dyatlov²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) ¹ Kalmyk Scientific Centre of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Dr. Sc. (Sociology), Leading Research Associate

 0000-0002-8439-3117. E-mail: vitkovalev[at]yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) ² Kalmyk Scientific Centre of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Dr. Sc. (Sociology), Leading Research Associate

 0000-0001-5914-4744. E-mail: avdyatlov[at]yandex.ru

Аннотация. Менеджеризм является важнейшим фактором, ухудшающим профессиональное самочувствие учителей. Снижение удовлетворенности от педагогической работы, профессиональное выгорание, отстранение от результатов труда ведут к уходу из профессии и / или трудовой миграции в более ресурсный регион. Объективно это способствует снижению ресурсообеспеченности между разными регионами Российской Федерации и усугублению региональной асимметрии. Менеджеризм в России имеет бинарную природу. С одной стороны, он ориентирует учителей на монетизацию своей профессиональной деятельности, а с другой — стимулирует рост

показателей бюрократическим нажимом на педагогов. Учителя работают в пространстве деклараций, в соответствии с которыми их уровень доходов зависит от степени реализуемой активности в профессиональной сфере. Для этого им предписывают работу по КРІ и рейтингам. В то же время корректность расчетов денежных премий находится под большим вопросом, так как прямой корреляции между набранными баллами и начислением денежных сумм нет. В итоге в выигрыше оказываются распределители финансовых средств, т. е. директора школ и чиновники из Министерства просвещения. В этих условиях профессиональное самочувствие ухудшается как у сторонников, так и у противников менеджизма. Но отсутствие справедливости в распределении доходов особенно сильно влияет на учителей, искренне верящих, что дифференция доходов по степеням профессиональной активности что-то радикально способна изменить. Отсюда акцентированное стремление уехать из менее обеспеченных регионов в более зажиточные, что является прямым следствием менеджеристской обработки педагогического сознания императивами о доходах как единственно ценном индикаторе профессиональной успешности.

Ключевые слова: учителя, профессиональное самочувствие, менеджизм, менеджеристская политика, средняя школа, бюрократический менеджизм, бюрократия

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках госзадания «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации: 122022700133-9).

Для цитирования: Ковалев В. В., Дятлов А. В. Профессиональное самочувствие учителей в условиях реализации менеджеристской политики // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 169–186. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-169-186

Abstract. Managerialism is a major factor that worsens the professional well-being of teachers. Decreased satisfaction with teaching, professional burnout, and alienation from the results of their work lead to resignation from the profession and/or labor migration to a more resource-rich region. Objectively, this contributes to a decrease in resource availability between different regions of the Russian Federation and exacerbates regional asymmetries. Managerialism in Russia has a binary nature. On the one hand, he encourages teachers to monetize their professional activities, and on the other hand, he stimulates the growth of indicators by exerting bureaucratic pressure on teachers. Teachers work in a space of declarations, according to which their income level depends on the degree of their professional activity. To achieve this, they are required to work according to KPI and ratings. At the same time, the correctness of the calculation of monetary bonuses is highly questionable, as there is no direct correlation between the number of points earned and the amount of money awarded. As a result, the beneficiaries of the financial distribution are the school principals and officials from the Ministry of Education. In this context, the professional well-being of both supporters and opponents of managerialism among teachers is deteriorating. However, the lack of fairness in income distribution has a particularly significant impact on teachers who genuinely believe that income differentiation based on professional activity can bring about significant changes. This is the reason for the increased desire to move from less prosperous regions to more affluent ones, which is a direct conse-

quence of the managerial treatment of teachers' consciousness by the imperative of income as the only valuable indicator of professional success.

Keywords: teachers, professional well-being, managerialism, managerialist policy, secondary school, bureaucratic managerialism, bureaucracy

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy project no. 122022700133-9 "Asymmetrically Developing Territories Facing Traditional and New Challenges: Research on the Dynamics of Socio-Economic Processes and the Variability of the Environmental Situation".

For citation: Kovalev V. V., Dyatlov A. V. Teachers' Professional Well-Being in the Context of Managerial Policy Implementation. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 4. Pp. 169–186. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-169-186

1. Введение

Актуальность любой проблематики, связанной с профессиональной деятельностью школьных учителей, может быть обоснована простой отсылкой на высокую степень значимости педагогической профессии для социума. Это вполне допустимо принимать за аксиому и не уделять данному аспекту повышенного внимания. Роль школьных учителей в обществе, невзирая на произошедшие в нем трансформации, по-прежнему остается высокой. Однако нельзя согласиться с тем, что для постановки социальной, а тем более научной проблемы этого достаточно. Подобный поверхностный подход совсем не способствовал бы обстоятельному изучению предмета исследования. Безусловно, современное положение, сложившееся в средней школе, характеризуется как кризисное практически по всем аспектам, по которым мог бы поработать социолог. Однако необходима не констатация проблемы, а глубина ее исследования. Так и примирительно к нашей теме, разворачиваемой в предметном пространстве профессионального самочувствия учителей, важным является не только субъективное и потому поверхностное состояние удовлетворенности учительского сообщества от своей профессиональной деятельности в текущий момент времени, но и выявление факторов негативного воздействия, если окажется, что профессиональное самочувствие оценивается как неудовлетворительное. Между тем мы предполагаем, что в средней общеобразовательной школе России имеет место существенное ухудшение профессионального самочувствия учителей. Это приводит к крайне негативным последствиям и для отечественной системы образования, и для всего российского общества, снижая его интеллектуальный, креативный и гражданский потенциал. От этого страдают в первую очередь те регионы, которые имеют наименьший потенциал для купирования возникшей проблемы. В результате под воздействием роста миграционных настроений происходит усугубление уже имеющейся региональной асимметрии. Причин у этого процесса, очевидно, множество, но, с нашей точки зрения, одной из наиболее пагубных следует считать реализуемую менеджеристскую политику, совершенно не подходящую для ее применения в образовательном пространстве средней школы.

Таким образом, цель исследования можно определить как установление взаимосвязи между менеджеристской политикой в средней школе и ухудшением профессионального самочувствия учителей, что отрицательно влияет на готовность продолжать педагогическую деятельность или способствует появлению намерений уехать в более благополучный субъект Российской Федерации.

2. Материалы и методы

Теоретическая модель исследования выстраивается на основе концепции Т. Парсонса о разных видах профессиональной деятельности. Мы имеем в виду его идею о двух типах профессий: собственно традиционном восприятии профессии, согласованном с исторически сложившимися дискурсивными практиками о работе на всю жизнь, и занятиями, которым имманентно новое понимание профессии как чего-то кратковременного, легко сменяемого. Первый тип профессии обязывает его носителя тщательно и системно осваивать профессиональные знания, умения и навыки, что в силу особой их сложности исключает вероятность достижения предела в мастерстве и в совершенстве. Кроме того, с такими профессиями общество связывает реализацию предписанной миссии, социального предназначения, общественного долга. Это превращает их в особую форму гражданского призвания, благодаря чему представители подобных профессий реализуют свои функции не только под воздействием монетарных мотивов, но и сообразно сложившейся на протяжении длительного времени профессиональной этики. Второй тип профессии — это занятости, которые создаются разными формами социальных потребностей, имеющих утилитарный характер, где профессиональная этика сводится к минимуму, а индивидуальная полезность приобретает гипертрофированное значение. Такого рода профессии, как правило, не становятся делом всей жизни, а меняются от случая к случаю, если смена профессиональной деятельности признается финансово выгодной [Parsons 1954: 34–49].

Представленный методологический конструкт позволяет, с учетом определенной во Введении к статье социальной проблемы, сформулировать гипотезу. Мы предполагаем, что менеджеристская политика, которая ранее применялась исключительно для регулирования *профессий-занятостей*, не применима к *профессиям на всю жизнь*. Следовательно, ее реализация в средней школе будет ухудшать профессиональное самочувствие учителей, если они воспринимают свою профессию как особую форму общественного призвания в качестве долгосрочной стратегической программы социального поведения.

Для проверки указанной гипотезы нами был проведен массовый опрос. Объект исследования — учителя четырех субъектов Российской Федерации семиаридного климатического пояса: Республики Калмыкия (N=361), Астраханской области (N=365), Ставропольского края (N=380) и Ростовской области (N=394). Выборочная совокупность составила 1 500 учителей. Тип выборки — квотная (пропорциональная). Распреде-

ления сделаны по онлайн-калькулятору, в котором необходимый объем респондентов рассчитывался по генеральной совокупности с доверительным интервалом в 95 %. Квотирование осуществлялось на основе данных Росстата о количестве учителей в четырех указанных регионах. Время проведения опроса: сентябрь-октябрь 2025 г. Обработка и репрезентация данных выполнена в программе SPSS.

3. Теоретическая модель исследования: профессия учителя, профессиональное самочувствие учителей, менеджеристская политика

Профессия учителя средней школы. Отчасти мы уже определили теоретические рамки для данного понятия в предыдущем подразделе статьи, где выстраивали методологические основы, опираясь на модель профессии, предложенной Т. Парсонсом. Гипотеза состоит из предположения, что профессия учителя должна относиться к категории *профессий на всю жизнь*. Одной декларации, безусловно, недостаточно. Нужна дополнительная аргументация. В этой части исследования именно этим мы и займемся.

Следует сказать, что педагогами не только рождаются, но и становятся. В нашем сложном мире иметь лишь внутреннюю (личностную) predisposedность — наличие эмпатии, врожденных способностей, открытости миру, стрессоустойчивости — явно недостаточно. Очевидно, что без перечисленных качеств работать в школе едва ли получится. И людей, обладающих совокупностью указанных характеристик, по всей видимости, не очень много. Тем ценнее, если такого рода личности поступают на педагогическое направление, работают по профессии и остаются в средней общеобразовательной школе на всю жизнь. Это совершенно особый сорт людей, которых школьная администрация должна беречь [Кучеренко 2013: 281–283]. Тем более, что и на других работах они могут оказаться вполне успешными. Но даже этих редких в своей совокупности черт личности меньше, чем нужно, если речь идет о профессии на всю жизнь. Необходимо постоянное саморазвитие и самосовершенствование: чтение научной литературы по предмету, знание основ классической и современной педагогики, работа над развитием собственного методического арсенала и т. п.

Объем трудозатрат, вложения в свой социальный статус настолько велики, что восприятие деятельности педагога иначе, чем профессии на всю жизнь, просто обесмысливает те колоссальные издержки, которые затребованы обязательствами на профессиональное развитие и самосовершенствование. При этом регулярно меняющаяся в нашем мире социальная реальность постоянно ставит новые задачи или трансформирует до неузнаваемости старые [Ерина, Мельник 2022: 361–363]. Педагогу приходится постоянно бороться со стремлением все упрощать, облегчать достижение поставленных целей, формализовать свой труд, превращая его в рутину. И, возвращаясь к показанному выше профессиональному идеалу учителя, ещё раз предположим, что это лишь теоретическая модель,

выступающая инструментом оценки социальной реальности, но не сама реальность в идеальном ее воплощении. Не случайно, что в настоящее время нередко высказываются предложения о замене школьного учителя программно-алгоритмическими способами обучения через инструменты цифровизации образования [Кувалдина 2021: 203–207]. На наш взгляд, это тупиковый путь, который подменяет проблему выгорания школьных учителей [Егорышев 2023: 61–73] проблемой резкого снижения качества образования [Чилингарова 2024: 103–110].

Профессиональное самочувствие учителей. Итак, сконструированная модель профессии учителя имеет идеальный характер. Поэтому если она и встречается в социальной практике, то всегда с какими-то изъянами. Но именно в опоре на нее социум репродуцирует в общественное сознание установки на восприятие профессии учителя как долга и призвания, а в определенной степени даже социальной миссии. И если дефекты в идеальной модели встречаются слишком часто или полностью искажают ее внутреннюю природу, то общество имеет все основания выражать обеспокоенность. Следовательно, профессиональное самочувствие учителей выступает одним из индикаторов, с помощью которого можно оценить масштаб и глубину искажений идеальной модели профессии учителя.

«Профессиональное самочувствие» следует считать составной частью общего научного дискурса, в рамках которого обсуждается проблематика «социального самочувствия». С учетом близости данного вопроса к предметности социальной психологии, в социологии сложилось два основных подхода. Первый концептуально связан с исследованием ощущений, переживаний, чувств и прочих субъективно воспринимаемых процессов в структуре личности, которые чаще всего сводятся к состоянию комфортности человека в конкретной жизненной ситуации. Второй подход ориентирован на оценку этических, событийных, в более высоком порядке — экзистенциальных вопросов, которые обеспечивают перевод анализируемой проблематики в сферу общественных отношений, связей и коммуникаций, в той или иной степени производных от социального статуса актора [Соловей, Шухно 2018: 72–77]. Социологическими смыслами проблематика социального самочувствия наполняется, когда эта категория помещается в заданный контекст, который является своего рода индикатором или, правильнее сказать, доминантой, обеспечивающей возможность понять за счет каких общественных условий меняются самоощущения актора [Тощенко 1998: 21–34].

Л. П. Галич разработал предметную структуру понятия социальное самочувствие, которая, по его мнению, состоит из четырех аспектов: когнитивного, эмотивного, конативного и эвалюативного [Галич 2012: 23–30]. Когнитивный образуется из знаний и представлений, прямо или опосредованно влияющих на выносимые акторами оценки по тем или иным вопросам. Эмотивный складывается из эмоций и переживаний, относящихся к оцениваемым событиям или социальным условиям, в которых проходит деятельность респондентов. Конативный отражает осмысленное отношение к социальным объектам и субъектам, событиям и процессам,

и уже на этой основе готовность действовать определенным образом. И, наконец, эвалюативный можно считать добавочным, поскольку, если предыдущие три выступают в качестве эмпирических индикаторов, то четвертый Л. П. Галич позиционирует как теоретический инструмент, позволяющий понять логику распределения значений по сформулированным в опроснике переменным [Галич 2012: 35-43].

Профессиональное самочувствие как понятие обладает всеми выделенными свойствами социального самочувствия, но локализуется на соотношении своих оценок с предметом рефлекслируемых настроений, переживаний и ощущений в связи с удовлетворенностью от конкретной профессиональной деятельности. В нашем случае речь идет о работе школьного учителя. Поэтому, говоря о профессиональном самочувствии школьных учителей, нужно иметь в виду, во-первых, субъективные переживания, выраженные через эмоции (эмотивный аспект), оценку факторов, содействующих или препятствующих работе школьным учителем (когнитивный аспект), и осмысленную готовность продолжать свою трудовую деятельность по профессии (конативный аспект). Перечисленные формулировки выстроены в расчете на необходимость достижения поставленной цели исследования — определить взаимосвязь между менеджеристским управлением средней школой и ухудшением профессионального самочувствия учителей.

Заявленная проблематика широко представлена в социологическом дискурсе. К ней последовательно обращались разные группы ученых и отдельные специалисты [Головчин, Соловьева 2018; Клименко, Посухова 2017; Константиновский и др. 2019; Собкин, Адамчук 2016; Фролова 2019]. Однако, как нам представляется, все проблемы интерпретируются по заданной еще на начальном этапе исследования концептуальной схеме и даже по схожему социологическому инструментарию. Квинтэссенцией достигнутых результатов о негативных проявлениях профессионального самочувствия могло бы стать следующее суждение: «К таковым относятся высокая учебная нагрузка и низкая вовлеченность в принятие управленческих решений, чрезмерный объем нагрузки, не связанной с преподаванием» [Астоянц, Тарасенко 2024: 24]. С данными выводами мы полностью согласны, и у нас нет намерения вступать в дискуссию с нашими коллегами, постулируя цель прийти к альтернативным результатам. Достоверность предложенных постулатов подтверждена многими другими социологами. Наша цель состоит в стремлении показать иной уровень факторов, влияющих на ухудшение профессионального самочувствия учителей, не отказываясь при этом от очевидных результатов, полученных другими социологами. И все эти факторы рассмотрены в контексте реализуемой в средней школе менеджеристской политики.

Менеджеристская политика в общеобразовательной средней школе. Менеджеризм — это управленческая идеология, возникшая в 30–50-е гг. XX в. в крупных корпорациях. С ее становлением связывают решение двух задач: повышение мотивации персонала и придание менед-

жерам статуса значимой социальной группы [Друкер 2015: 67–77]. Вслед за теоретической концептуализацией в управленческих практиках стали складываться и апробироваться менеджеристские инструменты: KPI, рейтинги, эффективные контракты. Их роль состоит в придании профессиональной деятельности алгоритмического характера, т. е. ее формализации и рутинизации [Аксенова 2016: 336–357].

Трудно что-то обобщенное говорить об эффективности менеджеристских практик, но в настоящее время они распространились повсеместно, включая социальный институт средней общеобразовательной школы. На примере этого сегмента социальной реальности они подробно и обстоятельно изучались О. А. Казанцевым [Казанцев 2025а; Казанцев 2025б]. Им было выделено несколько общих и специфических инструментов, с помощью которых осуществляется менеджериализация профессиональной деятельности учителей. К ним относятся рейтингование школ, эффективные контракты для директоров, стимулирование активности по мероприятиям (включая дополнительные платные услуги), всероссийские проверочные работы (ВПР) и единый государственный экзамен (ЕГЭ). Если становиться на путь детальной дифференциации, то к перечисленному обязательно нужно добавить возрастание административного давления на учителей и рост объема бюрократической отчетности. Последние две позиции отражают российскую специфику менеджеризма, который имеют все основания назвать бюрократическим. Побуждения ко всякого рода активностям и акцентуация на коммерциализацию педагогической работы контролируются бюрократическими структурами куда более жестко, чем в доменеджеристские времена. Не будет ошибкой предположить, что это связано не с заботой о качестве и внезапно выросшей у чиновников социальной ответственностью, а с привязкой карьер и доходов последних к выполнению количественных показателей эффективности. Если раньше заполнение учителями каких-то форм (школьных журналов и т. п.) отражало скорее имитационные практики для соблюдения стандартного протокола, то в настоящее время рост всякого рода отчетностей детерминируется реальной заинтересованностью бюрократии в демонстрации управленческой успешности и обеспечении своей финансовой состоятельности через стимулирующие выплаты за «эффективность».

Менеджеризм фундаментально перестроил весь порядок социальных условий, в которых учителя осуществляют педагогическую работу. Во-первых, изменился статус учителя. Теперь он ординарный наемный работник, выполняющий в порядке контрактных обязательств предписанные ему руководством функции. Его работа подчиняется не правилам исторически выработанной профессиональной этики, не коллективным представлениям о профессиональной идентичности, не логике выполнения значимой общественной миссии, а необходимости точно и полно выполнять те количественные показатели (KPI), которые отражены в эффективных контрактах директоров школ и бюрократов из Министерства просвещения. Во-вторых, учитель теперь отчасти коммерсант. Он обязан

приносить прибыль школе, в которой работает. Это значит, что приоритетом становится не внеурочная работа с отстающими учениками, чем отличалась дореволюционная и советская средняя школа, а зарабатывание денег на их неуспеваемости. Такая трансформация, как считается, есть прямое следствие массовизации образования и возникших из-за этого сложностей с его финансированием у государства. Отсюда и ориентации менеджеристской идеологии на экономическую самокупаемость. В-третьих, адепты менеджеризма исходят из вполне здоровой установки, что добровольно учителя не будут проявлять активного энтузиазма работать в подобных условиях. Поэтому прямым следствием этого выступает резкое ужесточение бюрократического контроля: как прямого в виде распоряжений, так и опосредованного жесткими институциональными правилами. Чтобы облегчить надзорные процедуры, труд педагогов строго формализуется, подчиняясь твердо установленным алгоритмам. Их содержание подчас напоминает не регулятивный каркас образовательного пространства, а созданную специально для бюрократического контроля параллельную реальность, крайне вредную при ее последовательном воплощении в учебном процессе.

4. Эмпирическое измерение профессионального самочувствия учителей в условиях реализации менеджеристской политики

Профессиональное самочувствие учителей в условиях реализации менеджеристской политики ухудшается. Для проверки данной гипотезы запланировано применение трех эмпирических индикаторов: 1) самопрезентация учителями профессиональной культуры; 2) отношение к менеджеристским инструментам и ценностям; 3) оценка профессионального самочувствия.

Итак, начнем с первого индикатора, который прямо не связан с профессиональным самочувствием, но применяется для того, чтобы показать валидность разработанного нами инструментария относительно изучения взаимосвязи между менеджеризмом и педагогической деятельностью.

Из семи представленных в табл. 1 заданных значений только два имеют прямое отношение к дихотомии менеджеризм / не менеджеризм. Так, установки на клиентоориентированность предполагают, что *учитель должен относиться к ребенку как к равному* (четвертая строка). Плохо совместимым с новой школьной политикой является утверждение *если не любить детей, то невозможно состояться как учитель* (первая строка). В менеджеристских образовательных практиках, действительно, детей любить не обязательно. Нужно лишь строго соблюдать протоколы предписанных алгоритмов. Остальные заданные значения в той или степени нейтральны в контексте сформулированной выше гипотезы, поскольку могут разделяться как значимые ценности любыми школьными учителями в зависимости от индивидуальных представлений.

Таблица 1. Сопряжение двух переменных: «Считаете ли Вы ученика и / или его родителей клиентами» (один вариант ответа) и «Мое отношение к детям соответствует следующим тезисам» (любое количество ответов), %

Мое отношение к детям соответствует следующим тезисам	Считаете ли Вы ученика и / или его родителей клиентами?				
	Образование должно быть по преимуществу платной услугой		Образование является общественным благом		Линейное распределение
	Калмыкия и Астраханская область	Ростовская область и Ставропольский край	Калмыкия и Астраханская область	Ростовская область и Ставропольский край	
1. Если не любить детей, то невозможно состояться как учитель	38,1	38,8	72,4	68,1	67,3
2. Обязанность учителя – профессионально научить детей знаниям по собственному предмету	39,7	55,2	42,0	42,2	42,6
3. Учитель обязан уважать личное достоинство детей	38,1	52,2	59,8	55,7	56,7
4. Учитель должен относиться к ребенку как к равному	38,1	41,8	19,6	20,8	25,7
5. С ребенком необходимо научиться сотрудничеству	27,0	47,8	60,0	54,8	55,7
6. Ребенка нужно заинтересовать своим предметом	30,2	41,8	66,6	70,1	65,6
7. Ребенок обязан слушаться учителя	39,7	16,4	35,6	13,4	15,6

Сопоставление двух указанных антиномий разделяет респондентов на две группы: на сторонников и противников менеджеристской политики. Трудно не заметить, насколько сильно снижается релевантность *любви к детям* в первой группе и соответственно возрастает значимость тезиса о равенстве между учителем и учащимся, проистекающего от базисной менеджеристской установки на восприятие ребенка (его родителя) в статусе клиента. За такой трансформацией должна следовать полная перестройка всех ментальных программ и всего понятийного аппарата применительно к средней школе.

Далее перейдем ко второму индикатору, но рассмотрим только одну переменную — *отношение к «бумажной отчетности»*, которая возлагается на учителей.

Выбор указанной выше переменной объясняется тем, что она по результатам исследования оказалась наиболее значимой для наших респон-

дентов. Также ее актуальность подтверждается исследованиями других социологов. В частности мы можем сослаться на процитированную выше статью М. С. Астоянц и Л. В. Тарасенко [Астоянц, Тарасенко 2024: 18–29]. Следовательно, если бюрократический нажим систематически действует на протяжении многих лет, считаем возможным допустить, что этот фактор способен существенно ухудшить профессиональное самочувствие учителей.

Данный вывод получил подтверждение и по нашей базе данных. На рис. 1 можно увидеть, что почти половина всех опрошенных определяют степень отрицательного воздействия «бумажной отчетности» на педагогический процесс по максимальной 5-балльной шкале. Средний рейтинг составил 3,77. Это очень высокий показатель.

Распределения ответов в табл. 2 во многом аналогичны данным из табл. 1. В группе, где образование воспринимается в качестве платной услуги, применение инструментов, обеспечивающих рост бюрократического контроля за учителями, вызывает меньшее беспокойство, чем среди тех учителей, которые относятся к менеджеристским идеям отрицательно. Чтобы понять актуальность данного вывода, достаточно указать на то, что образование с платной услугой отождествляют всего лишь 130 из 1 500 опрошенных респондентов. Иными словами, менеджеристская политика реализуется в интересах абсолютного меньшинства педагогов. Что касается большинства, то его профессиональное самочувствие ухудшается.

Тезис об ухудшении профессионального самочувствия учителей особенно показателен в контексте данных, приведенных в табл. 3.

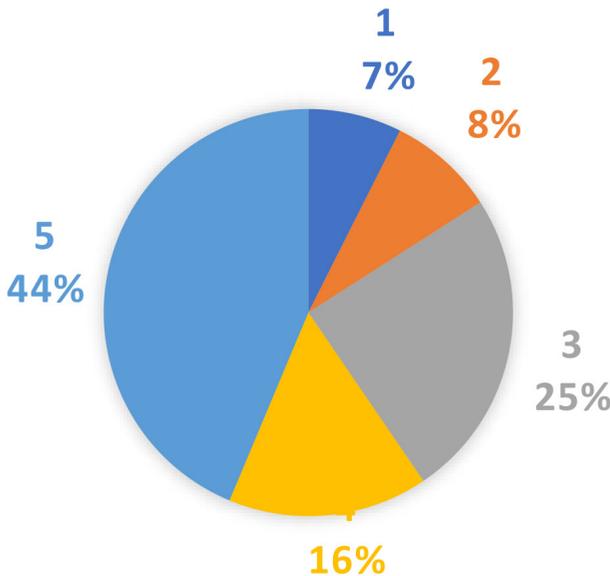

Рис. 1. Степень отрицательного воздействия «бумажной отчетности» на педагогический процесс («1» — наименьшая степень вреда, «5» — наибольшая степень вреда)

Таблица 2. Сопряжение двух переменных: «Считаете ли Вы ученика и / или его родителей клиентами» (один вариант ответа) и «Выскажите Ваше отношение к «бумажной отчетности», которая возлагается на учителей» (любое количество ответов), %

Выскажите Ваше отношение к «бумажной отчетности», которая возлагается на учителей	Считаете ли Вы ученика и / или его родителей клиентами?				
	Образование должно быть по преимуществу платной услугой		Образование является общественным благом		Линейное распределение
	Калмыкия и Астраханская область	Ростовская область и Ставропольский край	Калмыкия и Астраханская область	Ростовская область и Ставропольский край	
1. Положительное, заполнение «форм» и других отчетных документов — обязательное условие надлежащего контроля за качеством работы	52,9	43,9	13,3	11,3	15,9
2. Положительное, это дисциплинирует и помогает надлежащим образом сделать самооценку проделанной работы	48,1	39,4	19,3	21,6	22,9
3. Отрицательное, в ней нет никакого смысла, и она только отвлекает от педагогической работы	33,9	36,4	66,1	61,2	62,0
4. Отрицательное, это параллельная реальность, создаваемая с целью имитации профессиональной деятельности	12,9	22,7	27,8	29,4	27,6

В табл. 3 включено семь оценочных позиций. Из них не релевантными позволительно признать только две. Не подтвердилась гипотеза о массовом негативном воздействии на учителей единого государственного экзамена (при этом 39,8 % респондентов не поддерживают ЕГЭ и считают, что оно *превращает обучение в старших классах в натаскивание*) и проведение дополнительных платных занятий, хотя, как следует из опроса, финансовые выплаты к должностному окладу за дополнительные платные услуги получали лишь 14,4 % респондентов. Нетрудно заметить, что обе оценочные позиции связаны с возможностями монетизации педагогической профессии. Вероятно, это особенно актуально в свете низких заработных плат у учителей.

Из положительного для проверяемой гипотезы хотелось бы отметить повторяющуюся по первым двум таблицам закономерность: в «не менед-

Таблица 3. Сопряжение двух переменных: «Считаете ли Вы ученика и / или его родителей клиентами» (один вариант ответа) и «Что мешает Вам в профессиональной деятельности» (любое количество ответов), %

Что мешает Вам в профессиональной деятельности?	Считаете ли Вы ученика и / или его родителей клиентами?				Линейное распределение
	Образование должно быть по преимуществу платной услугой		Образование является общественным благом		
	Калмыкия и Астраханская область	Ростовская область и Ставропольский край	Калмыкия и Астраханская область	Ростовская область и Ставропольский край	
1. Чрезмерная бюрократическая опека	24,1	16,9	45,0	41,7	41,4
2. Большой объем «бумажной работы»	37,9	27,1	70,8	75,7	69,7
3. Отсутствие права применять наказание к детям за нарушение дисциплины на уроке	12,1	3,4	35,9	30,7	31,1
4. Большое количество внеаудиторных активностей	8,6	6,8	42,5	43,1	39,9
5. Проведение дополнительных платных занятий	12,1	5,1	14,4	10,1	11,9
6. Единый государственный экзамен	15,5	18,8	19,9	19,2	19,3
7. Всероссийские проверочные работы	15,7	15,3	34,9	30,5	31,2

жеристской» группе степень отрицательного влияния на профессиональное самочувствие существенно выше. Нельзя не принимать во внимание, что потенциал факторов, негативно влияющих на профессиональное самочувствие учителей, очень высок. Это хорошо видно по крайней, пятой колонке, где даны линейные распределения. Перечисленные в ней показатели особой значимостью наделяют пять позиций: «чрезмерная бюрократическая опека» (41,4 %), «большой объем „бумажной работы“» (69,7 %), «отсутствие права применять наказание к детям за нарушение дисциплины на уроке» (31,1 %), «большое количество внеаудиторных активностей» (39,9 %), «всероссийские проверочные работы» (31,2 %). Они поглощают значительную часть рабочего времени педагогов (исключение — третья позиция, которая инструмент для обеспечения дисциплины), но вместе с тем ни в коей мере не способствуют достижению целей профессиональной деятельности. Стало быть, среду для труда, сложившуюся в средней школе, вполне допустимо охарактеризовать как неблагоприятную.

5. Последствия для регионального развития от ухудшения профессионального самочувствия учителей

Ухудшение профессионального самочувствия имеет два негативных последствия: уход из профессии или трудовая миграция в другой регион. Рассмотрим их в заданной последовательности.

Уже простые линейные распределения показывают, что потенциал ухода из педагогической профессии очень высокий. Он близок к половине от всей совокупности опрошенных. Но даже среди тех, кто отрицательно относится к смене профессии, высока доля респондентов, которые не увольняются просто потому, что *уже поздно что-то менять* (16,6 %).

Что касается сопряжений по регулярно используемой нами доминанте, то в условно менеджеристской группе («образование как услуга») уровень сторонников смены профессии заметно выше. Особенно это видно по заданному значению *если получу более выгодное финансовое предложение*

Таблица 4. Сопряжения двух переменных: «Считаете ли Вы ученика и / или его родителей клиентами» (один вариант ответа) и «Допускаете ли Вы возможность в будущем сменить профессию учителя на что-то другое?» (любое количество ответов), %

Допускаете ли Вы возможность в будущем сменить профессию учителя на что-то другое?	Считаете ли Вы ученика и / или его родителей клиентами?				Линейное распределение
	Образование должно быть по преимуществу платной услугой		Образование является общественным благом		
	Калмыкия и Астраханская область	Ростовская область и Ставропольский край	Калмыкия и Астраханская область	Ростовская область и Ставропольский край	
1. Нет, профессию учителя считаю работой на всю жизнь	15,8	18,0	36,6	34,9	34,3
2. Нет, есть много трудностей, но мне нравится быть учителем	15,8	14,8	27,7	34,9	26,7
3. Нет, уже поздно что-то менять	2,3	4,9	17,9	16,5	16,6
4. Да, если получу более выгодное финансовое предложение	55,6	59,0	21,4	20,8	23,7
5. Да, если ничего не изменится в образовании	31,6	26,2	20,5	21,1	21,5
6. Да, если существенно не повысится заработная плата	38,6	37,7	21,9	18,4	21,7

ние. Стремление поменять профессию здесь в 2,5–3 раза выше, чем в группе респондентов, отождествляющих образование с общественным благом. Следовательно, менеджеризм не просто ухудшает профессиональное самочувствие, вызывая в обеих группах желание отказаться от профессии, он дополнительно усиливает побуждения к увольнению под воздействием мотивов поиска более денежной занятости. Здесь важно отметить, что в менеджеристской группе далеко не все учителя положительно воспринимают бюрократический вариант менеджеризма, сложившийся в российском социуме, где рейтинги и эффективные контракты контролируют ведомственные чиновники, а не корпоративная администрация. Поэтому, не получая возможностей зарабатывать деньги в достаточном объеме, они разочаровываются и в своем профессиональном выборе, и в публичных декларациях директоров школ о том, что «активизм» станет источником материального благополучия.

Столь же вероятной, как уход из профессии, следует рассматривать трудовую миграцию в другой регион, что видно по результатам опроса, отраженным в табл. 5.

Миграционные настроения выражены немного меньше, чем стремление поменять профессию, но их масштаб тоже необходимо признать значимым и, соответственно, способным вызвать у власти обеспокоенность.

Также в табл. 5 с очевидностью заметна еще ранее выявленная разность ответов между двумя группами респондентов, воспринимающих образование как коммерческую услугу или общественное благо: нацеленность на миграцию в первой когорте и лояльность к месту собственного проживания — во второй. За этими словами — «благо» и «услуга» — в социальных практиках стоит нечто большее, чем просто семантические различия. Первое вбирает в себя подвижничество и призвание, второе — расчет и выгоду. Нетрудно понять, что менеджеристские ценности коммерциализирует внутреннюю природу учительской профессии, определяя ее материальный эффект как единственную цель. И если эта цель не достигается в конкретном месте, то учитель, приученный мерить свою социальную успешность только по деньгам, стремится уехать туда, где оплата его труда выше.

6. Заключение

Менеджеризм, как следует из проведенного исследования, ухудшает профессиональное самочувствие учителей и одновременно выступает самостоятельным фактором, снижающим ресурсный потенциал тех регионов, где он реализуется в качестве управленческой политики.

Аргумент, которым можно обосновать выдвинутый тезис, состоит в том, что учителя уезжают в более ресурсные регионы, так как государственная политика в сфере школьного образования побуждает искать работы там, где их потенциально больше. Это действительно так. Однако данное объяснение не учитывает сложную взаимосвязь между декларациями управленческой политики, фактическими обстоятельствами ее ре-

Таблица 5. Сопряжение двух переменных: «Считаете ли Вы ученика и / или его родителей клиентами» (один вариант ответа) и «Есть ли у Вас планы уехать в другой регион?» (любое количество ответов), %

Есть ли у Вас планы уехать в другой регион?	Считаете ли Вы ученика и / или его родителей клиентами?				Линейное распределение
	Образование должно быть по преимуществу платной услугой		Образование является общественным благом		
	Калмыкия и Астраханская область	Ростовская область и Ставропольский край	Калмыкия и Астраханская область	Ростовская область и Ставропольский край	
1. Нет, дома меня всё устраивает	24,1	24,6	41,8	48,0	43,0
2. Нет, в другом регионе меня никто не ждет	8,6	8,2	11,1	13,1	11,8
3. Нет, уже поздно что-то менять	2,3	4,9	16,0	16,8	16,0
4. Да, хочу уехать в Москву или в какой-то другой более благоприятный регион	12,1	6,6	11,3	7,0	9,6
5. Да, хочу уехать туда, где выше заработная плата и лучше условия для жизни	44,8	50,8	27,3	22,3	26,9
6. Да, если менять профессию, то заодно и местожительство	22,4	18,0	10,1	9,6	10,7

ализации и особенностями профессионального самочувствия учителей. Менеджеризм в России имеет кентаврическую природу. С одной стороны, он ориентирует учителей (а также ученых, преподавателей, медиков) на монетизацию своей профессиональной деятельности, а с другой — стимулирует рост финансовых (и любых других) показателей бюрократическим нажимом на педагогов. Учителя работают в пространстве деклараций, в соответствии с которыми их уровень доходов зависит от степени реализуемой активности в профессиональной сфере. Для этого им предписывают работу по KPI и рейтингам. В то же время корректность расчетов денежных премий находится под большим вопросом, так как прямой корреляции между набранными баллами и начислением денежных сумм нет. В итоге в выигрыше оказываются распределители финансовых средств, т. е. директора школ и чиновники из Министерства просвещения. В этих условиях профессиональное самочувствие ухудшается как у сторонников, так и у противников менеджеризма. Но отсутствие справедливости в распределении доходов особенно сильно влияет на учителей, ис-

кренне верящих, что дифференция доходов по степеням профессиональной активности что-то радикально способна изменить в их благосостоянии. Отсюда акцентированное стремление уехать из менее обеспеченных регионов в более зажиточные, что является прямым следствием менеджеристской обработки педагогического сознания императивами о доходах, как единственно ценном индикаторе профессиональной успешности. Менеджеризм — это идеология, стоящая за рамками любой культуры. Она формалистична и алгоритмична. Она разрушает любые культурные императивы, кроме имеющих монетарное воплощение. Она не пригодна для поддержки традиционных ценностей и, следовательно, акцентирует внимание его последователей на ресурсно-обеспеченные регионы.

Менеджеристская система ценностей органически не совместима с педагогическими профессиями. Настойчивое стремление их интегрировать ведет только к тому, что школьные учителя всё больше разочаровываются в выбранной специальности и стремятся изменить своему профессиональному выбору. В научном дискурсе доминирует точка зрения, в соответствии с которой требуется просто уменьшить пресс бюрократического давления на педагогов. Однако бюрократическая опека и бумажный вал, о которых пишут уже на протяжении двух десятилетий многие социологи, никуда не исчезнут. В этой системе управления — это индикаторы профессиональной успешности школьных директоров и ведомственной бюрократии. На них они строят свои карьеры и доходы. Поэтому пока эти индикаторы не отменят, а вместе с ними и культ отчетных показателей, средняя школа будет неизбежно находиться в системе чуждых ей оценочных координат.

Литература

- Аксёнова 2016 — *Аксёнова О. В.* Акторская парадигма управления в эпоху перемен: адаптация или противодействие // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сб. науч. ст.] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 336–357.
- Астоянц, Тарасенко 2024 — *Астоянц М. С., Тарасенко Л. В.* Социально-профессиональное самочувствие педагогов: почему в российских школах сохраняется дефицит педагогических кадров // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17. №2. С. 18–29. DOI: 10.17213/2075-2067-2024-2-18-29.
- Галич 2012 — *Галич Л. П.* Социальное самочувствие молодежи. Минск: Право и экономика, 2012. 160 с.
- Головчин, Соловьева 2018 — *Головчин М. А., Соловьева Т. С.* Социальное и профессиональное самочувствие учителей российских школ в период реформ и контрреформ // Идеи и идеалы. 2018. № 3. Т. 2. С. 233–252. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-233-252
- Друкер 2015 — *Друкер П.* Практика менеджмента. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 416 с.
- Егорышев 2023 — *Егорышев С. В.* Эмоциональное выгорание учителей как фактор снижения эффективности их профессиональной деятельности // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: «Социология». 2023. Т. 23. №1. С. 61–73. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-61-73

- Ерина, Мельник 2022 — *Ерина И. А., Мельник О. В.* К вопросу о профессии педагога в современном обществе // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6. С. 361–363.
- Казанцев 2025а — *Казанцев О. А.* Менеджеристские инструменты в документах и в лицах: исследование влияний на качество среднего общего образования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2025. Вып. 1(354). С. 65–77. DOI: 10.53598/2410-3691-2025-1-354-65-77
- Казанцев 2025б — *Казанцев О. А.* Достигнуть равновесия: объясняя и преодолевая институциональные дисфункции в среднеобразовательной российской школе // Caucasian Science Bridge. 2025. Т. 8. №1. С. 80–106. DOI: 10.18522/2658-5820.2025.1.7
- Клименко, Посухова 2017 — *Клименко Л. В., Посухова О. Ю.* Профессиональная идентичность городских учителей в условиях модернизации института образования // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. № 2. С. 137–153.
- Константиновский и др. 2019 — *Константиновский Д. Л., Пинская М. А., Звягинцев Р. С.* Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 14–25. DOI: 10.31857/S013216250004949-6
- Кувалдина 2021 — *Кувалдина Е. А.* Возможность замены преподавателя искусственным интеллектом // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4–1. С. 203–207.
- Кучеренко 2013 — *Кучеренко Н. В.* Педагог в современном обществе // обучение и воспитание: методика и практика. 2013. №7. С. 281–283.
- Собкин, Адамчук 2016 — *Собкин В. С., Адамчук Д. В.* О профессиональном самочувствии учителя // Педагогика. 2016. № 6. С. 60–71.
- Соловей, Шухно 2018 — *Соловей А. П., Шухно Е. В.* Интерпретация и операционализация концепта «социальное самочувствие» // Синергия. 2018. №4. С. 72–77.
- Тощенко 1998 — *Тощенко Ж. Т.* Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34.
- Фролова 2019 — *Фролова А. В.* Личностное и профессиональное самочувствие современного учителя // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2019. № 3. С. 93–97.
- Чилингарова 2024 — *Чилингарова Д. Н.* Теоретическая модель исследования мотивации старшеклассников в условиях онлайн-обучения // Caucasian Science Bridge. 2024. Т. 7. № 1. С. 103–110. DOI: 10.18522/2658-5820.2024.1.9
- Parsons 1954 — *Parsons T.* The professions and social structure // Essays in sociological theory. Glencoe (IL): Free press, 1954. Pp. 34–49.

УДК / UDC 355.097.2

О развитии добровольчества (волонтерства) в Республике Калмыкия¹

Камиль Александрович Маркеев¹

On the Development of Volunteerism in the Republic of Kalmykia

Kamil A. Markeev

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8,
ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,
Российская Федерация

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
(8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian
Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0009-0000-0083-8549. E-mail: kamilfor[at]mail.ru

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются вопросы современного состояния и структуры волонтерской деятельности в Республике Калмыкия как ключевого фактора реализации ряда государственных задач и достижения целей национальных проектов. Кроме того, дается экспертная оценка потенциала развития волонтерства в регионе среди детей и молодежи с учетом документов стратегического планирования. *Материалы и методы.* Основными источниками данных исследования, в том числе для рассмотрения сравнительных данных, являются официальные статистические сведения о численности добровольцев Южного федерального округа, в частности Республики Калмыкия, представленные на официальном сайте Росстата, Добро.РФ. *Результаты.* Описаны статистические показатели волонтерского движения по данным официальной статистики в Республике Калмыкия в сравнении с регионами Юга России. Среди волонтеров Калмыкии преобладают женщины, по возрасту — это в основном представители молодежи до 24 лет. При наличии разработанных программ в Республике все же имеются проблемы, препятствующие более активному привлечению молодежи в волонтерскую деятельность, например, отсутствие инфраструктуры.

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Маркеев К. А. (Markeev K. A.), 2025

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, молодежь и дети, социальная сфера, волонтерская помощь, меры государственной поддержки волонтерства

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации:122022700133-9).

Для цитирования: Маркеев К. А. О развитии добровольчества (волонтерства) в Республике Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 187–203. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-187-203

Abstract. *Introduction.* This article examines the current status and structure of volunteerism in the Republic of Kalmykia as a key factor in implementing a number of state objectives and achieving the goals of national projects. Furthermore, an expert assessment of the potential for developing volunteerism in the region among children and youth is provided, taking into account strategic planning documents. *Materials and Methods.* The primary sources of research data, including for comparative purposes, are official statistical data on the population of the regions of the Southern Federal District, in particular the Republic of Kalmykia, presented on the official website of Rosstat. *Results.* Volunteer movement statistics based on official statistics in the Republic of Kalmykia are described, compared with regions in southern Russia. Volunteers in Kalmykia are predominantly women, and they are primarily young people under 24. Despite the existence of developed programs in the Republic, there are still challenges that hinder more active youth involvement in volunteer activities, such as a lack of infrastructure.

Keywords: volunteering, volunteerism, youth and children, social sphere, volunteer assistance, government support measures for volunteering

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700133-9 with the heads of rural municipalities “Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes”.

For citation: Markeev K. A. On the Development of Volunteerism in the Republic of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2025. No. 4. Pp. 187–203. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-187-203

1. Введение

Исследования истории возникновения основ развития добровольческой (волонтерской) деятельности в России и ее регионах приобретают все большую актуальность. В последнее десятилетие в стране участие молодежи в волонтерстве приобрело масштабный характер. Без волонтерской помощи не проходит ни одно значимое событие. Доказательством этому являются Олимпийские игры 2014 г., в которых приняли участие свыше 25 тыс. добровольцев¹, помощь тысячи волонтеров на Всемирном

¹ Олимпийские игры 2014 г., где была организована работа свыше 25 тыс. добровольцев [электронный ресурс] // Российская газета. 24.02.2014. URL: <https://rg.ru/2014/02/25/volontery.html> (дата обращения 23.10.2025).

фестивале молодежи и студентов 2017 г. и 2024 г. [Павлова 2018: 720]. Вопросам развития добровольчества уделяется большое внимание на государственном уровне, благодаря и тому, что 2018 год был объявлен Президентом России В. В. Путиным Годом добровольца (волонтера).

В период пандемии в 2020–2022 гг. участие россиян в волонтерстве приобрело наиболее массовый характер, особенно среди молодежи [Певная и др. 2021: 495]. В поддержке нуждались люди старшего поколения, медики, а также системы жизнеобеспечения отраслей социальной сферы. Так, например, молодежь Калмыкии принимала активное участие в доставке продуктов питания¹, в помощи пожилым гражданам в оплате коммунальных услуг, волонтеры-медики оказывали помощь лечебным учреждениям².

Интерес к волонтерству наблюдается во всем мире. Социолог Т. В. Павлова отмечала, что учеными из американского университета им. Дж. Хопкинса в конце 1990-х гг. было проведено исследование в 22 странах, выявившее наиболее реальные масштабы добровольчества [Павлова 2018: 721]. Результаты исследования показали, что суммарное количество времени труда волонтера в течение одного года было эквивалентно труду 10,5 млн человек, работающих полный рабочий день [Павлова 2018: 721].

В настоящее время, как и во всем мире волонтерство активно развивается и в России. Только за период с 2018 г. по 2024 г. численность волонтеров в нашей стране согласно официальным данным Федерального агентства по делам молодежи (далее — Росмолодежь) увеличилась в 3,2 раза и составила на 1 января 2025 года более 13,1 млн чел. [Добро.РФ] (рис. 1).

В то же время становится очевидным недостаточный уровень исследований процессов создания во многих регионах нашей страны волонтерских объединений, разработки и реализации региональных или местных мер поддержки их общественных проектов и инициатив, в том числе в Южном федеральном округе, в частности в Республике Калмыкия, ввиду отсутствия анализа условий вовлечения населения в современных условиях на региональном и особенно местном уровне, учитывая условия ведения Специальной военной операции. Поэтому наибольшую актуальность на сегодня представляет собой вопрос влияния мер государственного регулирования на развитие добровольческого движения в регионе.

¹ Продуктовые наборы в сложный период [электронный ресурс] // РИА Калмыкия. URL: <https://riakalm.ru/index.php/news/128-dobrye-novosti/25120-produktovye-nabory-v-slozhnyj-period> (дата обращения 23.10.2025); Волонтеры доставляют продукты наборы по всей Калмыкии [электронный ресурс] // Единая Россия. Республика Калмыкия. 28.04.2020. URL: <https://kalmyk.er.ru/activity/news/volontery-dostavlyayut-produktovye-nabory-po-vsej-kalmykii> (дата обращения 23.10.2025); и др.

² Волонтеры-медики Калмыкии помогают врачам в борьбе с COVID-19 [электронный ресурс] // Волонтеры-медики. Всероссийское общественное движение. URL: <https://old.волонтеры-медики.рф/news/volonteryi-mediki-kalmykii-pomogayut-vracham-v-borbe-s-covid-19/> (дата обращения 23.10.2025).

Целью данной работы является предварительный анализ развития волонтерского движения в Республике Калмыкия, его общая характеристика.

2. Материалы и методы

Основными материалами исследования послужили официальные статистические данные о численности добровольцев (волонтеров) Южного федерального округа, в том числе Республики Калмыкия, представленные на официальных сайтах Росстата, Добро.РФ и др. В работе применялись стандартные общенаучные методы, как, например, анализ статистических данных, описание.

3. Некоторые вопросы истории

Феномен добровольчества (волонтерства) привлекает широкое внимание российских ученых. Волонтерство (добровольчество) стало объектом изучения многих отраслей науки, каждая из которых исследует определенный его аспект. Происхождение волонтерства, его эволюция исследована в научных монографиях Н. И. Горловой [Горлова 2019], Т. Э. Петрова, А. Ю. Гарашко, Т. В. Черкасова [Петрова и др. 2018] и др. Волонтерство активно изучается в правовом [Жаворонков 2004], социологическом [Кузьминчук 2016; Певная 2016], педагогическом [Кибальник 2019] поле и т. д.

Появление такого общественного института как добровольчество, равно как и волонтерства в России, традиционно связывается с деятельностью православной церкви и принципами христианской добродетели [Ващенко и др. 2020: 124–126].

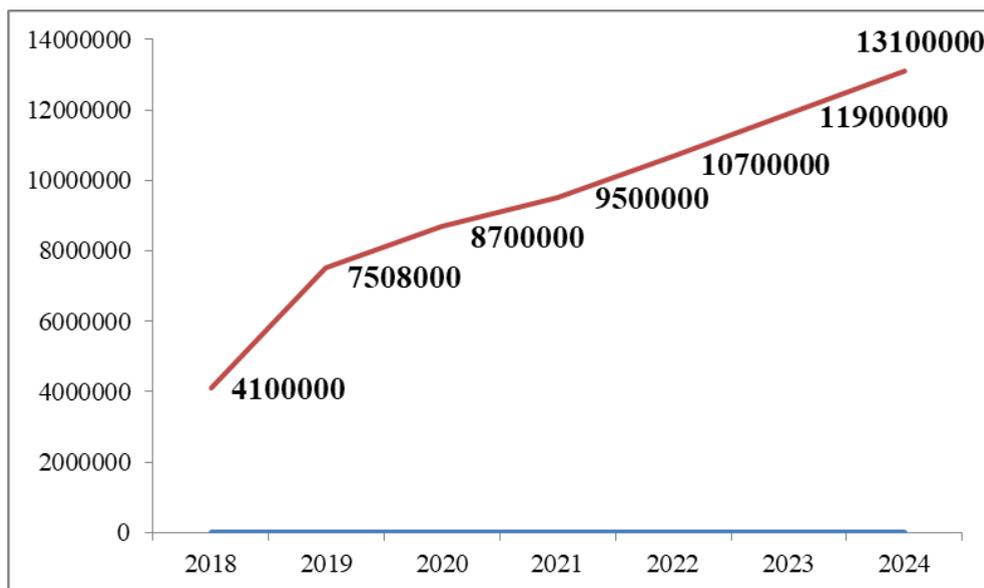

Рис. 1. Численность граждан России, вовлеченных в добровольческую деятельность в 2018–2024 гг. [Численность населения]

Еще в Древней Руси с принятием христианства появилась традиция, когда добровольцы выполняли различные работы в православных монастырях¹. В период правления Ярослава Мудрого за счет милостыни содержалось сиротское училище, которое, по сути, явилось началом развития системы помощи беспризорным детям в Древней Руси². С этого периода традиции добровольчества активно внедрились в общество.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сестры милосердия добровольно отправились на фронт для помощи и поддержки русских воинов, так возникло первое женское волонтерское движение [Ващенко и др. 2020: 124–126].

Стоит обратить внимание, что термин «волонтерство» появился сравнительно недавно, до этого широко распространенным был термин «добровольчество» [Певная 2016: 118]. Еще в середине 80-х гг. XX в. понятие «волонтерский труд» вводилось в оборот с появлением третьего сектора экономики (в результате распада СССР). Форма такого труда становится нормой в некоммерческих, общественных, благотворительных организациях [Сазонова и др. 2015: 373]. Таким образом, в 1880-е гг. в нашей стране вводится новый термин «волонтерство», в корне отличающийся от понятия «доброволец», который отражает участие граждан в добровольном труде в так называемых добровольных общественных организациях.

В СССР понятие «труд» было поставлено на новый уровень, среди молодежи популярность начали набирать добровольные общественные организации, где активно пропагандировалась социальная активность, участие в различных социально-значимых общественных проектах и труде.

Наиболее широкую распространенность участия в добровольческой деятельности в СССР среди молодежи получило Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ), существовавшее в 1927–1948 гг. как самая массовая добровольная общественная организация граждан СССР [ОСОАВИАХИМ 1931: 47]. Ее основными задачами являлись содействие укреплению обороноспособности страны, распространение военных знаний среди населения, воспитание граждан в духе патриотизма [Трамм 1947: 4–5]. Однако, помимо военной подготовки, организация занималась различными видами работ, в том числе сельскохозяйственных [ОСОАВИАХИМ 1931: 47]. Организация проводила обучение миллионов трудящихся авиационному, стрелковому, снайперскому, пулеметному, минометному, кавалерийскому, автомобильному, мотоциклетному, морскому делу, причем эта подготовка осуществлялась без отрыва от производства [ОСОАВИАХИМ 1931: 47].

¹ История волонтерства в России: от ритуалов помочи до субботников [электронный ресурс] // URL: <https://www.culture.ru/materials/257248/istoriya-volonterstva-v-rossii-ot-ritualov-pomochi-do-subbotnikov> (дата обращения 23.10.2025).

² Волонтерство из глубины веков: как на Руси занимались добровольчеством [электронный ресурс] // РИА Новости. 28.08.2018. URL: <https://sn.ria.ru/20180828/1527202821.html> (дата обращения 23.10.2025).

Развитие милосердия, благотворительности в настоящее время приобрело новые форматы, но не утратило своей значимости, обретая на законодательном уровне свои рамки. Так, на современном этапе становление и развитие волонтерского движения происходит благодаря вводимым дополнительным мерам государственной поддержки такого общественного явления среди населения, как «волонтерство» и «добровольчество».

Вовлечение государством волонтеров в организацию проведения масштабных мероприятий международного характера стало импульсом для «нового витка развития волонтерского движения в России», объединению многочисленных общественных организаций и движений в «единый организм», способный на системной основе помогать в проведении мероприятий, укреплению духовно-нравственных ценностей среди молодежи [Игнатова 2024: 45]. Именно вопрос участия детей и молодежи в такой форме общественно-полезной деятельности представляет интерес для исследования причин и условий данного общественного явления. Для сравнения на сегодня сбор пожертвований или «фандрайзинг» является наиболее распространенным видом волонтерства за рубежом [Организация 2017: 5].

По мнению Т. В. Игнатовой, принятие и внедрение законодательных рамок основных направлений современной государственной молодежной политики на федеральном уровне уже в 1990-е гг. создало предпосылки мощного развития и изучения основ добровольчества среди детей и молодежи России в последние десятилетия [Игнатова 2024: 45]. Возможно, данные факторы стали одной из основных форм повышения их социальной активности и формирования новых трендов в современном воспитании детей и молодежи.

Активная цифровизация экономики в России затронула и добровольчество. Согласно действующему законодательству [Федеральный закон 135-ФЗ], с 2016 г. в стране функционирует Единая информационная система в сфере развития добровольчества (волонтерства) Добро.РФ, которая включает в себя сведения о мерах поддержки участников добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольцах (волонтерах), об организаторах добровольческой (волонтерской) деятельности, о добровольческих (волонтерских) организациях, действующих ресурсных центрах добровольчества (волонтерства), а также о гражданах, благотворительных организациях, добровольческих (волонтерских) организациях, социально ориентированных некоммерческих организациях и об организаторах добровольческой (волонтерской) деятельности, подавших заявления о готовности участвовать в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Федеральный закон 135-ФЗ].

Информация об участии в добровольческой (волонтерской) деятельности вносится в унифицированную систему учета добровольческой (волонтерской) деятельности (личную электронную книжку добровольца (волонтера), созданную в рамках функционирования Единой информа-

ционной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства) [[Федеральный закон 135-ФЗ](#)].

4. Развитие волонтерства в Республике Калмыкия

Добровольчество (волонтерство) в Республике Калмыкия как общественное явление получило свое развитие еще с конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда благодаря разработке и утверждению как на федеральном уровне [[Федеральный закон 135-ФЗ](#)], так и на республиканском уровне государственных стратегических программ, определяющих основные направления и условия для развития детей и молодежи [[Госпрограмма РК](#)], были созданы первоначальные условия для самореализации детей и молодежи.

Особенное географическое расположение Республики Калмыкия как одного из регионов Южного федерального округа, специфика населения в разрезе муниципалитетов, социально-экономическое развитие, хозяйствование в городской и сельской местности, сложившиеся культурные традиции, многообразии национальных обычаев — все это относится к ключевым факторам возникновения и развития волонтерства и тождественного ему понятия «добровольчества».

В Республике Калмыкия, благодаря организованной работе органов государственной власти, общественных организаций и молодежных объединений, доля населения, вовлеченного в волонтерскую деятельность на системной основе, превышает аналогичный показатель в других соседних регионах: Республике Крым, Волгоградской области, городе федерального значения Севастополь и Краснодарском крае. Стоит отметить также исторические предпосылки данного факта. В частности одной из основных целей принятой 8 мая 1998 г. Указом Президента Республики Калмыкия № 92 республиканской (региональной) программы «Молодежь Калмыкии» на 1998–2000 гг. (далее — Программа) являлось создание условий для самостоятельной, творческой реализации молодежи в различных сферах деятельности: культуре, образовании, предпринимательстве, международных обменах и т. п. [[Госпрограмма РК](#)].

Подчеркивая предпосылки и необходимость разработки важных и опередивших свое время государственных программных мер, важно указать на то, что среди молодежи республики в 1992–1998 гг. наблюдалась значительная доля безработицы, как и по всей стране [[Росстат 2003: 129](#)], что являлось существенным негативным общественным фактором и способствовало криминализации молодежной и подростковой среды, особенно в городских условиях [[Бражников, Третьяков 2022: 60](#)]. При этом в общей численности населения Республики Калмыкия в 1998 г. дети и молодежь в возрасте до 30 лет составляла 159,832 тыс. чел. [[Численность населения](#)].

Требовались срочные меры по поддержке инициатив и решения вопросов и удовлетворения запросов самой молодежи в Республике Калмыкия. В результате принятия ряда государственных мер, в том числе по

разработке программно-целевых инструментов [Госпрограмма РК], органами государственной власти были выявлены и определены основные направления поддержки молодежи:

- формирование условий для гражданского становления, духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи;
- решение социально-экономических проблем молодежи;
- интеллектуальное и физическое развитие молодежи;
- социальная поддержка и защита молодежи [Госпрограмма РК].

Все направления поддержки молодежи в конце 1990-х и в начале 2000-х гг. носили актуальный характер, большинство продолжают оставаться востребованными и сегодня.

Вместе с тем с точки зрения исследования вопроса становления и развития добровольчества (волонтерства) в регионе, определении взаимосвязи управления процессами принятия государственных мер поддержки общественных волонтерских инициатив и проектов на региональном и местном уровне и роста при этом популярности участия в волонтерском движении детей и молодежи Калмыкии наибольший интерес представляет направление «Интеллектуальное и физическое развитие молодежи», которое в свою очередь включало в себя следующий спектр мероприятий и работ:

- поддержка талантливой молодежи: выявление и развитие индивидуальных особенностей личности, повышение творческого потенциала и способности к саморазвитию, содействие в интеллектуальном развитии;

- продвижение художественного творчества молодежи: формирование у молодежи потребности в освоении ценностей мировой и национальной культуры, стремления к приумножению духовной культуры, участие в культурной жизни общества, проведение молодежных конкурсов и фестивалей по различным жанрам искусства;

- поддержка массового детского и молодежного спорта: воспитание у молодого поколения потребности к занятиям физической культурой и спортом, здорового образа жизни; содействие проведению массовых детских и юношеских спортивных соревнований, массовое участие молодежи в национальном спортивно-культурном празднике «Джангариада» и других мероприятиях;

- международное молодежное сотрудничество: вовлечение молодежи в систему международных молодежных обменов, налаживание прямых партнерских связей между молодежными организациями Российской Федерации и зарубежных стран;

- государственная поддержка деятельности детских и молодежных объединений: создание условий для самореализации молодежи в сфере экономики, науки и техники, организационно-методическая и финансовая поддержка программ детских и молодежных объединений [Закон РК].

Благодаря принятию решения о разработке и реализации Программы [Указ РК], финансирование мероприятий, направленных на поддержку молодежи в Калмыкии, впервые составило 10,085 млн руб. (с учетом цен

на конец 1998 г.) [Указ РК]. Как результат, в Республике Калмыкия дан старт развитию молодежных общественных организаций и объединений в целях вовлечения детей и молодежи в социально-значимую общественную деятельность и их воспитания.

В качестве яркого примера необходимо отметить деятельность Ассоциации детей и подростков Республики Калмыкия «Хамдан», созданной в 1997 г., целью которой было раскрытие талантов детей из отдаленных населенных пунктов республики и вовлечение их в общественно-значимую жизнь республики, в том числе и в волонтерство, объединение всех детских организаций республики [Указ РК].

Благодаря целенаправленной деятельности республиканской детской организации за 28-летний период существования более чем 25 тыс. детей, молодежи, молодых семей, студентов, рабочей молодежи, их родителей стали участниками семинаров по национальным традициям, творческим мероприятиям и фестивалям, выездным летним сменам [Госпрограмма РК].

Дети и подростки под руководством вожатых и взрослых педагогов-наставников и сегодня проходят различные тренинги и курсы, принимают активное участие в общественно-полезной деятельности, становятся лидерами новых детских и молодежных организаций, авторами социальных грантовых проектов, в том числе волонтерских проектов различной направленности: культуры, спорта и физической культуры, пропаганды здорового образа жизни, патриотических акций и проектов по сохранению исторической памяти, экологии, социальной помощи нуждающимся, образования, здравоохранения, правоохранительной деятельности, семейной политики и других направлениях [Госпрограмма РК].

5. Волонтерство в зеркале статистики

Численность волонтеров в регионах Южного федерального округа России зависит от общей численности населения соответствующего субъекта Российской Федерации. Так, например, по состоянию на 1 января 2025 г. в субъектах Южного федерального округа доля населения, вовлеченного в волонтерскую деятельность, существенно варьируется (см. табл. 1).

Таблица 1. Численность волонтеров в регионах Южного федерального округа на 01.01.2024 (чел.) [Добро.РФ; Численность населения]

№	Страна, федеральный округ, регионы	Численность населения	Численность волонтеров, чел.	Доля волонтеров в общей численности населения, %
1.	Российская Федерация	146 150 789	9 032 184	6,1
2.	Южный федеральный округ	16 624 081	881 993	5,3
3.	Астраханская область	946 429	121 468	12,8

4.	Волгоградская область	2 453 898	50 751	2,1
5.	Краснодарский край	5 833 002	261 764	4,5
6.	Республика Адыгея	500 591	60 855	12,2
7.	Республика Калмыкия	266 770	14 855	5,6
8.	Республика Крым	1 909 499	63 527	3,3
9.	Ростовская область	4 152 518	278 757	6,7
10.	г. Севастополь	561 374	30 016	5,4

На сегодня статистические данные о возрастной структуре участников волонтерских инициатив (рис. 2) демонстрируют, что средний возраст волонтера в Калмыкии составляет 24 года. Это свидетельствует о том, что наибольшее количество волонтеров (34 %) относятся к категории молодежь: учащиеся, студенты, рабочая молодежь, представители общественных организаций и молодежных объединений [Добро.РФ]. Это результат активной информационной политики государства о возможностях и благах, получаемых благодаря участию в волонтерской деятельности. Современное законодательство под добровольческой (волонтерской) деятельностью определяет добровольную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг [Федеральный закон 135-ФЗ]. При этом в целях стимулирования волонтеров предусмотрены конкретный перечень мер поддержки участников (добровольческой) волонтерской деятельности [Письмо Росмолодежи]. Добровольчество (волонтерство), прежде всего, основан на принципе безвозмездности [Федеральный закон 135-ФЗ], искреннем желании быть полезным обществу в решении социальной или иной проблемы.

Отдельного рассмотрения требуют вопросы релевантности волонтерской деятельности в современных условиях среди различных категорий населения в части получения преимуществ, льгот иных «обязательных» мер поддержки. Например, категория волонтеров-«студенты» преимущественно становятся добровольцами ввиду получения впоследствии льгототворительных писем, грамот, дипломов, влияющих на уровень и размер стипендий, школьники формируют свои портфолио, получают баллы при поступлении в вузы и др. Здесь кроется противоречие между самим понятием «волонтерство» и получением льгот, например при поступлении в высшие учебные заведения и др.¹

В то же время стоит отметить особенность распределения волонтеров по половому признаку: 63 % волонтеров женщины, 37 % мужчины [Добро.РФ]. По нашему мнению, данный факт обусловлен отражением демографической структуры населения в Республике Калмыкия, где женщин больше, чем мужчин в структуре населения [Калмыкия в цифрах 2025: 18]. Кроме того, данный факт обусловлен и тем, что женщины более со-

¹ Проблемы волонтерства: милосердие из-под палки завуча и за баллы [электронный ресурс] // URL: <https://mel.fm/blog/marya-nikitina/45186-problemy-volonterstva-miloserdiye-iz-pod-palki-zavucha-i-za-bally> (дата обращения 23.10.2025).

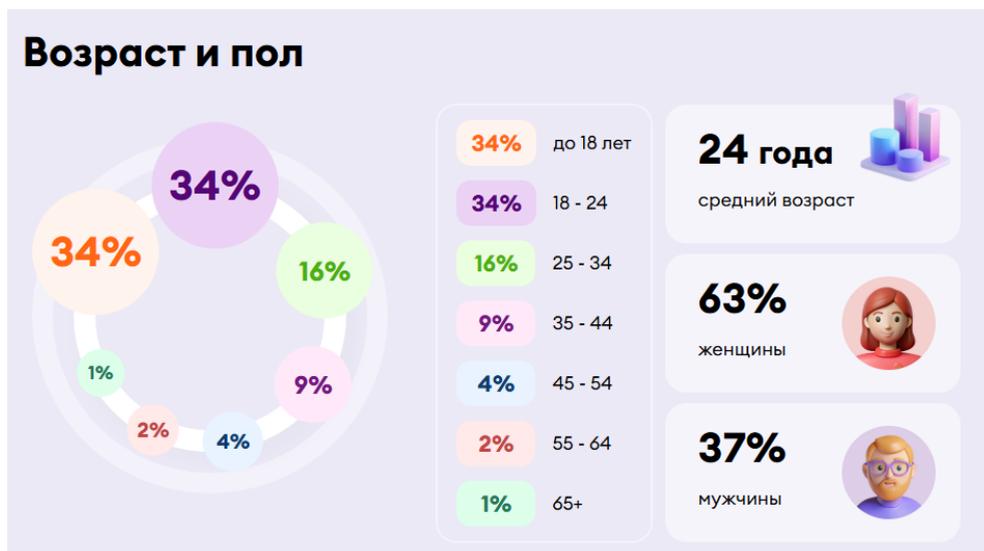

Рис. 2. Половозрастная структура населения, вовлеченного в волонтерскую деятельность в Республике Калмыкия на 01.12.2025 (%) [Добро.РФ]

циально активны и чувствительны к проблемам окружающих. Они чаще участвуют в различных благотворительных акциях и проектах.

Благодаря принятию и реализации в 2018–2020 гг. мероприятий подпрограммы «Государственная поддержка добровольчества в Республике Калмыкия» в составе региональной госпрограммы «Развитие молодежной политики в Республике Калмыкия», в регионе проявляется наибольшая активность среди представителей детских и молодежных организаций, реализующих волонтерские практики: региональные отделения общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых»¹, Центра военно-спортивной подготовки и патриотического воспитания и «Воин»², Всероссийского военно-патриотического общественного движения «Юнармия»³, «Молодая гвардия»⁴, волонтеры

¹ Движение первых. Республика Калмыкия [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/wall-218438160_8541 (дата обращения 23.10.2025).

² Выпускники Центра «ВОИН» вышли на охрану общественного порядка [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/wall-221069790_9621 (дата обращения 23.10.2025).

³ Юнармия Республики Калмыкия [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/wall-161113475_52 (дата обращения 23.10.2025).

⁴ Калмыцкое отделение ВОО «Молодая Гвардия Единой России» учредила медаль «Юный герой» — и первые награды уже нашли своих обладателей! [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/wall-135882724_2189 (дата обращения 23.10.2025).

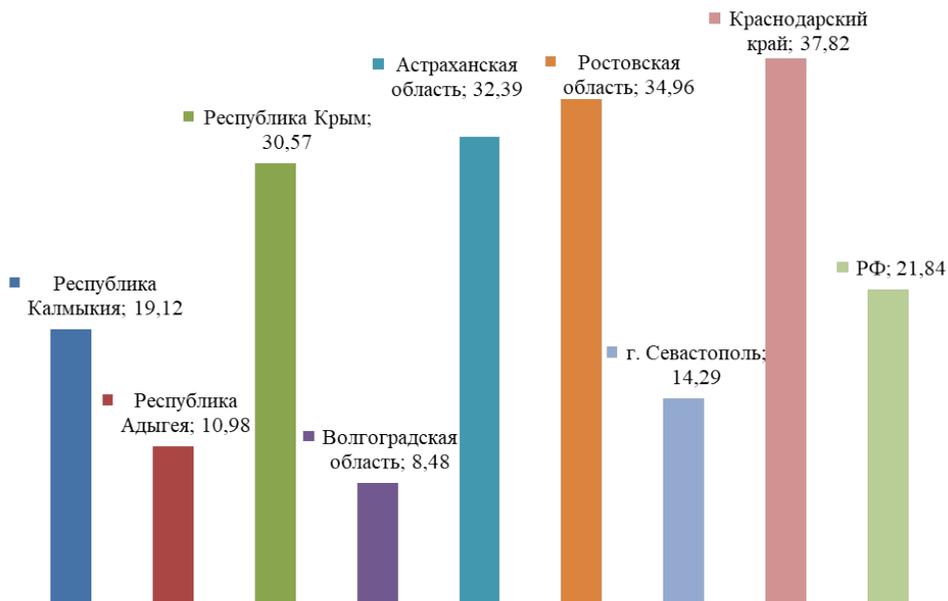

Рис. 3. Темп роста численности зарегистрированных в ЕИС Добро.РФ организаторов волонтерских инициатив и проектов детских и молодежных общественных организаций и объединений регионов ЮФО и РФ за период 2019–2026 гг., (ед.) [Добро.РФ]

Рис. 4. Структурное распределение волонтеров на 01.12.2025 [Добро.РФ]

Победы¹, Российские студенческие отряды², Профсоюзный комитет студентов Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова³, волонтеры культуры⁴, волонтеры-медики⁵, волонтеры штаба «Мы вместе»⁶, волонтерские отряды образовательных учреждений⁷, члены молодежных советов органов государственной власти, учреждений⁸.

Широкая информационная кампания, мотивационные меры в виде предоставления дополнительных баллов при поступлении в вузы привело к тому, что за период с 2019 г. по 2025 г. в ЕИС Добро.РФ количество зарегистрированных организаторов волонтерских инициатив и проектов детских и молодежных общественных организаций и объединений в Калмыкии увеличилось с 17 до 325 ед. (в 19,1 раз, см. рис. 3), что значительно выше темпов роста Республики Адыгея (10,98 раз), Волгоградской области (8,48 раз), г. Севастополь (14,29 раз), но существенно ниже темпов роста Ростовской области, Краснодарского края, Астраханской области и в целом по стране [Добро.РФ]. Данный факт объясняется недостаточным уровнем развития инфраструктуры молодежной политики в регионе. Молодежные центры, на базе которых создаются волонтерские проекты и осуществляется прямая государственная поддержка волонтерских объединений, созданы в Калмыкии только в г. Элисте (2023 г., Дом молодежи им. Б. Б. Городовикова).

Структура волонтерского движения по категориям населения Республики Калмыкия в 2025 г. представлена на рис. 4. Так, наибольшую долю волонтеров в общей численности волонтеров, зарегистрированных в ЕИП Добро.РФ, составляют категории, отнесенные к так называемой социальной сфере. Категория «Дети и молодежь» представляют наиболее много-

¹ Волонтеры Победы. Республика Калмыкия [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/wall-112893140_611 (дата обращения 23.10.2025).

² Делиться теплом — это в нашей крови! [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/wall-113720923_12493 (дата обращения 23.10.2025).

³ Сердцем в деле [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/wall-9232104_23714 (дата обращения 23.10.2025).

⁴ Сегодня добровольцы общественного движения «Волонтеры культуры» поздравили великого человека, участника ВОВ, труженика тыла, ветерана труда России — Анатолия Борисовича Тепшинова [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/wall-195810644_76 (дата обращения 23.10.2025).

⁵ 30 октября в Элисте волонтеры медики провели квиз по первой помощи в рамках Всероссийской акции... [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/wall-162874413_1249 (дата обращения 23.10.2025).

⁶ Волонтеры штаба «Мы вместе» готовят «тесто как у мамы» для тюменских бойцов [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/video-131652649_456269201 (дата обращения 23.10.2025).

⁷ Волонтерский отряд «Открытые сердца» МБОУ «СОШ №4» города Элиста... [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/wall-168192646_504 (дата обращения 23.10.2025).

⁸ Видео от Молодежного совета ОСФР по Республике Калмыкия [электронный ресурс] // URL: https://vk.com/video-231412018_456239018 (дата обращения 23.10.2025).

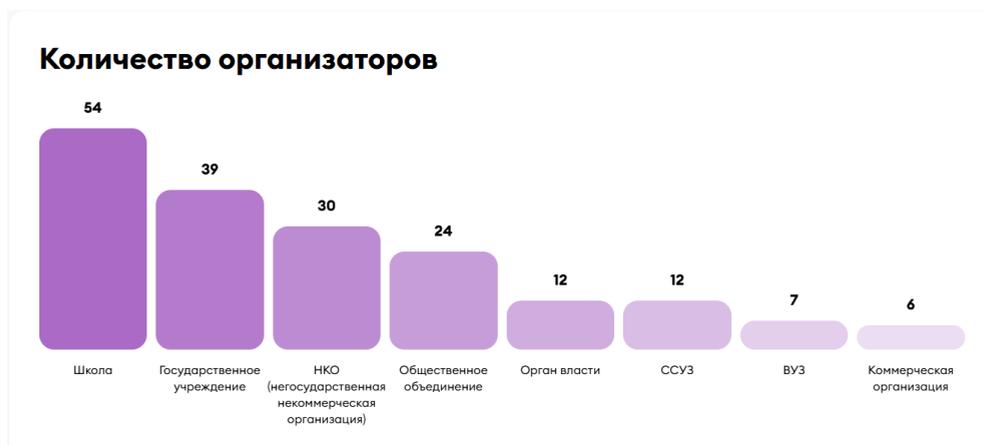

Рис. 5. Организационно-правовая форма организаторов волонтерских проектов на 01.12.2025 [Добро.РФ]

численную группу волонтеров (3,2 тыс. чел.), что связано с наибольшей активностью детей и молодежи благодаря организованному участию школ, учебных заведений в период проведения массовых мероприятий: памятных, событийных, социально-значимых и др. Отмечается активная политика поддержки участия студенческой молодежи в республиканских социально-значимых мероприятиях учебными заведениями республики, обусловленное системной работой подразделений по воспитательной работе и молодежной политике учебных заведений.

Реализация Российским детским центром Всероссийского проекта «Навигаторы детства» при поддержке Министерства просвещения РФ позволила вовлечь в реализацию волонтерских инициатив представителей системы образования региона. В республике на 1 декабря 2025 г. свыше 2 тыс. сотрудников отрасли образования участвуют в организации и реализации волонтерских проектов в республике [Добро.РФ].

Говоря об отраслевой принадлежности и организационно-правовой форме организаторов волонтерских проектов, можно констатировать тот факт, что в целом по стране доля участия образовательных учреждений (дошкольные учреждения, школы, ССУЗы, вузы) значительная: составляет 13,7 % в общей численности организаторов волонтерской деятельности (25,8 тыс. ед.) [Добро.РФ]. В Калмыкии структура отраслевой принадлежности волонтерских организаций соответствует общероссийским показателям. В 2025 г. наибольшее количество волонтерских организаций в Калмыкии представляют образовательные организации — 54 ед. (16,6 % от общего количества организаторов) (см. рис. 5). Далее следуют государственные структуры, учебные заведения (ССУЗы, вузы), некоммерческий и коммерческий сектор.

7. Заключение

В российском обществе развивается культура взаимопомощи и добра как нормы, особенно среди детей и молодежи. Существенным фактором участия молодежи в волонтерских акциях является возможность для ее самореализации путем участия в предоставлении бескорыстной помощи нуждающимся. Имеется большой потенциал участия детей и молодежи Калмыкии в волонтерских проектах, реализации собственных инициатив. Волонтерство распространено в сфере социальных услуг, в образовательных и государственных учреждениях. Все больше волонтерских организаций устанавливают свой статус благодаря регистрации и пользованию Единым информационным порталом Добро.РФ. Однако коммерческий сектор, субъекты малого и среднего предпринимательства, организации, предприятия из реального сектора экономики наименее вовлечены в развитие волонтерства в регионе, что свидетельствует о низком уровне социальной активности рабочей молодежи в возрасте до 35 лет, недостаточном уровне информированности общественности о возможностях участия в волонтерской деятельности и соответственно решении социальных проблем.

Источники и литература

- Бражников, Третьяков 2022 — *Бражников С. А., Третьяков А. В.* Противоправная активность несовершеннолетних в России конца XX века: факторы развития // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 2(62). С. 58–68.
- Ващенко и др. 2020 — *Ващенко Д. Г., Судиловский Д. А., Волков А. Д.* Волонтерство в социальной сфере. «Серебряное волонтерство» // Актуальные вопросы организации волонтерской деятельности в рамках подготовки к Универсиаде 2019: лингвопереводческий, психолого-педагогический, организационно-управленческий и социальный аспекты: сб. мат-лов VI Межд. науч. практ. конф. (г. Красноярск, 30 октября – 01 ноября 2019 г.). Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, 2020. С. 124–126.
- Горлова 2019 — *Горлова Н. И.* Становление и развитие института волонтерства в России. М. : Ин-т Наследия, 2019. 289 с.
- Госпрограмма РК — Государственная программа Республики Калмыкия «Развитие молодежной политики в Республике Калмыкия», утвержденная Постановлением Правительства Республики Калмыкия от 26.12.2022 № 506 [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/406485659> (дата обращения 23.10.2025).
- Добро.РФ — Единый информационный центр поддержки добровольчества [электронный ресурс] // URL: https://dobro.ru/analytics?utm_source=dobroru&utm_medium=page_menu&utm_campaign=analytics (дата обращения 23.12.2025).
- Закон РК — Закон Республики Калмыкия от 17.07.2015 № 130-V-3 (ред. от 10.08.2021) «Об основных направлениях государственной молодежной политики Республики Калмыкия» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/428619867> (дата обращения 23.12.2025).
- Жаворонков 2004 — *Жаворонков Р. Н.* Гражданско-правовое регулирование добровольческой и благотворительной деятельности в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.

- Игнатова 2024 — *Игнатова Т. В.* Волонтерство и добровольчество как форма социальной активности молодежи России // Молодежь как социальная группа российского общества: статус, мобильность, особенности коммуникаций: мат-лы научных трудов Всеросс. науч. конф. (г. Ульяновск, 5–6 декабря 2024 г.). Ульяновск: УлГТУ, 2024. С. 45–50.
- Калмыкия в цифрах 2025 — Калмыкия в цифрах – 2025: Краткий статистический сборник / Управление Федеральной службы государственной статистики по Астраханской области и Республике Калмыкия. Элиста: [б. и.], 2025 132 с.
- Кибальник 2019 — *Кибальник А. В.* Обучение студентов стратегиям преодоления жизненных ситуаций в процессе волонтерской деятельности: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2019. 24 с.
- Кузьминчук 2016 — *Кузьминчук А. А.* Институциональное регулирование волонтеров как социальной общности: дисс. ... канд. соц. наук. Тюмень, 2016. 222 с.
- Организация 2017 — Организация волонтерской (добровольческой) деятельности в государственных (муниципальных) учреждениях / авт.-сост. А. В. Ковтун, А. А. Соколов, А. П. Метелев; под ред. Т. Н. Арсеньевой. М.: [б. и.], 2017. 45 с.
- ОСОАВИАХИМ 1931 — ОСОАВИАХИМ в деревне: решения 1-го Всесоюзного совещания по работе ОСОАВИАХИМа в деревне (апрель 1931 г.). М.: Гос. воен. изд-во, 1931. 47 с.
- Павлова 2018 — *Павлова Т. В.* Волонтерство в России, его сущность и особенности: история и современность // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы: X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения. Сб. мат-лов VI Межд. науч. практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 13–14 апреля 2018 г.). СПб.: Политехнический ун-т, 2018. С. 720–723.
- Певная 2016 — *Певная М. В.* Волонтерство как социальный феномен: управленческий подход: дисс. ... д-ра соц. наук. Екатеринбург, 2016. 368 с.
- Певная и др. 2021 — *Певная М. В., Кульминская А. В., Широкова Е. А., Шуклина Е. А.* Волонтерское участие молодежи в период пандемии: портрет героя сложного времени // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 492–510. DOI: 10.14515/monitoring.2021.3.1930
- Петрова и др. 2018 — *Петрова Т. Э., Гарашко А. Ю., Черкасова Т. В.* Добровольчество и волонтерство в России: история и современность. М.: ИНФРА-М, 2018. 85 с.
- Письмо Росмолодежи — Письмо Росмолодежи от 25.04.2024 № КР/3382-06 «О внедрении перечня мер поддержки участников (добровольческой) волонтерской деятельности» (вместе с «Методическими рекомендациями по реализации мер поддержки участников добровольческой (волонтерской) деятельности органами государственной власти и органами местного самоуправления») [электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-rosmolodezhi-ot-25042024-n-kr3382-06-o-vnedrenii-perechnja/> (дата обращения 23.12.2025).
- Росстат 2003 — Российский статистический ежегодник. М., Госкомстат России, 2003 [электронный ресурс] // URL: https://www.rosstat.gov.ru/bgd/regl/b04_13/ (дата обращения 23.10.2025).
- Сазонова и др. 2015 — *Сазонова Е. С., Кывыржик М. В., Гуцу О. С.* Благотворительность, волонтерство, социальное служение в современном мире // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 26–27 ноября 2015 г.). Белгород: ИД «Белгород», 2015. С. 373–378.
- Трамм 1947 — *Трамм Б. Ф.* Ордена красного знамени союз ОСОАВИАХИМ СССР (к 20-летию ОСОАВИАХИМа) // Радио. 1947. № 1. С. 4–5.

Указ РК — Указ Президента Республики Калмыкия от 8 мая 1998 г. № 92 «О Республиканской (региональной) программе «Молодежь Калмыкии» на 1998–2000 гг.» [электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/24900953/> (дата обращения 23.12.2025).

Федеральный закон 135-ФЗ — Федеральный закон от 11.08.1995 №135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/9012847> (дата обращения 23.10.2025).

Численность населения — Численность населения в Республике Калмыкия [электронный ресурс] // URL: <https://численность-населения.рф/республика-калмыкия> (дата обращения 23.10.2025).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: В. В. Куканова

2025. № 4

Переводчик: *Номинханова Б. О.*
Компьютерная верстка: *Когданов А. Н.*

Дата выхода 04.12.2025. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,27. Тираж 100 экз. Заказ 44-25.
Подписной индекс 33086. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8